

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2
2020
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 2 (292) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Фердинанд Порше (1875–1951), немецкий конструктор автомобилей и бронетанковой техники, основатель компании Porsche.

Фердинанд Порше родился в маленьком городке Мафферсдорфе (ныне Вратиславице, Чехия) в семье судетских немцев. Отец Фердинанда, Антон Порше, владел ремонтной мастерской. Умелый жестянщик, он пользовался уважением местных жителей и даже избирался на должность мэра. У Фердинанда были старший брат и старшая сестра. Антон Порше собирался сделать своим наследником старшего сына, но тот погиб в результате несчастного случая, когда работал подмастерьем в мастерской. После этого наследником отца стал Фердинанд.

Получив образование инженера, он целиком окупился в проектирование автомобилей и моторов к ним, особую страсть испытывая к гоночным авто. И в 1910 году его «австро-даймлеры» завоевали в гонке все три первых места, причем за рулем одного из них сидел сам маэстро, а механиком в экипаже числился восемнадцатилетний хорват... Иосиф Броз Тито — будущий президент Югославии. Чуть позже машина «Саша», названная в честь спонсора, киномагната Александра Коловрата, стала одним из лидеров в гонках «Тарга-Флорио». Сам же Порше переходил из фирмы в фирму, ибо бестактность и нетерпимость конструктора к недалёковидным и скаредным владельцам автокомпаний равнялись его одаренности.

Уже в то время его волновала идея создания недорогой «массовой» машины, он работал над мотором и прочими узлами будущего народного автомобиля. Но этим планам нескоро суждено было сбыться: началась Первая мировая, и Порше пришлось заниматься исключительно военной техникой. После нее — снова работа над гоночными моделями: богатые спонсоры жаждали острых ощущений и быстрой езды.

Как-то конструктор по личному приглашению Сталина посетил СССР. Ему предложили осмотреть любой завод, включая Сталинградский тракторный (разумеется, с прицелом на танковые разработки), и якобы даже посулили пост министра автомобилестроения. От столь лестного предложения Порше отказался, поскольку в Стране Советов автотранспорт никак не развивался, а он готов был проектировать танки только параллельно с автомобилями. Такую возможность ему предоставила другая одиозная личность.

Появлением «жука» мир обязан... Адольфу Гитлеру. Фюрер был большим любителем авто, хотя так и не научился вождению. Он восторгался работами Порше и, забывая о своей популярности в массах, с удовольствием поддержал идею народного автомобиля, которая работала на имидж вождя и «отца нации». Перед немецкими промышленниками поставили жесткую задачу: создать машину ценой до тысячи рейхсмарок, способную перевозить минимум четырех человек, расходуя на сто километров не более пяти литров топлива и двигаясь со скоростью не менее 80 км/час. Так Порше заполучил высокого спонсора и «зеленый свет» для реализации своей мечты. После удачного дебюта автомобиля фюрер отдал приказ начать массовое производство, а герр Порше окончательно стал его фаворитом.

Однако военная техника этому гению хронически не удавалась. Так, над прототипами знаменитого «Тигра» работали два конкурирующих завода — Хеншель и Порше. Когда пришло время выбирать, Гитлер отдал пальму первенства и госзаказ первому. Легкий разведывательный танк «Леопард», самоходное орудие «Фердинанд» и сверхтяжелый танк Maus не пошли в массовое производство.

Когда война закончилась, Порше был арестован французскими солдатами и приговорен к тюремному заключению, которое он отбывал в течение 22 месяцев. А в это время его сын Фердинанд, который по стопам отца, работал над созданием нового гоночного автомобиля Cisitalia — продукта компании «Порше». Есть мнение, что, вернувшись из тюрьмы, отец сказал сыну: «Я создал бы все в точности так же, вплоть до последнего винтика». Семейная команда отца и сына вошла в историю, когда в 1950 году они представили миру спортивный автомобиль «Порше». Ну а «жуки» быстро завоевали Европу, а затем и весь мир. За сорок лет выпущено более 20 миллионов малолитражек — абсолютный рекорд для одной модели, зафиксированный в Книге рекордов Гиннесса. Существует также легенда, что Джон Леннон назвал свою группу Beatles в честь любимого американцами автомобиля.

За свои достижения Порше получил почетную степень доктора наук в Имперском техническом университете, а также Немецкую национальную награду за вклад в искусство и науку. Музеи имени Порше были основаны в Австрии, Чехии и Германии.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аверьянов Р. О.

Юридическая ответственность за вред, причиненный правомерными действиями..... 77

Акопян А. П.

Актуальные проблемы проведения электронных конкурсов по законодательству о контрактной системе в сфере закупок 81

Антонова В. А.

Формы муниципального контроля: зарубежный опыт 83

Баженова А. С.

Особенности досудебного сопровождения несовершеннолетних, преступивших закон (практика Архангельской области) 86

Беринчик Я. В.

Проблема защиты интересов детей в международном праве..... 88

Веселов А. Е.

Пути решения проблемы наказания в виде смертной казни в России..... 90

Власова А. В.

Возможность применения медиации при разрешении семейных споров..... 92

Гацков Э. А.

Проблемы правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации 94

Гольмакова Э. М.

Микрофинансовые организации: как не лишиться жилья за долги 96

Григоренко А. Е.

Антикоррупционная экспертиза в Российской Федерации на защите интересов мигрантов 98

Дорин А. С.

Проблемы правоприменения законодательства о продаже земельных участков сельскохозяйственного назначения..... 101

Драгоруб А. И., Воронин И. К.

Контроль за оборотом прекурсоров: теоретико-правовой и гражданско-правовой анализ современного состояния с международным аспектом 103

Дробот Н. А.

Социально-правовые гарантии при увольнении сотрудников уголовно-исполнительной системы, проблемы и пути решения 109

Душкина А. А.

Страховое регулирование в России и за рубежом 112

Душкина А. А.

Договор ренты в гражданском законодательстве: основные аспекты и особенности 114

Кинжибеков В. В.

Ограничение прав граждан России на выезд за пределы РФ 115

Киреева А. А.

Презумпция доверия к полиции 117

Кнышов Е. В.

Проблемные вопросы сроков при производстве по делам об административных правонарушениях 119

Константинов Д. Г.

Банкротство крестьянского (фермерского) хозяйства..... 121

Корабельникова А. В., Пугина О. А.

Правовые механизмы обеспечения устойчивого развития на региональном уровне..... 123

Левгеева Т. Б. Концепция правовой системы в советском государстве.....	125	Поляков Е. И. Уголовно-исполнительная система и проблемы обеспечения ее безопасности.....	135
Лысаченко Е. Н. Цессия и «гонорар успеха» при оказании юридических услуг.....	126	Редикова И. В. Понятие и правовая основа несостоятельности физических лиц: ретроспектива и современные реалии.....	138
Молчанова Т. Ю., Мильшина В. Г. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных	129	Редькина Е. А. Исторические этапы развития криминологии в России	140
Насиров И. А. Уголовная ответственность за хищение электронных денежных средств	131	Солодилова Ю. Л. Проблемные аспекты оспаривания сделок должника в процедурах банкротства в специальном порядке.....	142
Подстрахова А. В. Зарубежный опыт содержания иностранных осужденных в учреждениях УИС: гуманитарные аспекты	133		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Юридическая ответственность за вред, причиненный правомерными действиями

Аверьянов Роман Олегович, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматриваются вопросы ответственности и компенсации ущерба за вред, причиненный государственными органами власти и их должностными лицами субъектам гражданских правоотношений путем применения правомерных действий.

Ключевые слова: государство, государственные органы, должностные лица, причинение вреда, правомерные действия, ответственность, компенсация ущерба.

В настоящее время одной из основных задач современного государства является обеспечение социального и экономического благополучия населения. Таким образом, социально-правовое государство становится социально-обязанным в вопросе компенсации ущерба теми лицами и образованиями, которые осуществляют свою деятельность от имени государства, а также иных публично-правовых образований. В силу данных позиций можно сделать вывод, что государство является, прежде всего, гарантом справедливости и сохранности прав и свобод, реализация которых возможна в силу принятия ответственности.

В последние десятилетия все чаще были слышны дискуссии по вопросу раскрытия сущностных механизмов, а также пределов юридической ответственности государства, его органов и их должностных лиц при возмещении вреда, причиненного правомерными действиями.

Нельзя не согласиться с И.А. Алексеевым и М.И. Цапко, которые указывают на актуальность темы ответственности государственных органов власти и их должностных лиц для современного государства и общества, рассмотрение которой находится в непосредственном контакте с проблемой повышения эффективности публичного управления при решении возложенных на государство и его органы задач, а также борьбы с некомпетентностью и коррупционными проявлениями [1].

«Значительная часть вопросов отраслевой ответственности, — по мнению И.А. Алексеева и М.И. Цапко, — продолжает оставаться нерешенной, дискуссионной, а без решения доктринальных и теоретических проблем невозможно осуществление ни эффективной правовой политики, ни правоприменительной практики» [1].

Прежде чем подойти к вопросу ответственности при возмещении вреда, причиненного правомерными действиями государства в лице его органов власти и их долж-

ностных лиц, необходимо рассмотреть статус государства в процессе реализации его властных полномочий.

При реализации публично-властных правоотношений, субъектом права является непосредственно само публично-правовое образование. Так, в соответствии с российским законодательством публично-правовыми образованиями являются государство, его субъекты, а также муниципальные образования. При этом следует отметить, что органы и учреждения не обладают самостоятельной публично-властной волей, но реализуют волю публично-правовых образований. При других обстоятельствах, по мнению И.Е. Кабановой, следовало бы признать, что правоспособность, например, государства, поделена и распределена между его органами и учреждениями, выступающими в своей сфере самостоятельными субъектами властвования [2].

По мнению В.Г. Голубцова, плюралистическая модель требует фиксации равноправия применительно к каждому органу публичной власти, представляющему публичный субъект в гражданском обороте [3, с. 71].

Таким образом, государство является публично-правовым образованием, обладающим публично-властной волей, реализация которой осуществляется через созданные государственные органы власти; непосредственная деятельность последних характеризуется служебной деятельностью их должностных лиц.

По мере того, как меняется российское законодательство в вопросе ответственности и компенсации ущерба за вред, причиненный правомерными действиями государства, все больше ученых присоединяется к данной дискуссии. Вопросы, связанные с участием государства в гражданско-правовых отношениях и созданием единой целостной концепции реализации гражданско-правовой ответственности, вызывают живой интерес цивилистов, а также исследователей других отраслей права.

По мнению А.Н. Бочарова, необходимость комплексного подхода к вопросу компенсации ущерба за вред, причиненный правомерными действиями государства, ощущается именно в контексте цивилистической науки по причине того, что именно гражданское право объединяет в своем фокусе наиболее разнородный перечень регулируемых общественных отношений [4, с. 86]. В то же время нельзя не согласиться с логикой В.А. Бабакова, который считает, что проблема создания эффективно действующего института гражданско-правовой ответственности государства должна решаться как цивилистическими методами, так и с возможным совершенствованием данного института в уголовно-правовой, гражданско-процессуальной, административно-правовой и других плоскостях [5, с. 90].

Статья 2 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) провозглашает, что: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [6]. К сожалению, следует констатировать, что положения статьи 2 Конституции зачастую подвергаются «проверке на прочность» в силу объективных и субъективных реалий. Глобализация, технический прогресс, социально-экономические проблемы, а также несовершенство законодательства иногда становятся причинами неблагоприятных явлений в жизни человека. Такими явлениями, прежде всего, выступают техногенные и природно-климатические катастрофы, терроризм и преступность в целом. Также негативные последствия могут иметь и правомерные действия должностных лиц государственных органов власти по реализации своих полномочий, при которых может происходить изымание материальных благ (например, земельных участков для строительства автодорог) или ситуации, связанные со сбоями в работе данных органов, приведшие к неблагоприятным последствиям для физических и юридических лиц (сбои в работе информационных программных продуктов, влияющие на сбалансированную работу государственных органов по оказанию государственных услуг).

Немаловажной проблемой являются ошибки, допускаемые должностными лицами при реализации контрольных полномочий. Так, в последнее время можно наблюдать случаи неверного применения норм права, при котором проверяемое должностное лицо может подвергнуться штрафным санкциям, а орган власти — бюджетным мерам принуждения. Ошибки, допускаемые при реализации правомерных действий при проведении контрольных мероприятий, предусмотренные положениями и должностными регламентами, зачастую являются последствием некомпетентности служащих, привлеченных со стороны экспертов, или пробелами двусмысленности правовых норм российского законодательства.

Для детального рассмотрения вопроса правового регулирования обязательств, являющихся следствием причинения вреда правомерными действиями, следует обратить внимание на такую категорию, как правомерность

причинения вреда. Анализируя определения данной категории, отметим формулировку Е.В. Воскресенской, которая под правомерностью причинения вреда понимает допустимость законом осуществления определенных им социально полезных, общественно необходимых, чрезвычайных, незамедлительных осознанных действий, содержанием которых выступает реализация субъективного права, исполнение обязанности либо осуществление социально терпимых действий [7, с. 148].

Справедливую оценку восстановления нарушенных прав лиц, пострадавших в результате деятельности субъектов, обладающих публично-властными полномочиями, дала Е.И. Кабанова, которая отметила, что в данном случае ответственность государства является отнюдь не «благодеянием» со стороны публично-правового образования, а объективной социально-экономической и этической необходимостью и непременным условием развития демократического общества и государства в том числе» [2].

В XXI веке правовое регулирование компенсации вреда, причиненного правомерными действиями, приобрело особое значение в связи с принятием Концепции развития гражданского законодательства (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) (далее — Концепция). Так, согласно подпункту 2.3 пункта 2 главы II Концепции отмечено, что в законодательном порядке следует урегулировать основания и порядок возмещения (компенсации), выплачиваемого за ущерб личности или имуществу, причиненный правомерными действиями, когда закон предусматривает такое возмещение [8].

По мнению Е.М. Гинц, до 2013 года можно было наблюдать столкновение двух разных направлений, где с одной стороны «пострадавшему» лицу, необходимо восстановление его положения, а с другой стороны лицо, причинившее вред «пострадавшему», в свою очередь совершало правомерные действия и, согласно российскому законодательству, не должно нести ответственности [9, с. 80].

В развитии института ответственности государства за вред, причиненный правомерными действиями субъектам гражданских правоотношений, фундаментальным моментом стало вступление в силу с 1 марта 2013 г. Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 302-ФЗ), положившего начало существенным изменениям Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в рамках уже упомянутой Концепции.

Одной из многочисленных новелл Закона № 302-ФЗ являются нормы статьи 16.1 ГК РФ о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, в соответствии с которой в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического

лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации [10].

В соответствии с пунктом 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» возможность такой компенсации предусмотрена статьями 279, 281 ГК РФ, пунктом 5 статьи 790 ГК РФ, пунктом 2 статьи 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее — Закон № 35-ФЗ) [11].

При рассмотрении статьи 16.1 ГК РФ, профессор С. В. Потапенко справедливо отметил, что в соответствии с данной статьей ответственность несут не только указанные органы, но и должностные лица этих органов, а также иные лица, которым государством делегированы властные полномочия [12, с. 39]. Данный вопрос расширила А. В. Петухова, которая заметила, что ГК РФ не содержит данный перечень лиц, но в то же время имеется ссылка к нормам других нормативно-правовых актов [13, с. 164]. В качестве примера можно привести статью 19 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которая предусматривает возможность и порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями.

Согласно рассуждениям О. В. Рузаковой и А. Б. Рузакова правовая природа компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, определяется наукой не однозначно [14, с. 74]. По мнению некоторых ученых причинение вреда правомерными действиями следует рассматривать как разновидность обязательств из причинения вреда, а значит, как специальный вид деликтной ответственности. В свою очередь, если компенсация ущерба по статье 16.1 ГК РФ связана с внедоговорным вредом и носит характер деликтной ответственности, то при ее взыскании следует руководствоваться нормами гражданско-правового института «Обязательства вследствие причинения вреда».

Имущественный интерес потерпевшего, при возмещении убытков, удовлетворяется за счет денежной компенсации понесенных им имущественных потерь. Таким образом, данные утверждения нашли свое отражение в положении статьи 16.1 ГК РФ, где речь идет именно о компенсации ущерба.

Ответственность публично-правовых образований по компенсации ущерба, согласно статье 16.1 ГК РФ, зна-

чительно уже ответственности по возмещению убытков, предусмотренной статьей 16 ГК РФ. Данная разница обусловлена тем, что возмещение убытков предполагает не только компенсацию реального ущерба, но и взыскание упущенной выгоды.

Анализируя сущность статьи 16.1 ГК РФ, Е. В. Воскресенская выделила существенный момент, содержание которого сводится к тому, что в действиях органов государственной власти отсутствует вина, так как правомерность этих действий закреплена в определенных нормативных правовых актах [7, с. 147]. Наиболее ярким примером соответствующего акта является Закон № 35-ФЗ. Согласно части 2 статьи 18 Закона № 35-ФЗ возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Согласно мнению О. А. Рузаковой и А. Б. Рузакова, при рассмотрении законодательства по противодействию терроризму необходимо разграничивать ущерб, причиненный правомерными действиями государственных и муниципальных органов, их должностных лиц, а также возмещение вреда государством за действия третьих лиц [14, с. 77].

Как справедливо заметила Е. В. Воскресенская: «Целью статьи 16.1 ГК РФ является предотвращение в будущем причинения вреда со стороны властных органов и их должностных лиц, содействие укреплению законности, правопорядка и повышению эффективности осуществления властно-распорядительной деятельности» [7, с. 148].

Анализируя конкретные случаи выплаты компенсации за вред, причиненный законными действиями и решениями должностных лиц государственных органов, невольно напрашивается предложение о возможности принятия отдельного специального закона, регламентирующего взаимоотношения государства и субъектов в сфере гражданско-правовых взаимоотношений.

Соглашаясь с мнением А. В. Петуховой, с помощью нового закона можно было бы учитывать специфику правового положения государства и государственных служащих при взаимодействии с субъектами правоотношений [13, с. 164].

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Таким образом, получение реальной компенсации за вред, причиненный правомерными действиями государственных органов власти и их должностных лиц, является базовой гарантией соблюдения основных и законных интересов граждан.

Литература:

1. Алексеев, И. А., Цапко, М. И. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография [Электронный ресурс] // «Перспектив», 2017. — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.06.2019).

2. Кабанова, И. Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография [Электронный ресурс] // «Юстицинформ», 2018. — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.06.2019).
3. Голубцов, В. Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности [Электронный ресурс] // Журнал российского права. — 2010. — № 10. — с. 61–77. — Научная электронная библиотека CyberLeninka. ru. — Режим доступа: <https://clck.ru/H4cRM> (дата обращения: 27.06.2019).
4. Бочаров, А. Н. Соотношение компенсации морального вреда и компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями: общетеоретические вопросы [Электронный ресурс] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 8 (99). — с. 86–88. — Научная электронная библиотека eLibrary. ru. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35330056> (дата обращения: 26.06.2019).
5. Бабаков, В. А. Участие государства в гражданских правоотношениях [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2015. — Том 157, кн. 6 — с. 90–97. — Научная электронная библиотека CyberLeninka. ru. — Режим доступа: <https://clck.ru/H4cRY> (дата обращения: 27.06.2019).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.06.2019).
7. Воскресенская, Е. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный правомерными действиями [Электронный ресурс] // Национальная Ассоциация Ученых. — 2015. — № 3–4 (8). — с. 146–148. — Научная электронная библиотека eLibrary. ru. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28845347> (дата обращения 26.06.2019).
8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». — Режим доступа: <https://base.garant.ru/12176781/> (дата обращения 27.06.2019).
9. Гинц, Е. М. К вопросу о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов [Электронный ресурс] // Текст научной статьи по специальности «Государство и право. Юридические науки». — 2012. — № 10 (12). — с. 80–85. — Научная электронная библиотека CyberLeninka. ru. — Режим доступа: <https://clck.ru/H4cRn> (дата обращения 27.06.2019).
10. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.06.2019).
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.06.2019).
12. Потапенко, С. В. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Власть Закона. — 2013. — № 4 (16). — с. 38–42. — Научная электронная библиотека eLibrary. ru. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21456011> (дата обращения: 27.06.2019).
13. Петухова, А. В. Возмещения вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: новое направление развития деликтных обязательств [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 3 (2). — с. 163–166. — Научная электронная библиотека eLibrary. ru. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21074017> (дата обращения: 27.06.2019).
14. Рузакова, О. А., Рузаков, А. Б. Проблемы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Сибирский торгово-экономический журнал. — 2016. — № 1 (22). — с. 74–78. — Научная электронная библиотека eLibrary. ru. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25659320> (дата обращения: 26.06.2019).

Актуальные проблемы проведения электронных конкурсов по законодательству о контрактной системе в сфере закупок

Акопян Аргам Паркевович, старший преподаватель
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

В данной статье рассмотрены проблемы проведения электронных конкурсов, рассмотрены изменения в законодательстве о контрактной системе, вступившие в силу с 1 января 2019 года; автор анализирует противоречивую правоприменительную практику относительно возможности отклонения заявок на стадии подведения итогов электронного конкурса.

Ключевые слова: закупочная деятельность, контрактная система, электронные конкурсы.

В соответствии со стратегией развития законодательства о контрактной системе, выбранной законодателем, закупки окончательно переходят на рельсы электронизации.

Об этом свидетельствуют изменения, внесенные федеральным законом от 31 декабря 2017 года № 504-ФЗ, согласно которым все закупки перешли в электронный формат. Исключением не стали и все виды конкурсов, в том числе открытый конкурс и конкурс с ограниченным участием. Правда, для закрытых конкурсов сделаны исключения, и в настоящий момент заказчики имеют право проводить их в «бумажном виде» [1].

Перевод конкурсов в электронный вид подразумевает, что заказчики имеют право проводить электронные конкурсы на электронных площадках, перечень которых был утвержден Правительством Российской Федерации.

Плюсы перевода конкурсов в электронный вид является то, что это позволит уменьшить административные издержки, так как большая часть процедур будет выполняться оператором площадки. Например, именно оператор будет выяснять, включен ли участник закупки в реестр недобросовестных поставщиков, возвращать участникам их заявки, не соответствующие формальным требованиям (например, с ценой выше НМЦК), и т. д. Ранее указанные функции выполнялись комиссией заказчика, и такие формальные основания, как указание по технической ошибке двух цен контракта (с разницей в копейку) являлось основанием для отклонения заявки участника закупки.

Также снизились коррупциогенные факторы, такие как уведомление информации о цене других участником «своему поставщику».

Что касается самой процедуры, то сама заявка на участие в электронном конкурсе состоит из двух частей и предложения о цене контракта — участник подает эти три электронных документа оператору электронной площадки одновременно. В первой части заявки указываются только характеристики предлагаемых товаров (работ, услуг), во второй — сведения об участнике и электронные версии требуемых конкурсной документацией документов.

На первом этапе конкурсная комиссия получает от оператора электронной площадки, рассматривает и оценивает первые части заявок. Данный этап не должен превы-

шать 5 рабочих дней с даты окончания подачи заявок (из этого правила есть исключения — если НМЦК меньше 1 млн. руб., то рассмотреть первые части заявок нужно в течение 1 рабочего дня, а вот если закупается что-то в сфере науки, культуры или искусства, то рассматривать и оценивать первые части заявок можно в течение 10 рабочих дней)

По итогам первого этапа оператор электронной площадки в течение часа с момента поступления к нему соответствующего протокола конкурсной комиссии направляет каждому участнику информацию о допуске конкретного претендента к дальнейшему участию в конкурсе, а также о наименьшей предложенной цене контракта и дате и времени подачи участниками конкурса окончательных предложений о цене контракта (это должен быть следующий рабочий день после истечения 1 рабочего дня со дня рассмотрения и оценки первых частей заявки). Здесь участники должны решить, будут ли они снижать ранее предложенную цену, но это их право, а не обязанность: если ничего не меняется, то первоначальное предложение цены будет считаться окончательным. Так завершается второй этап электронного конкурса.

Наконец, на третьем этапе конкурсная комиссия получает от оператора электронной площадки вторые части заявки и оценивает их, в результате чего определяется победитель конкурса. Максимальный срок рассмотрения и оценки здесь тоже варьируется — в базовом варианте 3 рабочих дня, если НМЦК не превышает 1 млн. руб. — 1 рабочий день, при закупках в сфере науки, культуры, искусства — 5 рабочих дней.

Концептуальной новацией электронного конкурса является как раз создание в ходе его проведения таких условий, когда участники могут конкурировать друг с другом по цене «в открытую», то есть на новом этапе — переторжке. Также примечательно, что при электронном конкурсе не предусматривается деление закупки на лоты, это возможно только при проведении конкурса в «бумажной» форме [2].

Относительно новых правил оценки вторых частей и подведения итогов остаются много вопросов.

1. В настоящее время закупки по проектно-исследовательским работам не попадают в аукционный пере-

чень, и они могут проводиться открытым конкурсом в электронном виде. Участники таких закупок должны состоять в специальном реестре саморегулируемых организаций, подпадающих под правила градостроительного кодекса. Так, с июля 2018 года члены саморегулируемых организаций при вступлении в СРО получают уровень ответственности, сопоставляемую с совокупной суммой заключаемых участником закупки контрактов [3]. Таким образом, исходя из положений 31 статьи Закона о контрактной системе, конкурсная комиссия должна проверять и сопоставлять предлагаемую цену контракта участником закупки и совокупный размер обязательств, которые прописаны в реестре СРО.

Примечательным является то, что переторжка и окончательные цены контракта конкурсная комиссия могут увидеть только на стадии «подведение итогов», что не дает возможности конкурсной комиссии отклонить участников закупок на стадии «рассмотрение вторых частей», даже если совокупный размер обязательств меньше, чем предлагаемая участником цена контракта.

Таким образом, в настоящее время существует риск неисполнения положений градостроительного кодекса в части разделения участников СРО по проектно-изыскательским работам по уровням ответственности. Возможным решением данной проблемы является внесение изменений в положения законодательства о контрактной системе с добавлением полномочий электронной площадке по проверке выписок СРО на стадии принятия заявок.

2. Критерии оценки заявок, устанавливаемых в конкурсной документации, в настоящее время регулируются постановлением Правительства РФ от 28.11.2013 № 1085 «Об утверждении Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Правила оценки) [4].

Так, согласно пункту 30 Правилам оценки, в случае если в отношении участников закупки предъявляются дополнительные требования в соответствии с частью 2 статьи 31 Закона о контрактной системе, такие дополнительные требования не могут применяться в качестве критериев оценки заявок (предложений).

Также в соответствии с 27 (1) Правил оценки: *«при осуществлении закупки, по результатам которой заключается контракт, предусматривающий оказание услуг по организации отдыха детей и их оздоровлению, заказчик устанавливает, что показатель нестоимостного критерия оценки, предусмотренный подпунктом «б» пункта 27 (опыт выполнения работ..) настоящих Правил, формируется исключительно из следующих подпоказателей:*

общая стоимость исполненных контрактов (договоров) на оказание услуг по организации отдыха детей и их оздоровлению;

общее количество исполненных контрактов (договоров) на оказание услуг по организации отдыха детей и их оздоровлению;

наибольшая цена одного из исполненных контрактов (договоров) на оказание услуг по организации отдыха детей и их оздоровлению.

Заказчик не вправе изменять значимость подпоказателей, указанных в абзацах втором — четвертом настоящего пункта, а также устанавливать иные подпоказатели в отношении показателя нестоимостного критерия оценки, предусмотренного подпунктом «б» пункта 27 настоящих Правил».

Таким образом, при закупке услуг по организации отдыха детей и их оздоровлению заказчик обязан использовать такой показатель как «опыт оказания аналогичных услуг (выполнения работ)».

Но если обратиться к постановлению Правительства РФ от 04.02.2015 № 99 «Об установлении дополнительных требований к участникам закупки...» то мы увидим, что при проведении закупок услуг по отдыху и оздоровлению мы обязаны устанавливать дополнительные требования по «опыту оказания аналогичных услуг» [5].

Таким образом, в настоящее время существует прямой запрет по одновременному установлению в конкурсной документации одинаковых дополнительных требований и критериев оценки, но вместе с тем, данный запрет не может однозначно соблюдаться по закупкам на оказание услуг по отдыху и оздоровлению детей.

Существующая коллизия может привести к противоречивой административной практике контрольных органов, что создает риск привлечения заказчиков к административной ответственности.

Для решения указанной проблемы требуется внесение изменений в Правила оценки, а именно в пункт 30, с указанием отдельных исключений.

3. Также остается неясным следующая формулировка пункта 27 (3) Правил оценки: *«Заказчик не вправе изменять значимость подпоказателей, указанных в абзацах втором — четвертом настоящего пункта, а также устанавливать иные подпоказатели в отношении показателя нестоимостного критерия оценки, предусмотренного подпунктом «б» пункта 27 настоящих Правил».*

Заказчик не может изменять значимость подпоказателей и устанавливать иные подпоказатели, указанные в абзацах втором-четвертом, но вместе с тем, в этих абзацах никаких значимостей подпоказателей не прописано. По-другому прочесть данную формулировку нельзя, а значит в Правилах оценки имеется существенный пробел, который необходимо устранить внесением изменений и добавлением в пункт 27 (3) значимостей подпоказателей.

Необходимым является также добавлением в понятийный аппарат Правил оценки определения «подпоказатель», дабы внести ясность в регулировании пунктов 27 (1) — 27 (3).

Литература:

1. Федеральный закон от 31.12.2017 № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1 (Часть I), ст. 88.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14, Ст. 1652.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.
4. Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1085 «Об утверждении Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 09.12.2013, № 49 (часть VII), ст. 6428.
5. Постановление Правительства РФ от 04.02.2015 № 99 «Об установлении дополнительных требований к участникам закупки отдельных видов товаров, работ, услуг, случаев отнесения товаров, работ, услуг к товарам, работам, услугам, которые по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного, высокотехнологического или специализированного характера способны поставить, выполнить, оказать только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации, а также документов, подтверждающих соответствие участников закупки указанным дополнительным требованиям» // Собрание законодательства РФ, 09.02.2015, № 6, ст. 976.

Формы муниципального контроля: зарубежный опыт

Антонова Виктория Андреевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Касаткина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В статье проводится анализ актуальных форм муниципального контроля, используемых в зарубежных странах на современном этапе. Данный анализ может способствовать использованию положительного опыта зарубежных стран в улучшение института муниципального контроля в Российской Федерации.

Ключевые слова: *муниципальный контроль, формы муниципального контроля, зарубежный опыт, контрольно-надзорная деятельность, проверки.*

Forms of municipal control: foreign experience

Antonova Victoria A., Postgraduate Student;

Academic supervisor: Kasatkina Elena A., Candidate of Law Sciences, Associate Professor
Vladimir Branch of RANEPA

The article analyzes the current forms of municipal control used in foreign countries at the present stage. This analysis can contribute to the use of positive experience of foreign countries in improving the institution of municipal control in the Russian Federation.

Keywords: *municipal control, municipal forms of control, foreign experience, Supervisory activity, inspection.*

В широком смысле возможно отметить три разновидности контроля в области районного самоуправления, реализуемые в зарубежных странах, представленные в таблице 1.

Рассмотрим каждую из обозначенных видов подробнее.

1. *Государственный контроль в области районного самоуправления (муниципальное управление, административный контроль).*

Европейской хартией местного самоуправления определено, собственно что любой административный контроль за органами местного самоуправления имеет возможность реализовываться только в порядке и в случаях, которые учтены конституцией или же законодательством, как правило, только для обеспечения законности, а еще он обязан реализовываться с соблюдением соразмерности между степенью вмешательства контролирующего ор-

Таблица 1. Наиболее характерные формы муниципального контроля в зарубежных странах

Форма	Характеристика
Государственный	Распространен при передаче конкретных возможностей органам районного самоуправления. Не считая того, роль предоставленной формы высока в иностранных странах со слаборазвитой системой районного самоуправления
Общественный	Реализуется разными формами, которые дают возможность общественности городских образований осуществлять контроль законности работы органов районного самоуправления
Специальный	Реализуется специально уполномоченными органами и должностными лицами муниципалитетов

гана и значимостью интересов, которые он хочет отстоять (ст. 8).

В процессе воплощения муниципального управления особую роль играет контроль над выполнением задач муниципального управления. Ученые верно отмечают, собственно, что при осуществлении в жизнь данных задач надлежащие органы действуют уже не в качестве местного самоуправления, и они могут быть обязаны выполнять указания вышестоящих государственных органов. Когда же они осуществляют функции местного самоуправления, государственные органы не вправе давать им обязательные указания по реализации этих функций, за исключением случаев добровольного (или нередко вынужденно добровольного) участия в осуществлении финансируемых государством программ, прежде всего социальных (образования, здравоохранения и т. п.). Это весомое средство косвенного муниципального управления, а районным самоуправлением [4, с. 46].

Государственный контроль за работой органов районного самоуправления в некоторых иностранных государствах имеет возможность осуществлять также уполномоченный по правам человека (омбудсмен). Институт омбудсмена, к примеру, в Англии был введен Законодательством о парламентском уполномоченном 1967 г., на основании которого начал работать в том числе уполномоченный в сфере работы районной администрации [3, с. 84].

Видимой специфичностью владеют формы муниципального управления в иностранных странах советской модели, которая есть в Китае, на Кубе, в КНДР, во Вьетнаме. Формально она могла бы именовалась самоуправляющейся, так как все органы формируются выборным путем и назначаемые правительством должностные лица отсутствуют. Фактически руководство и контроль сверху больше агрессивный, чем при системе административной опеки, исполняются при помощи принципа «демократического централизма». Сущность его состоит в выборности всех представительных органов, подотчетности и подконтрольности нижестоящих органов вышестоящим, обязательности заключений вышестоящих органов для нижестоящих и праве вышестоящих органов отменять решения, принятые нижестоящими органами [4, с. 49].

2. Общественный контроль в области местного самоуправления.

Анализ контролирования за работой органов местного самоуправления со стороны населения является крайне значимым. Данная особенность актуальна для цивилизованных иностранных государств, практикующих различные механизмы воздействия жителей на органы районного самоуправления.

Более популярными механизмами социального влияния в муниципальной сфере считается следующие.

1. Общепризнанный запрет (аброгативный голосование) на муниципальном уровне — возможность людей отвергать линией голосования в референдуме представительным органом регионального самоуправления вступившие в силу акты организаций регионального самоуправления либо их единичные утверждения. В современной адвокатской литературе данное учреждение не рассматривается на постоянной основе как независимый, предполагается подходить к нему как к вариации референдума. Однако А. С. Автономов считает, что несмотря на то, что процедуры обычного референдума и общепризнанного голосования похожи, среди института референдума и института общепризнанного голосования существует значительное отличие. В первом случае следует сформулировать формулу референдума, создать проект закона, в случае если в голосовании выносятся законодательная активность. Цель общепризнанного запрета другая — аннулировать целиком либо отчасти ранее функционирующий нормативный документ органа местного самоуправления [5, с. 63].

2. Общепризнанная правотворческая активность — выдвижение группой граждан обязательного для рассмотрения плана нормативного действия. Следует иметь в виду, что выдвинутые вследствие этнической инициативы планы смотрятся коллегиальным представительным органом, также имеют все шансы быть не признаны либо подвергнуты значительной переработке, как и каждый иной план нормативного действия.

Народная правотворческая инициатива может осуществляться не только на общегосударственном уровне и на уровне субъектов федерации, но и на муниципальном уровне (США, ФРГ, Япония и др.). [1, с. 84].

Когда необходимое количество подписей собрано, проверяется соблюдение всех предписаний закона. При отсутствии нарушений проект поступает в представительный орган и начинается обычная процедура [1, с. 85].

3. Единые собрания (сходы). Характерной чертой этого института прямой демократии считается пригодность его в нынешних условиях, в первую очередь в небольших территориальных сообществах. Единое собрание (сход) людей достаточно результативно в малых сообществах с целью принятия заключений, которые затрагивают ежедневные потребности любого из членов территориального коллектива. Непосредственно по этой причине во многих государствах сходы людей практикуются на базовой степени местного самоуправления. Таким образом, в Португалии Конституция учитывает, что в административно-территориальных приходах взамен избирательной ассамблеи способен функционировать единое совещание населения, владея абсолютно всеми правами ассамблеи.

Так, в настоящее время общие собрания, которые, по существу, замещают кантональный парламент, имеются в швейцарском кантоне Гларус и полукантонах Обвальдене, Нидвальдене, Аппенцелле-Ауссерродене и Аппенцелле-Иннерродене. Сохраняются и городские открытые собрания в штатах Новой Англии — Нью-Гэмпшире, Коннектикуте, Род-Айленде, Мэне, Массачусетсе и Вермонте (США).

На сходах в сельских общинах также определенных муниципальных кварталах в различных государствах граждане выражают активность. Цикличность подобных собраний местного самоуправления составляет несколько раз в год, в том числе в единичных случаях несколько раз в квартал [1, с.89].

4. Оспаривание актов органов местного самоуправления в судебном порядке. Данная процедура не является широко распространенной, однако в отдельных государствах имеет существенное значение.

3. Специальный муниципальный контроль.

Литература:

1. Автономов, А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2015. — 560 с.
2. Исаев, М. А. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. М.: Городец, 2014. — 400 с.
3. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия / Сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. М.: Волтерс Клувер, 2006. — 237 с.
4. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2. Часть общая / Отв. ред. проф. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М.: Издательство БЕК, 2010. — 784 с.
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Рук. авт. кол. и отв. ред. Б. А. Страшун. М.: Норма, 2010. — 246 с.
6. Незнамова, Е. А. Правовое регулирование участия населения в местном самоуправлении в зарубежных государствах // Административное и муниципальное право. 2009. N 2. с. 23

Муниципальный контроль, исполняемый специальными органами регионального самоуправления, в иностранных странах в большей степени исполняется в области финансов, т. е. считается разновидностью экономического контролирования.

К примеру, М. А. Исаев сообщает, что во всех странах Скандинавского региона учтена возможность общественных организаций создавать собственную службу ревизоров, никак не зависящую от общегосударственной [2, с. 132].

В Испании во всех муниципалитетах должна иметься Специальная счетная комиссия (согласно главе Закона о регулировании основ режима местного самоуправления — ст. 20.1 е) — главе об организации муниципалитета общего режима).

Основы работы Специальной счетной комиссии определены в ст. 116 испанского Закона о регулировании основ режима местного самоуправления и, как пишет Хоакин Мойя-Анхелер Санчес, вице-мэр г. Мурсия согласно экономическим проблемам, никак не подверглись каким-либо переменам в связи с принятием Закона о модернизации. Поэтому, в соответствии с этой статьей, до 1 июня каждого года по ежегодной отчетности должен составляться отчет комиссии, в состав которой входят представители различных политических фракций, составляющих муниципальный совет.

Таким образом, в США единичные возможности контролирования за местной администрацией предоставлены местным общественным совещательным органам.

Е. А. Незнамова пишет: «Несмотря на то, что данные органы создаются преимущественно муниципальными властями, их роль сводится к выполнению совещательных функций» [6, с. 23].

Таким образом, мировая практика показывает большое количество форм контроля в сфере муниципального управления и местного самоуправления, в том числе внешнего. Такие формы тоже не противоречат самостоятельности местного самоуправления.

Особенности досудебного сопровождения несовершеннолетних, преступивших закон (практика Архангельской области)

Баженова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Нестабильная динамика в области детской преступности свидетельствует о наличии неблагоприятных социальных процессов, поскольку молодое поколение является основополагающим резервом социального развития каждой страны. Тем самым, возникает необходимость в доступе к правосудию детей вне зависимости от их процессуальной правоспособности. Как отмечает Ю. Ф. Беспалов, дети — это не только будущее, но и настоящее, не только национальная, но и общечеловеческая ценность. В силу умственной и физической незрелости дети нуждаются в особой заботе со стороны государства и общества [1, с. 44].

Факт наличия нестабильной динамики подростковой преступности в Архангельской области, которая характеризуется высоким ростом количества тяжких и особо тяжких преступлений думается, что для расследования преступлений в подростковой среде необходимо привлекать специальное лицо, обладающее знаниями психологических и педагогических основ в области подростковой психофизиологии. Знание особенностей психического состояния и свойств личности несовершеннолетнего является необходимым элементом для выявления внутренних и субъективных причин, способствовавших совершению им преступления.

В силу сказанного, весьма актуальным в настоящее время признается применение технологий социальной работы — досудебного сопровождения. Деятельность специалистов по социальной работе в рамках досудебного сопровождения выражается в подготовке информации и сведений о несовершеннолетнем правонарушителе для направления в суд с целью смягчения наказания.

Досудебное сопровождение несовершеннолетних представляет собой сферу деятельности специалистов различных органов и учреждений системы профилактики в сфере образования, социальной защиты населения, здравоохранения, труда и занятости населения, правоохранительных органов, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и др. Согласованность действий данных субъектов межведомственного взаимодействия должно обеспечивать решение задач профилактики антиобщественных действий в детской и подростковой среде, снижения преступности среди несовершеннолетних, а также эффективной социальной адаптации лиц, находящихся в конфликте с законом. В этой связи досудебное сопровождение рассматривается еще как одна из инновационных социальных технологий ресоциализации личности несовершеннолетнего, находящегося в конфликте с законом.

Основными задачами социального сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, являются:

1. Защита и восстановление нарушенных прав несовершеннолетнего, оказавшегося в конфликте с законом, и потерпевшего несовершеннолетнего от преступных деяний.

2. Осуществление правовой и социально-психологической поддержки несовершеннолетнего, оказавшегося в конфликте с законом, и потерпевшего несовершеннолетнего от преступных деяний.

3. Реализация мер воздействия, направленных на реабилитацию, коррекцию и ресоциализацию несовершеннолетнего, оказавшегося в конфликте с законом, в том числе применение примирительных (восстановительных) технологий.

С целью обеспечения защиты и оказания социально-психологической помощи несовершеннолетнему, оказавшемуся в конфликте с законом, в ходе уголовного судопроизводства необходимо: изучить личность несовершеннолетнего; выявить причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетним; оказать необходимую помощь несовершеннолетнему (направление в медицинское учреждение, оказание психологической, юридической помощи т. п.); способствовать разрешению конфликтов несовершеннолетнего с семьей, социальным окружением, пострадавшей стороной, в результате чего возможно примирение.

Постановка на учет несовершеннолетнего и его сопровождение начинается с поступления в отделение социального сопровождения направления на несовершеннолетнего от уголовно-исполнительной инспекции, подразделения по делам несовершеннолетних, следователя, дознавателя.

В ходе досудебного сопровождения социальный работник составляет дневник социального сопровождения, в котором отражаются сведения об индивидуальных психологических особенностях личности подростка, личные сведения о подростке и его родителях (опекунах, попечителях), ближайшем окружении, причинах и условиях совершения преступления. В ходе работы с несовершеннолетним и его семьей специалист взаимодействует с комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, образовательными учреждениями, организациями здравоохранения, подразделением по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительства с целью поддержания комплексного взаимодействия с несовершеннолетним и его семьей.

По окончании досудебного сопровождения несовершеннолетнего социальным работником составляется социальное заключение, представляющее собой документ, содержащий установочные данные несовершеннолетнего,

результаты диагностических мероприятий относительно поведенческих особенностей подростка, рекомендации по коррекции детско-родительских отношений, повышению заинтересованности ребенка и занятости.

По окончании расследования уголовного дела дневник социального сопровождения направляется в орган, исполняющий контроль над поведением подростка. На основании полученных от социальных работников сведений следователи (дознаватели) и судьи принимают то или иное процессуальное решение (о прекращении уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия, об избрании более снисходительной меры пресечения).

Вместе с положительными тенденциями проявляется формализм в работе специалистов по досудебному сопровождению — дневники однотипны, не отражают индивидуальные особенности, скудны — что говорит об отсутствии должного исследования психологических особенностей подростка. С целью устранения данных недостатков и повышения эффективности применения данной процедуры социальным работникам, осуществляющим досудебное сопровождение, рекомендуется:

— Принять во внимание комплекс мероприятий профилактического и психодиагностического характера, направленных на выявление и индивидуально-психологических особенностей подростка;

— Организовать плановое межведомственное взаимодействие органов системы профилактики с периодичными отчетами (собраниями) о проделанной работе и достигнутых результатах за определенный период времени с целью выявления недостатков и улучшения направления дальнейшей работы с несовершеннолетним [2, с. 9];

— Расширить круг рекомендаций несовершеннолетнему относительно его жизнедеятельности и организовать совместные мероприятия подростковых групп с целью формирования комфортной обстановки и сбора большей информации об особенностях подросткового возраста, поведения и причин, подтолкнувших последних к совершению преступления.

Институт досудебного сопровождения является тем нововведением, которое необходимо использовать в полной мере, поскольку, по нашему мнению, механизм и процесс проведения социальной работы с подростком несет за собой достаточно положительный результат. Мнение сотрудников правоохранительных органов относительно необходимости досудебного сопровождения несовершеннолетнего в ходе расследования по уголовному делу разделилось. Первые отмечают, что данная процедура является полезной в части формирования наиболее полной картины относительно характеризующих данных о подростке, в выявлении истинных причин совершения преступления и развитии у несовершеннолетнего негативного восприятия совершенного деяния. Другие же рассматривают данный институт как недостаточно сформированную технологию, развитие и внедрение которой представляет собой длительный процесс, ссылаясь на необоснованное

затягивание процессуальных сроков предварительного расследования. Необходимо отметить, что осуществление данной процедуры начинается с момента подачи следователем (дознавателем) запроса в реабилитационный центр, оказывающий помощь несовершеннолетним, вступившим в конфликт с законом, и оканчивается составлением соответствующего заключения в пределах месячного срока. Ключевая проблемная ситуация складывается в том, что процедура досудебного сопровождения имеет ограниченное распространение и, в настоящее время присутствует на территории города Архангельска, Северодвинска, Котласского, Каргопольского и Вельского районов Архангельской области.

В некоторых районах, где присутствует развитая система процедуры досудебного сопровождения, неприменение института досудебного сопровождения становится причиной вынесения частных определений судами в следственный орган по причине поверхностного отношения сотрудников органов предварительного расследования к изучению личности подростка, его образа жизни и выявлению причин, способствовавших совершению преступления. Исходя из этого, следует, что процедура досудебного сопровождения постепенно приобретает статус обязательного мероприятия, что является с нашей точки зрения справедливым изменением. Без деятельности социальных работников невозможно в полной мере оценить несовершеннолетнего, его семью и окружение, условия совершения преступления и готовность последнего к изменению ключевых жизненных приоритетов в позитивное направление. Без учета данных особенностей и истинных причин преступления, вынесение того или иного процессуального решения в отношении несовершеннолетнего не является обоснованным, справедливым и мотивированным, поскольку не проанализированы все особенности личности и действий подростка в полном объеме. Опираясь на данные точки зрения, следует отметить, что представленная техника в рамках досудебного сопровождения может стать тем «ключом», который поможет установить особенности жизни и воспитания несовершеннолетнего, играющих вспомогательную роль при выборе соответствующей меры воздействия и профилактики.

Собранные сведения развивают и профилактическую основу, так как способствуют выявлению причин и условий, подтолкнувших несовершеннолетнего на осуществление преступного умысла. В данной связи досудебное сопровождение рассматривается как еще одна из ювенальных технологий ресоциализации личности несовершеннолетнего, то есть, способствует приспособлению его личности к новой жизни в ином обществе и с другими взглядами. При этом, рассматриваемая процедура обеспечит более глубокое изучение личности подростка и повысит качество предварительного расследования и судебного следствия.

Относительно процедуры досудебного сопровождения необходимо разработать норму, свидетельствующую о возможности применения данной процедуры, как спо-

соба установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Статью 421 УПК РФ следует дополнить положением и изложить в следующей редакции:

«5. Процедура досудебного сопровождения, заключающаяся в деятельности социального работника по установ-

лению личностных особенностей несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) проводится в ходе предварительного расследования на основании постановления следователя (дознателя). Заключение досудебного сопровождения несовершеннолетнего представляется в суд с материалами уголовного дела».

Литература:

1. Беспалов, Ю. Ф. Теоретические и практические проблемы реализации семейных прав ребенка в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Саратов. — 2002. — с. 44
2. Леус, Э.В., Соловьев, А. Г. Адаптационные технологии ресоциализации несовершеннолетних осужденных. // Психология и право 2012. № 2. с. 9.

Проблема защиты интересов детей в международном праве

Беринчик Яна Владимировна, студент;

Научный руководитель: Федоренко Святослав Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

В статье будут рассмотрены защита и регулирование прав ребенка в международном праве. Путем анализа Международных правовых документов в области защиты прав детей, будут рассмотрены основополагающие права детей и общие принципы их защиты. Сейчас все мировое сообщество заинтересовано в решении проблем, связанных с защитой прав ребенка, это один из самых острых и спорных вопросов для исследования в международном праве, именно поэтому, для полного регулирования прав детей и предупреждения их нарушения, все мировое сообщество заинтересовано в развитии конкретно этой темы.

В этом можно убедиться, посмотрев сведения «Организации Объединенных Наций» (ООН), «Международной организации труда» (МОТ), «Всемирной организации здравоохранения» (ВОЗ), а также «международных неправительственных организаций, занятых и сфере регулирования и защиты прав ребенка». Исходя из исследований психологов сделаем вывод о том, что:

— во многих странах в школах, садах, и так далее дети и подростки все еще подвергаются насилию как с психологической, так и физической стороны, к тому же насилие исходит не только от сверстников, но и от взрослых;

— дети становятся жертвами «рабских отношений», иногда это происходит против воли ребенка;

— зачастую становятся жертвами торговли детьми;

— а также страдают от агрессии со стороны, которая может выражаться в форме буллинга, издевательств, насмешек и так далее.

Права ребенка находят свое выражение в соответствующих конвенциях и декларациях: Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года); Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года); Всемирная

декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (Принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 года) и так далее [2].

Нельзя не учитывать то, что ребенку, в силу своей физической, умственной и нравственно-моральной незрелости, необходимо находится под специальной охраной и заботой, которая включает в себя надлежащую правовую защиту как до, так и после его рождения.

В Конвенции дается легальное определение понятия «ребенок», от которого отталкиваются законодатели национального и международного права: ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [1]. Необходимо отметить, что границы возраста, физическая и умственная состоятельность делают ребенка особым субъектом правоотношений, что в полном объеме отражается в его статусном положении.

Основополагающие права детей: право на жизнь, включая выживание и здоровое развитие (ст. 6); право на регистрацию после рождения, на имя и на приобретение гражданства, право знать своих родителей и получать от

них заботу(ст. 7); право на сохранение индивидуальности, включая семейные связи(ст. 8); право на единство семьи и право на поддержание контактов с родителями, если это не противоречит интересам ребенка(ст. 9); право на воссоединение с семьей и выезд за пределы своей страны вместе с ней(ст. 10); право свободно выражать свои взгляды и быть заслушанным в ходе любой судебной или административной процедуры(ст. 11); право на образование(ст. 28); право на защиту от употребления наркотических средств (ст. 33) и др. [1]. Умаление или несоблюдение этих прав приводит к ответственности нарушителя.

Другими словами, государства-участники обязуются в полной мере обеспечить соблюдение закрепленных прав детей и использовать всевозможные меры для защиты этих прав. Одна из важнейших целей международного мирового сообщества выражается в качественном развитии ребенка, обеспечение его прав и интересов.

Международно-правовая основа защиты прав ребенка строится на основе не только принципов прав человека и гражданина, но и принципов исключительно касающихся правового положения ребенка, которые закреплены в Декларации прав человека.

Для счастливой жизни детей и предоставления им в полной мере всех прав в Декларации провозглашается единство следующих принципов:

1. *Ребенку принадлежат все права от рождения, в том числе право на имя и гражданство, неотъемлемые права любого государства.*

2. *Обеспечение специальной охраны и определенных условий для развития детей с физической, морально-нравственной и психологической стороны.*

3. *Каждый ребенок в равной степени может пользоваться социальным обеспечением и защитой, получения продовольствия, уход, заботу и медицинское обслуживание. Обеспечения многодетных и малоимущих семей. В том числе право на отдых и развлечения.*

4. *Пресечение ущемления или принижения детей, являющихся неполноценными в силу физических, пси-*

хических или социальных качеств. Такие дети должны получать особый режим содержания и развития.

5. *Обеспечение любви и заботы для полноценного развития ребенка как личности. То есть ребенка должны растить в любви и согласии, в моральном и материальном благополучии. В том числе дети не должны быть разлучены с матерью без достаточных на то оснований.*

6. *Каждый ребенок имеет право на получение бесплатного образования, это будет способствовать общему умственному и культурно-социальному развитию, что поможет воспитать полноценного члена общества, который будет приносить пользу.*

7. *Ребенок первоочередно должен получать право на защиту и помощь.*

8. *Ребенок должен тщательно охраняться небрежного и жестокого обращения, а также от разного рода угнетения. Дети, в том числе их ткани и органы, не должны быть объектом торговли. Нельзя их принять на работу, если они не достигли определенного возрастного предела, детям должны предоставляться специальные условия и временные рамки их работы, исключающие негативное влияние на здоровье, физическое, умственное и нравственно-моральное развитие.*

9. *Пресечение угнетения и дискриминации со стороны расовых, культурно-религиозных и других различий детей. Сохранение нравственных устоев, развития терпимости, толерантности и дружбы народов мира; поощрение служения на благо мирового сообщества.*

Таким образом, все вышеперечисленные принципы носят обязательный характер для всех стран-участниц международных отношений, именно эти принципы должны быть основой для развития такого субъекта права, как ребенок. Ведь только общими силами мирового сообщества можно достигнуть систематизации в обеспечении и охране прав детей.

Литература:

1. Международная «Конвенция о правах ребенка» — Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года
2. Сборник Международных договоров и деклараций по правам человека. ООН//Нью-Йорк, Женева, 2002 г.
3. Декларация прав ребенка — Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.59.

Пути решения проблемы наказания в виде смертной казни в России

Веселов Алексей Евгеньевич, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В рамках настоящей статьи исследована проблема применения наказания в виде смертной казни в России и предложены пути ее решения.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий на смертную казнь, судебная ошибка, суд присяжных заседателей, Конституция РФ, Конституционное Собрание.

Изначально Конституция современной России [1], принятой всенародным голосованием 12.12.1993, в своей части 2 статьи 20 закрепила возможность применения смертной казни (до ее отмены) при определенных условиях, а именно при ее установлении федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни и при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Таким образом, признавая за федеральным законодателем дискреционные полномочия окончательного отказа от применения смертной казни, Конституция РФ, однако, предусматривает и дозволение на ее применение при соблюдении определенных условий.

В настоящее время сложилась такая ситуация, что основу недопущения применения смертной казни в России ставится не обязанность России ратифицировать Протокол № 6 [2], не демократические ценности и гуманистические идеи, проповедуемые ею, а лишь сомнительное [5, с. 11] формальное ее членство в Совете Европы. Эта позиция лишней раз свидетельствует о реальности опасений по поводу возврата к применению смертной казни в Российской Федерации, поскольку это непозволительно лишь в силу членства в Совете Европы, выход из которого с учетом известных последних событий не так уж и иллюзорен.

На наш взгляд, с представленными тезисами и аргументами можно согласиться частично. Нельзя однозначно утверждать, что в России отсутствие фактического применения и исполнения в настоящее время смертной казни связано только с членством в Совете Европы. Да, в 1997 г. мораторий был наложен именно из-за вступления в Совет Европы, но с тех пор многое изменилось, значительно изменилась вся правовая система России. Смертная казнь не исключается из видов наказаний, предусмотренных УК РФ [3], но возможность значительных изменений ее применения или полной отмены в случае выхода России из Совета Европы, также вероятна, как и возврат полноценного применения и исполнения смертной казни.

По мнению автора настоящей статьи, решение проблемы применения наказания в виде смертной казни в России должно приниматься на общегосударственном уровне, однако, по нашему мнению, в настоящее время необходимость в однозначном принятии решения, применять смертную казнь или нет, стоит достаточно остро.

При любом из принятых решений, действующее законодательство России требует серьезных корректировок. В том случае, если будет принято решение о сохранении смертной казни в виде наказания и ее применение, необходимо существенное совершенствование уголовно-процессуального законодательства в России. Вызвано это тем, что самым весомым аргументом против смертной казни является наличие судебных ошибок, которые в случае смертного приговора необратимы.

По большей части против смертной казни выступают те, кто переживает за то, что суд может допустить ошибку и казнить невиновного. Согласно мировой практике, такие опасения имеют право на жизнь; можно привести массу случаев, когда казнь была осуществлена в отношении лиц, которые впоследствии были признаны невиновными. Судебная ошибка является ужасным, но вполне закономерным явлением. Человек всегда совершал, совершает и будет совершать ошибки, вне зависимости от сферы деятельности.

Установление ошибочности квалификации, как правило, влечет за собой необходимость изменения квалификации. Переквалификация преступного деяния может повлечь различные последствия. В случае же смертной казни самое негативное последствие — это исполнение приговора в отношении невинного лица.

В наиболее правильном смысле судебная ошибка в делах о смертной казни представляет собой акт правосудия, которым осуждается к смертной казни лицо, не являющееся субъектом того преступления, за которое и назначается смертная казнь (хотя, возможно, и виновный в других преступлениях), при условии отсутствия вины органов предварительного следствия и самого суда. Нельзя считать судебной ошибкой осуждение, наступившее в результате преступной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование и (или) правосудие. По сути дела, здесь речь будет идти об убийстве, орудием которого выступает система реализации уголовной ответственности, и лица, виновные в фабрикации дел, фальсификации доказательств, вынесении заведомо неправосудных приговоров и т. д. подлежат такой же ответственности, как убийцы.

Только при сведении к минимуму судебных ошибок возможно реальное применение смертной казни в России. По мнению автора настоящей статьи это вполне реально. Это возможно, если информацию предоставит непосред-

ственно человек, который принял психотропно-фармакологические препараты, положительно влияющие на самоконтроль. Такие препараты могут использоваться без каких-либо пагубных последствий для здоровья.

Однако, из-за этого определенным образом нарушаются человеческие права. Но если сравнивать два нарушения: допрос человека под наркозом и казнь невиновного, то лучше выбрать первый вариант. Для каждого приговоренного к смерти должна быть проведена подобная процедура допроса; полученные результаты будут выступать в качестве доказательств либо его виновности, либо невиновности, то есть это так или иначе обезопасит невиновного от смертной казни. Кроме того, при аресте у каждого человека, являющегося невиновным, должно быть право на обращение с требованием проведения допроса с помощью такого препарата. В некоторых случаях может быть поставлен вопрос о том, чтобы к уголовной ответственности привлекались лица, которые незаконно арестовали и использовали незаконные методы ведения следствия. Приговоренные по ошибке к смертной казни могут пройти проверку на полиграфе, с них может быть снята информация посредством гипноза и т. д.

Тем не менее, если давать однозначный ответ на вопрос, отменить ли окончательно смертную казнь в России или сохранить, автор настоящей статьи считает, что необходимо ее отменить. Обусловлено это следующими существенными основаниями:

— смертная казнь — необратима. Как бы ни совершенствовалось российское процессуальное законодательство, вероятность судебной ошибки будет существовать всегда. И даже то условие, что смертная казнь может быть назначена судом с участием присяжных заседателей, не исключает возможность судебной ошибки, так как присяжные и суд опираются на факты и доказательства, полученные во время следствия, которые могут оказаться ошибочными, недостоверными, добытыми с нарушением процессуальных норм и т. п.;

— казнить человека — негуманно. Каждый имеет право на жизнь, так прописано в Конституции РФ, это является основополагающим принципом Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни. Ясно, что лицо, совершившее особо тяжкое преступление, само поступило не гуманно, но в современном цивилизованном обществе принцип «око за око» не может быть применим;

— смертная казнь не является сдерживающим, устрашающим фактором и не ведет к исправлению. Особо тяжкие преступления, как правило, совершают лица, которые не задумываются о последствиях совершаемого ими деяния, поэтому смертная казнь для них никак не может являться сдерживающим фактором. Смертная казнь, по сути, преследует только одну цель — максимально наказать особо опасного преступника, восстановить социальную справедливость, но никак не достигает две другие цели наказания: исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Исходя из этого, автор настоящей статьи считает необходимым полностью отменить смертную казнь в России. Для этого, в первую очередь необходимо изменить Конституцию РФ, исключив из нее ч. 2 ст. 20. Исходя из положений главы 9 Конституции РФ предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации могут вносить Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы (статья 134).

При этом, положения главы 2, в которой содержится статья 20, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Предложения о пересмотре осуществляется только Конституционным собранием, которое может быть создано только при том условии, что предложение о пересмотре Конституции РФ будет поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы.

Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает проект новой Конституции Российской Федерации, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносятся на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция Российской Федерации считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей.

Таким образом, отмена смертной казни в России на уровне Конституции возможно только при принятии новой Конституции путем всенародного голосования. Учитывая те тенденции, что процент населения России, выступающего за полную отмену смертной казни, постепенно растет, принятие новой Конституции без возможности применения смертной казни достаточно реально.

Помимо этого, необходимо внести поправки в УК РФ о признании утратившей силу статьи 59, а также п. «н» статьи 44 УК РФ. Это можно сделать путем обращения в Конституционный Суд Российской Федерации о несоответствии статьи 59 УК РФ Конституции РФ. В соответствии с частью 1 статьи 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [4] правом на обращение в КС РФ с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе.

Так же, суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации закона, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд Рос-

сийской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона.

Таким образом, в рамках конкретного дела, любой гражданин, объединение граждан, либо суд может обратиться в КС РФ о рассмотрении им статьи 59 УК РФ на соответствие Конституции РФ. Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев данное обращение, выносит решение либо о несоответствии, либо соответствии. Если принято решение о несоответствии, то Федеральное собрание РФ должно внести необходимые поправки в УК РФ (статья 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114) (Подписан в г. Страсбурге 28.04.1983) (с изм. и доп. от 11.05.1994) // Российская газета. — 1995. — 5 апреля.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 13. — Ст. 1447.
5. Сауляк, О. П. Обязана ли Россия отменить смертную казнь: конституционные и международно-правовые аспекты проблемы // Мировой судья. — 2010. — № 5. — с. 11–13.

Возможность применения медиации при разрешении семейных споров

Власова Алина Витальевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В статье автор рассматривает вопросы применения медиации при разрешении семейных споров со ссылкой на правовые документы и современные литературные источники.

Ключевые слова: медиация, семейные споры, дети.

Медиация является правовой возможностью достижения мирного разрешения конфликта супругов без участия в судебном процессе.

Рассмотрим возможность проведения медиации в различных семейных спорах:

1. Споры, связанные с прекращением брака:

— *расторжение брака в судебном порядке при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака (ст. 22 Семейный кодекс РФ — далее СК РФ [1]):* в данном случае медиация невозможна, т. к. в соответствии со статьей 3 [2] процедура медиации проводится при взаимном желании сторон.

— *признание брака недействительным (ст. 27 СК РФ):* процедура медиации невозможна в связи с тем, что

После того, как статья 59 УК РФ и «н» статьи 44 УК РФ будут отменены, необходимо исключить все упоминания о смертной казни из других статей УК РФ и других нормативно-правовых актов, в которых они содержатся.

Автор настоящей статьи считает, что альтернативой смертной казни является пожизненное лишение свободы, которое и применяется в настоящее время за те преступления, за которые могла бы быть назначена смертная казнь в силу действующего моратория.

Таким образом, отвечая вопрос, нужна ли смертная казнь в качестве вида наказания или нет, на наш взгляд — нет. И дело, конечно же, не в участии России в Совете Европы, а в гуманности и праве каждого на жизнь.

медиатор помогает решить спор, а не выносит решения. Если не исключена возможность сохранения семья, работа медиатора может быть направлена на преодоление семейного кризиса [4].

2. Имущественные споры:

— *признание имущества каждого из супругов их совместной собственностью (ст. 37 СК РФ):* в результате составления медиативного соглашения спор может быть урегулирован перед судебным заседанием.

— *раздел общего имущества супругов (ст. 38 СК РФ):* работа медиатора в данном случае будет эффективна, т. к. супруги с помощью посредника могут прийти к единому мнению, которое устроило бы обе стороны.

— *определение долей при разделе общего имущества супругов (ст. 39 СК РФ)*: работа медиатора в данном случае будет эффективна, т. к. супруги с помощью посредника могут прийти к единому мнению, которое устроило бы обе стороны.

— *изменение и расторжение брачного договора (ст. 43 СК РФ)*: работа медиатора эффективна

— *признание брачного договора недействительным (ст. 44 СК РФ)*: работа медиатора неэффективна, т. к. данное решение выносится судом.

3. Споры о детях:

Споры между родителями о воспитании детей:

— *о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК)*: работа медиатора эффективна.

— *об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК)*: работа медиатора эффективна.

— *об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК)*: работа медиатора эффективна. Споры по поводу родительских прав:

— *о лишении родительских прав (п. 1 ст. 70 СК)*: это крайняя мера семейно-правовой ответственности, урегулировать конфликт в чрезвычайно опасных для ребенка ситуациях с помощью медиации невозможно [6].

— *о восстановлении в родительских правах (п. 2 ст. 72 СК [1])*: процедура медиации невозможна.

— *об ограничении родительских прав (п. 1 ст. 73 СК)*: процедура медиации невозможна.

— *об отмене ограничения родительских прав (п. 1 ст. 76 СК)*: если поведение родителей не обусловлено алкоголизмом или наркоманией, то процедура медиации возможна [5].

Споры о происхождении детей:

— *установление отцовства в судебном порядке (ст. 49 СК РФ)*: процедура медиации невозможна.

— *об оспаривании отцовства (материнства) (п. 1 ст. 52 СК РФ)*: процедура медиации невозможна.

— *Споры о взыскании алиментов на ребенка (п. 2, 3 ст. 80 СК РФ)*: процедура медиации возможна, т. к. супруги с помощью посредника могут прийти к соглашению о сумме и дате выплаты.

Споры по поводу усыновления детей:

— *об установлении усыновления (п. 1 ст. 125 СК)*: процедура медиации невозможна.

— *об отмене усыновления (п. 1 ст. 140 СК)*: процедура медиации невозможна, т. к. в большинстве случаев данные споры направлены на защиту нарушенных прав ребенка [3].

Проделав данную работу, можно сделать вывод, что процедура медиации возможна не во всех случаях семейных конфликтов, однако с помощью медиации возможно разгрузить суд, а также ускорить темп решения споров и снизить уровень конфликтности. Поэтому необходимо внедрять данный способ урегулирования конфликтов тогда, когда это является возможным. Но в России медиация находится лишь на стадии развития, в то время как статистика развитых стран показывает, что 80 % медиативных процедур успешна.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: принят 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 29 декабря 2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — 1 января. — № 1.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
3. Гебель, Н. С. Медиация в механизме защиты прав ребенка в Российской Федерации / Н. С. Гебель, И. А. Терентьева // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: Электронный сборник статей по материалам LXIII студенческой международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд. АНС «СибАК». — 2018. — № 3(62) / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://www.sibac.info/archive/Social/3\(62\).pdf](http://www.sibac.info/archive/Social/3(62).pdf).
4. Епифанова, Т. В. Применение медиации при разрешении семейных споров, направленных на защиту нарушенных прав ребенка / Т. В. Епифанова, В. Е. Воронова // Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (24 сентября 2018 г.): в 4-х ч. Ч 4. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного университета ИУБиП, 2018. — с. 79–85.
5. Есауленко, Ю. А. Медиация как альтернативный способ разрешения семейных конфликтов с участием детей / Ю. А. Есауленко // Молодой ученый. — 2019. — № 21 (259). — с. 302–303.
6. Кидяева, Д. С. Современная форма семейной медиации в России при защите прав ребенка / Д. С. Кидяева, Е. В. Ерохина // Юридический факт: сборник статей по результатам XLIII Межд. научн. конф. «Свобода и право». — Кемерово: Изд. дом «Плутон», 2019. — с. 13–16.

Проблемы правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации

Гацков Эдуард Алексеевич, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет

Рассматривается современное состояние и проблемы миграционного законодательства, предлагается вариант устранения имеющихся недостатков правового регулирования.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, миграционный кодекс, иностранные граждане, правовое регулирование.

Миграционные процессы в современном мире имеют глобальный характер. Военные, политические, экономические, социальные и иные факторы способствуют тому, что глобальная миграция становится характерной для большинства стран мира. Миграция на текущий момент является одним из важнейших факторов, влияющих на демографическую ситуацию и обеспечение безопасности в Российской Федерации и в мире в целом, а это означает, что необходимо чёткое и проработанное законодательство в указанной сфере.

Обострение обстановки в Украине, Сирии и некоторых других странах мира способствовало активизации миграционных потоков в Россию.

Статистика свидетельствует о том, что проблемы в миграционной сфере для России, требуют серьезных мер в законодательной сфере, при неукоснительном соблюдении прав и свобод, как российских граждан, так и иностранцев, пребывающих на территорию России.

Стоит отметить, что согласно утвержденной президентом РФ Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере отвечает текущим и будущим потребностям российского общества и государства [4].

Когда в 90-х годах прошлого века, в Российскую Федерацию хлынул огромный поток мигрантов из бывших республик СССР, возникла необходимость в формировании миграционного законодательства в сжатые сроки, что не могло не сказаться на его качестве [9].

В последние несколько лет миграционный поток в Россию, в связи с вышеуказанными причинами также серьезно увеличился. Обратимся к статистике. По данным министерства внутренних дел за январь-сентябрь 2016 года число поставленных на миграционный учёт иностранных граждан и лиц без гражданства составило 10 914 609. За январь-сентябрь 2017 года — 12 001 072, за январь — сентябрь 2018 года это число возросло до 13 618 136, а за январь-сентябрь 2019 года число поставленных на миграционный учёт иностранных граждан и лиц без гражданства составило уже 14 940 455 [10]. С каждым годом миграционный поток в Россию только увеличивается, и от законодателя требуются серьезные шаги по со-

вершенствованию правового регулирования в обозначенной сфере.

Хотя деятельность по приведению законодательства РФ в сфере миграции в соответствие с международными нормами ведется, на текущий момент оно все еще далеко от идеала.

Для определения эффективности правового регулирования в указанной сфере можно использовать ряд критериев:

- 1) уровень разработанности терминологического аппарата;
- 2) ясность правового регулирования порядка привлечения к ответственности за нарушение миграционного законодательства РФ;
- 3) полнота правового регулирования порядка передвижения по территории РФ;
- 4) состояние правовой регламентации трудовой миграции [6].

Относительно разработанности понятийного аппарата в обозначенной сфере следует сказать, что в законодательстве до сих пор не закреплены некоторые ключевые термины и понятия, такие как «миграция», «место пребывания», «приглашающая сторона». Не закреплены обязанности и ответственность приглашающей стороны [2].

Вместе с тем, необходимо учитывать, что терминологический аппарат в указанной сфере имеет первостепенное значение. Без чётко сформулированных и закреплённых в законе понятий возникают проблемы при определении конкретных субъектов, на которых соответствующие нормы права распространяются.

Следует отметить, что в правовой регламентации въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации также есть существенные пробелы. Например, п. 1 ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ [1] сформулирован так, что не позволяет дать однозначный ответ на вопрос — «с какой даты первоначально начинать отсчет пребывания иностранного гражданина по полугодиям, для определения суммарной продолжительности пребывания иностранного гражданина не более 90 дней в период из 180?», что не способствует единству правоприменительной практики,

по привлечению к административной ответственности по п.1.1 ст. 18.8 КоАП РФ [3].

Законодательство о миграции практически не содержит регламентации миграционных потоков из стран — членов содружества независимых государств, для граждан которых предусмотрено упрощенное оформление виз, либо безвизовый въезд. К примеру, проблемы имеются с регулированием миграционного потока из Республики Беларусь и Украины.

В законодательном регулировании трудовой миграции также имеются серьезные пробелы, в частности, на текущий момент не предусмотрено специальных программ сезонной трудовой миграции, а система квотирования, действующая в настоящее время, не в полной мере отвечает потребностям работодателей [5].

Не обошли проблемы и порядок привлечения к ответственности за нарушение миграционного законодательства. В частности, не выработан единый подход в области применения административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, которые совершили административные правонарушения. По действующему в настоящий момент законодательству иностранец, который нарушил режим пребывания в РФ, может быть выдворен в административном порядке. Однако, иностранные граждане, совершившие уголовные преступления, не выдворяются за пределы России по отбытии наказания, хотя въезд в Российскую Федерацию лицам с неснятой и непогашенной судимостью запрещен. Также в законодательстве не предусмотрена возможность применения принудительных мер по выполнению решения о нежелательности пребывания на территории

России к иностранцам, освобожденным из мест заключения.

Для решения вышеупомянутых и иных проблем в правовом регулировании миграции необходимо разработать и принять Миграционный кодекс РФ. Данное предложение не ново для российской юридической науки и дискуссии в доктрине ведутся уже давно [7]. В то же время, в республике Азербайджан, например, указанный нормативно-правовой акт принят и успешно решает возложенные на него задачи [8].

Принятие одного базового кодифицированного акта позволило бы закрепить единый терминологический аппарат, исключая разночтения в толковании правовых норм, провести систематизацию действующих нормативно-правовых актов, в ходе работы по систематизации выявить и устранить имеющиеся пробелы, а также дополнить законодательство новыми нормами, отвечающими потребностям правового регулирования, существующим в настоящее время.

Однако в Российской Федерации кодификация миграционного законодательства на текущий момент не ведется. По мнению, руководителя ГУМВД РФ по вопросам миграции Кирилловой О. Е. разработка миграционного кодекса начнется не ранее 2025 года, после того, как все уже имеющиеся инициативы по совершенствованию правового регулирования миграции будут завершены.

В целом с указанной позицией можно согласиться. На первом этапе необходимо устранить существующие пробелы в правовом регулировании миграции, а уже затем приступить к созданию единого и согласованного нормативного акта.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // «Парламентская газета» от 5 января 2002 г. N 2—5.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 15.12.2019).
5. Абдуллаев, Э. Э. Современные проблемы регулирования трудовых правоотношений с участием иностранных граждан на территории Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-regulirovaniya-trudovyh-pravootnosheniy-s-uchastiem-inostrannyh-grazhdan-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 17.12.2019).
6. Зраева, И. М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-migratsionnyh-protsessov-v-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 16.12.2019).
7. Прудникова, Т. А., Акимова С. А. Правовые модели административно-правового регулирования миграционных процессов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-modeli-administrativno-pravovogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov> (дата обращения: 17.12.2019).
8. Редкоус, В. М. Опыт кодификации миграционного законодательства в правовом пространстве Содружества независимых государств // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kodifikatsii-migratsionnogo-zakonodatelstva-v-pravovom-prostranstve-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 18.12.2019).

9. Степанов, В. А. Актуальные проблемы законодательства в сфере миграции: пути решения // Вопросы управления. 2010. № 12. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2010/03/16/> (дата обращения: 16.12.2019).
10. Статистические сведения по миграционной ситуации // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.12.2019).

Микрофинансовые организации: как не лишиться жилья за долги

Гольмакова Эми Мария Александровна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются причины обращения взыскания на единственное жильё должника, обобщается судебная практика по спорам с микрофинансовыми организациями, предлагаются пути решения проблемы массового лишения жилья за долги перед микрофинансовыми организациями.

Ключевые слова: микрофинансовая организация, микрокредитная компания, микрозаймы, ипотека, залог, единственное жильё, ООО «МЗК», судебная практика.

«Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища» [1], — гласит часть первая ст. 40 Конституции Российской Федерации.

Указанной статье Основного Закона корреспондирует часть первая ст. 446 ГПК РФ, согласно которой не может быть обращено взыскание на единственное жильё должника, за исключением случая, когда оно является предметом ипотеки [2].

Ипотека, представляющая собой залог недвижимого имущества (жилых домов, квартир, земельных участков и т. п.), в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» может быть установлена в обеспечение обязательства по кредитному договору и по договору займа [3]. Её особенностью является то, что залогодатель сохраняет право пользования имуществом, заложенным по договору об ипотеке [4], а кредитор вправе обратиться взыскание на это имущество в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного ипотекой обязательства, в частности неуплаты или несвоевременной уплаты суммы долга полностью или в части [5].

Обязательным условием детерминации заложенного недвижимого имущества в качестве ипотеки является государственная регистрация данного залога в Едином государственном реестре недвижимости, что прямо следует из ст. 19 Закона «Об ипотеке» [6].

Таким образом, если заём был оформлен под залог недвижимости, и состоялась его государственная регистрация, то такое жильё квалифицируется как ипотека и, соответственно, попадает под взыскание.

Из этого следует, что в случае ненадлежащего исполнения должником обязательства, обеспеченного залогом недвижимости, взыскание может быть обращено даже на его единственное жильё.

Указанное исключение из общего правила, запрещающего обращать взыскание на единственное жильё, до недавнего времени в своей деятельности активно использовали микрофинансовые организации (далее — МФО), выдавая населению займы под залог единственного жилья, в основном — квартир.

Общезвестным является тот факт, что к услугам микрофинансовых организаций прибегают наименее социально защищённые категории населения — люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, как то: непредвиденная утрата дохода или трудоспособности, необходимость срочного дорогостоящего лечения и т. д. Получить заём в микрофинансовых организациях значительно проще, чем в банке. Именно поэтому некоторые люди считают получение микрозайма идеальным выходом из ситуаций, решение которых не терпит отлагательств.

Простые условия получения займа скрывают за собой множество «подводных камней», среди которых:

1. Значительное занижение стоимости предмета ипотеки, которая изначально определяется «независимым» оценщиком на несоразмерно низком уровне.

2. Удержание различных видов комиссий. К примеру, для одобрения выдачи займа обязательно необходимо заключить договор страхования. Эти «скрытые» расходы могут составлять значительную часть (более 30 %) от суммы займа. Отказ от их уплаты влечёт за собой отказ в выдаче займа.

3. Обращение взыскания на заложенное недвижимое имущество возможно при малейшем отклонении от графика погашения займа.

Изучение судебной практики по делам, в которых микрофинансовые организации выступают истцами, позволяет выявить её единообразие: более 99 % требований МФО судами удовлетворяется. Почти во всех случаях, даже когда сумма требований незначительна по сравнению со стоимо-

стью предмета залога, на него обращается взыскание. Исключительно редкими являются случаи принятия судами решений об отказе в удовлетворении требований МФО. Указанное исключение составляют случаи, когда должники состояли на учёте в психоневрологическом диспансере, ввиду чего не могли осознавать фактический характер своих действий и последствий заключения договора.

Проанализируем статистику на примере судебных дел, истцом по которым выступает ООО «Московская залоговая компания» (далее — ООО «МЗК»). Подавляющее большинство указанных споров находится в производстве Замоскворецкого районного суда г. Москвы.

На официальном сайте <https://www.mos-gorsud.ru/> [7] содержится информация о более чем 140 спорах по искам ООО «МЗК» к должникам, рассмотренных по существу Замоскворецким районным судом. По каждому из них принято решение об удовлетворении/частичном удовлетворении требований ООО «МЗК», обращении взыскания на заложенное имущество. Таким образом, статистика свидетельствует об абсолютном удовлетворении требований, заявленных данной МФО.

Судебные разбирательства по спорам с МФО скорее представляют собой процесс оттягивания неизбежного, нежели судопроизводство, основанное на состязательности. В качестве победы можно расценивать каждый следующий за поступлением иска в суд месяц проживания должника в принадлежащем ему жилье.

Судебная практика свидетельствует о том, что должниками предпринимаются попытки признания договоров займа и залога, заключённых с МФО, недействительными и даже ничтожными (то есть изначально противоречащими основам правопорядка). Однако в удовлетворении указанных требований суды отказывают.

В частности, должники в возражениях на иск, а также в рамках встречных исков указывают, что у МФО отсутствует право заниматься микрофинансовой деятельностью. Ведь в соответствии с п.1 ч.1 ст.2 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» микрофинансовой является деятельность юридических лиц, имеющих статус микрофинансовой организации [9].

Регулирование деятельности МФО и надзор за ней осуществляет Центральный Банк России [8]. На официальном сайте Центрального Банка России (https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_micro/) размещён Государственный реестр микрофинансовых организаций. В нём содержится информация обо всех действующих микрофинансовых и микрокредитных компаниях, а также о тех из них, которые были исключены из реестра.

Несмотря на то, что организация, осуществляющая микрофинансовую деятельность, обязана состоять в указанном реестре, многие МФО, выдающие займы населению, в данном реестре не состоят или продолжают свою работу после исключения из реестра.

Вместе с тем, подобные доводы о незаконности деятельности МФО суды оставляют без внимания.

Неудивительно, что участвовавшие случаи завладения недвижимым имуществом должников послужили причиной, по которой указанная проблема была поднята на государственном уровне.

09 апреля 2019 года депутатами Государственной Думы В. В. Володиным, А. Г. Аксаковым, В. В. Жириновским, И. И. Мельниковым и членами Совета Федерации В. И. Матвиенко, Е. В. Бушминым, С. Н. Рябухиным, Н. А. Журавлевым внесён законопроект № 684667–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части предотвращения неправомерных действий при осуществлении микрофинансовой деятельности).

Указанный законопроект 23.07.2019 г. был принят Государственной Думой в третьем чтении, 26.07.2019 г. одобрен Советом Федерации, 02.08.2019 г. подписан Президентом Российской Федерации и опубликован официальном Интернет-портале (www.pravo.gov.ru).

Основным достижением в борьбе с неправомерными действиями МФО на сегодняшний день является то, что данным организациям на законодательном уровне запрещено выдавать займы под залог жилых помещений и даже долей в общей долевой собственности. Указанный запрет изложен в п.11 ч.1 ст.12 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [10].

Таким образом, поправки, внесённые в закон, позволяют не допустить ситуаций, когда люди лишаются жилья из-за незначительных по сравнению с его стоимостью микрокредитов.

«Поможет ли новый закон сохранить своё единственное жильё должникам, которые передали его в залог МФО в период, когда соответствующего запрета не существовало?» — таким был основной вопрос, возникший после вступления в силу соответствующих поправок в закон.

Ответ на указанный вопрос содержится в ст. 4 ГК РФ, согласно которой акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом [11].

Федеральным законом от 02.08.2019 № 271-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым установлен запрет на выдачу займов под залог жилья, не предусмотрено распространение его действия на более ранние правоотношения.

Как указывалось ранее, внесению поправок в закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» способствовали многочисленные преступные посяательства, а также участвовавшие случаи отъёма жилья.

Полагаю, что при установлении запрета на выдачу займов под залог жилых помещений законодатель исходил из того, что конституционное право на жилище должно быть неизменным, находящимся под надёжной охраной государства.

Из этого, на мой взгляд, следует, что должны быть разъяснены и механизмы судебного расторжения ранее заключённых договоров с МФО, конкретизирован перечень оснований, по которым указанные договоры могут быть признаны недействительными. В качестве одного из таких оснований может являться отсутствие у организации права заниматься микрофинансовой деятельностью, то есть отсутствие сведений о конкретной МФО в Государственном реестре микрофинансовых организаций, а также случай, когда в реестре содержатся сведения об исключении МФО.

Литература:

1. <http://www.constitution.ru/>;
2. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/a67dde7f663104e7cffe6d926f3a3e8ac36aa2/;
3. <https://base.garant.ru/12112327/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b>
4. <https://base.garant.ru/12112327/7a69fb6632f5876efd3160114758a106>
5. <https://base.garant.ru/12112327/52578c3309a272ee8ad686a4e87a118f>
6. <https://base.garant.ru/12112327/95ef042b11da42ac166eedeb998f688>
7. <https://www.mos-gorsud.ru/>;
8. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/34e75a11c2c8ee62a665cf5d6d11101129d37449/;
9. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/;
10. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/0737ab7747fb785b896dc6c0ca20a9d2731aee7a/;
11. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/42424a8a7b508486936cd17cc02a84e09b591267/.

Антикоррупционная экспертиза в Российской Федерации на защите интересов мигрантов

Григоренко Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

На современном этапе глобализации миграция важный фактор экономического и социального развития страны. В настоящее время сложилась ситуация, которая характеризуется увеличением миграционных потоков. Российская Федерация входит в тройку наиболее привлекательных стран для мигрантов. По структуре миграцию в нашей стране в значительной степени составляет трудовая миграция. Ученые высказывают мнение, что миграция позволяет решать ключевые экономические и демографические проблемы, однако необходимо уделять внимание тем рискам, которые она приносит. Среди проблем, выявляемых в сфере управления миграционными процессами, основными являются совершенствование нормативно-правовой базы государственной миграционной политики, а также использование института антикоррупционной экспертизы в системе миграционных отношений.

Ключевые слова: Российская Федерация, миграция, антикоррупционная экспертиза; коррупция; нормативный правовой акт.

Во многих странах миграция населения стала важным фактором их экономического и социального развития. Миграция в России, формируя особую модель глобализации, достигла исторически небывалого уровня. Миграционные процессы, которые происходят в стране, оказывают позитивное влияние на ее социально-экономическое

Права граждан, передавших своё единственное жильё МФО в качестве залога, требуют защиты. Недопустимость произвольного лишения жилища является важной конституционной гарантией.

Что представляет собой произвольность? В моём понимании, произвольным является лишение права на жилище в отсутствие правовых оснований.

Есть ли хоть одно правовое основание для того, чтобы человек был лишён единственного жилья за нарушение порядка возврата займа, выданного организацией, не имевшей права его выдавать?

и политическое развитие, способствуют интеграции международного сообщества, культурному сближению народов. Однако, если миграция носит неуправляемый характер, то уровень обеспечения безопасности государств значительно снижен. Действия государства, направленные на устранение неконтролируемых процессов в сфере ми-

грации, а также на устранение коррупционных факторов в нормативных правовых актах, создающих препятствия для реализации мигрантами своих прав и законных интересов, содействуют созданию благоприятных правовых условий в миграционной сфере.

В России стабильность является лейтмотивом концепции управления Президента, международных юридических форумов и целевых программ, в частности выдвинуты конкретные цели — развитие государства в соответствии с инновационными способами и устранение коррупции.

Существующая неопределенность формулировки предмета ведения в сфере миграционных отношений, отраженная в основном законе нашего государства, а именно в Конституции Российской Федерации [1], дает возможность законодательно перенести финансовое и организационное бремя содействия вынужденным переселенцам на субъекты Российской Федерации.

В настоящее время в России действуют три основные модели осуществления государственных функций в сфере миграции.

Первая модель: административная — функционирует в рамках существующих возможностей внутри Министерства внутренних дел (МВД). Положительный момент — ответственна одна структура (МВД). Отрицательный — текучесть кадров, некомфортные условия приема граждан и работы сотрудников, низкая пропускная способность управлений — обусловлены отсутствием необходимого финансирования.

Вторая модель: коммерческая — функции консультирования и подготовки документов переданы коммерческими структурами. Положительная сторона — отсутствует бюджетное финансирование на подготовительном этапе работы с документами. Отрицательная сторона — непрозрачность процедуры оказания услуг, трудности в осуществлении контроля госорганом.

Третья модель: бюджетная — создаются государственные бюджетные учреждения, которые призваны оказывать содействие представителям МВД помощь в организации подготовки документов. Например, Многофункциональный миграционный центр в Москве. Недостаток — необходимы бюджетные средства для инвестирования.

О несовершенстве механизма реализации государственной политики в сфере миграции рассуждает А. В. Семенова. Автор в своем исследовании акцентирует внимание на том, что «существующая система реализации государственной политики, государственных услуг, контроля (надзора) в миграционной сфере не получила должной научной разработки и, как следствие, не имеет альтернативы» [2, с. 4].

Необходимо отметить, что в Российской Федерации одним из основополагающих направлений антикоррупционной стратегии в сфере миграции — это проведение антикоррупционной экспертизы на всех этапах нормотворчества. Однако независимая антикоррупционная экспертиза

законопроектов, затрагивающих право граждан на свободу передвижения и выбора места жительства, все-таки не стала правилом нормотворческой деятельности. Кроме того, российское законодательство в сфере обеспечения прав и свобод вынужденных мигрантов не отвечает общепризнанным международным рекомендациям. По мнению исследователей «основной проблемой миграционного законодательства Российской Федерации является отсутствие систематизации, что неизбежно приводит к противоречиям и коллизиям в осуществлении правового регулирования, злоупотреблению использованием норм отсылочного характера к актам подзаконного уровня и т. д.». [2, с. 15].

Кроме того, значительно повышает риск совершения коррупционных правонарушений — несовершенство нормативно-правовой базы, которая регулирует сферу государственной миграционной политики. Так, в действующем законодательстве встречаются положения, которые противоречат друг другу и допускают различные толкования, чем пользуются коррупционеры. Не всем мигрантам известны их права и обязанности, чем также пользуются чиновники, желающие, используя служебное положение нажиться на сложном положении иностранных граждан. Существуют факторы, которые порождают коррупцию, например, связанные с проблемами оформления миграционных документов, поиском работы и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами. На практике, очень часто мигранты оказываются в зависимости от различного рода посреднических фирм, которые наживаются на их сложном положении и не могут адекватно противостоять чиновникам-коррупционерам, использующих служебное положение для незаконного обогащения.

Таким образом, в настоящее время необходимо больше внимания уделять совершенствованию нормативно-правовой базы, которая регулирует сферу государственной миграционной политики, сделать предоставление услуг прозрачным, с целью исключения коррупционных схем.

Кроме того, имеют место случаи коррупции и ущемления прав мигрантов в Российской Федерации, которые удается выявить представителям правозащитных организаций. Нередко иностранные граждане, прибыв в Россию, сталкиваются с попытками вымогательства у них денежных средств под различными надуманными предлогами. Так, не владея хорошо русским языком, создает простор для деятельности разного рода посреднических организаций, которые наживаются на мигрантах. В связи с необходимостью сдачи обязательных экзаменов нередко гражданам иностранных государств предлагается посещать обязательные платные курсы, что заставляет многих из них уклоняться. Пользуясь служебным положением в личных целях, некоторые государственные служащие органов государственной власти, берут взятки, ущемляют законные права иностранных граждан.

Важным является тот факт, что несовершенство действующего миграционного законодательства, подзаконные акты, которыми государственные служащие

наделяются дискреционными полномочиями, а также существующие необоснованные отсылочные и бланкетные нормы, позволяющие коррумпированным чиновникам продвигать принятие подзаконных нормативных актов, маскирующих их возможности для коррупции, — все это значительно повышает риск совершения коррупционных правонарушений. В связи с этим, приоритетной задачей органов прокуратуры всегда было и остается — минимизация и ликвидация рисков, связанных с коррупцией. Работа в этом направлении разноплановая: от проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в целях выявления и последующего устранения коррупциогенных факторов в сфере миграции до уголовного преследования государственных служащих, создающих в корыстных интересах административные барьеры для иностранных граждан с целью получения взятки. Данный вид экспертизы как раз и направлен на нейтрализацию подобных правовых актов.

Неоспоримо справедливым представляется высказывание М. В. Фофановой о том, что «проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов на стадии разработки является достаточно эффективным способом противодействия коррупции в сфере законотворчества» [3, с. 91]. Методологическая основа и правовое основание данного способа противодействия коррупции в Российской Федерации заложена в существующих федеральных законах. Так, в пункте 2 части 1 статьи 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4] антикоррупционная экспертиза определяется как самостоятельная мера профилактики коррупции. Существенную роль в обеспечении единообразного порядка проведения антикоррупционной экспертизы сыграли Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [5], а также утвержденные Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов [6].

На сегодняшний момент Российская Федерация признала необходимость преодоления коррупции в первую

очередь путем осуществления антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов, включая ведомственных актов. Однако, проводимая внутренними подразделениями или специалистами ведомства антикоррупционная экспертиза не соответствует принципам независимости и эффективности.

Анализ положений миграционного законодательства позволяет сделать вывод о том, что в целях повышения оперативного выявления и эффективного устранения коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах особую роль в проведении данной профилактической меры в противодействии коррупционным проявлениям отводят институтам гражданского общества, получившим аккредитацию в Минюсте России. Так, к проведению антикоррупционной экспертизы привлекают независимых экспертов, научные и образовательные центры страны. Такие авторы, как И. В. Шуманов считают, что «этот антикоррупционный инструмент является, чуть ли не единственным и достаточно эффективным в сравнении с иными правовыми методами противодействия коррупции в стране» [7, с. 79].

Одним словом, дальнейшее совершенствование политики в отношении иностранных трудовых мигрантов в стране должно быть связано с дальнейшим совершенствованием нормативного и методического обеспечения антикоррупционной экспертизы в сфере миграционного законодательства, которая будет нацелена на обеспечение национальной безопасности страны, а также на преодоление негативных последствий миграционных процессов. Следует отметить, что в Российской Федерации такая работа уже начата. Президентом РФ 31 октября 2018 была подписана обновленная Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации [8], задекларировавшая положения, реализующие основные принципы и цели глобальной миграции. Безусловно, для обеспечения политической стабильности нашей страны, ее социально-экономического развития, улучшения качества жизни населения, а также укрепления правопорядка в сфере миграционных отношений антикоррупционная экспертиза должна стать мобилизирующим фактором.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Семенова, А. В. Государственное управление в сфере реализации миграционной политики Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А. В. Семенова. — Саратов, 2011. — 208 с.
3. Фофанова, М. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как эффективный инструмент противодействия коррупции / М. В. Фофанова // Гражданское общество и правовое государство. — 2015. — № 5. — с. 90–93.
4. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
5. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 29. — Ст. 3609.

6. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 10. — Ст. 1084.
7. Шуманов, И. В. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 6. — с. 77–80.
8. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.09.2018 № 622 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.12.2019).
9. Зорин, В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Вестник Финансового университета. — 2019. — № 3. — С. 40–50.

Проблемы правоприменения законодательства о продаже земельных участков сельскохозяйственного назначения

Дорин Александр Сергеевич, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

При анализе действующего законодательства, регулирующего порядок отчуждения и приобретения в собственность земельных участков, становится очевидно, что стать предметом сделки купли-продажи может выступать только земля, не ограниченная в обороте. И фактически получается, что: «... по договору купли-продажи земельного участка могут отчуждаться участки из состава земель сельскохозяйственного назначения или земель населенных пунктов. Возможность продажи участков в составе земель промышленности (категория земель специального назначения) либо из категории земель особо охраняемых территорий и объектов носит ограниченный характер, а из иных категорий земель полностью исключена» [1, с. 156]. Особо интересным с доктринальной точки зрения представляется анализ процедуры продажи сельскохозяйственных (далее по тексту — с/х) земель. Рассмотрим эту процедуру подробнее.

При продаже земельного участка с/х назначения продавец под страхом ничтожности сделки обязан соблюдать и обеспечивать преимущественное право государства и/или муниципалитета на покупку этого участка. Это правило установлено ст. 8 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [2] (далее по тексту — ФЗ об обороте с/х земель) и означает, что при возникновении намерения продавца осуществить продажу принадлежащего ему с/х участка он обязан совершить ряд действий, в силу которых его первым потенциальным покупателем всегда будет государство или муниципальное образование. Исключения в данном случае составляют участки, поименованные в абз. 2 п. 1 ст. 1 ФЗ об обороте с/х земель, а также те, отчуждение которых происходит посредством публичных торгов или в связи с изъятием их для государственных или муниципальных нужд (в последнем случае земля и так, в общем-то, переходит в публичную собственность).

В законодательстве установлен следующий порядок действий продавца:

1. Для начала продавец в **письменной форме** извещает высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации (к примеру, в Волгоградской области таковым является областная администрация).

1.1. Закон субъекта РФ может обязывать продавца известить о сделке не исполнительный орган субъекта, а орган местного самоуправления (к примеру, для города Волгограда — это городская администрация, однако для Волгоградского региона в силу Закона Волгоградской области от 17.07.2003 N 855-ОД [3] такое уведомление в принципе не предусмотрено, то есть достаточно известить только орган субъекта РФ); в ст. 8 ФЗ об обороте с/х земель между двумя названными органами стоит союз «или», то есть **двойное уведомление не предполагается**.

Извещение о продаже земельного участка с/х назначения должно содержать:

- информацию о намерении продать земельный участок,
- его ключевые характеристики — местоположение и размер,
- цену,

срок, до истечения которого должен быть осуществлен взаимный расчет. По этому пункту единообразное понимание отсутствует: дело в том, что закон обязывает стороны произвести взаимные расчеты за 90 дней, однако не указывает на момент, с которого начинается течение этого срока — это может быть и момент получения надлежащего извещения, и момент заключения договора, и момент государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок. Исследователи отмечают, что логичнее всего использовать второй подход [4], нам же кажется, что из буквального анализа совокупности правовых

норм, связанных с реализацией преимущественного права покупки, напрашивается первый подход — течение срока с момента получения извещения.

Так, продавец уже в извещении должен указать срок, до истечения которого все взаиморасчеты должны быть произведены, и он, соответственно, должен составлять не более 90 дней. Поскольку в момент отправки извещения еще неизвестно, как долго орган власти будет рассматривать предложение и состоится ли вообще сделка, абсолютно логично связывать начало течения 90-дневного срока с единственной датой, которую можно точно установить — с датой получения извещения. Таким образом, по нашему мнению, можно избежать необоснованного затягивания процесса покупки земельного участка. При этом нужно помнить, что пока этот вопрос законодательно не регламентирован, он в каждом конкретном случае решается индивидуально продавцом, которому следует внимательно прописывать в извещении, с какого момента течение 90-дневного срока начинается в его ситуации.

Важно отметить, что извещение вручается под расписку или направляется заказным письмом с уведомлением о вручении. Это необходимо, чтобы в случае возникновения спорной ситуации продавец мог документально подтвердить, что он исполнил свою обязанность по первичному уведомлению органов власти.

2. Далее с момента поступления извещения в государственный (муниципальный) орган начинается отсчет **30-дневного срока**, в течение которого этот орган может как реализовать свое преимущественное право покупки, так и отказаться от такой реализации. Возможны три варианта развития событий:

1) государственный (муниципальный) орган согласится на покупку земельного участка на предложенных условиях, письменно сообщит об этом продавцу в течение 30-ти дней, и стороны приступят к непосредственному совершению сделки по общим правилам;

2) орган власти окажется от покупки и письменно сообщит об этом продавцу в установленный срок. Тогда у последнего появляется год на то, чтобы продать земельный участок по цене не ниже указанной в уведомлении (исходя из формулировки закона — повышать цену не запрещено) любому третьему лицу. Здесь важно подчеркнуть, что оферта, направляемая третьим лицам, не может содержать условия, отличные от указанных в извещении (кроме, разве что, повышенной цены). При изменении существенных условий сделки извещение госоргана (муниципального органа) должно производиться повторно;

3) субъект (муниципалитет) никак не отреагирует на предложение продавца — молчание в данном случае считается отказом и влечет аналогичные правовые последствия и возможности для продавца участка.

В связи с реализацией установленного законодательством порядка представляется возможным выделить как минимум две правовые проблемы, с которыми может столкнуться продавец после того, как он отправил извещение о продаже. Во-первых, что делать, если орган власти ак-

цептовал предложение продавца в законный 30-дневный срок, но отправил свой акцепт организацией связи, которая значительно задержала доставку? Теоретически возможна ситуация, когда участок уже продан к моменту, когда согласие от органа вдруг получено продавцом. Во-вторых, как нужно себя вести, если представитель публичной власти уже после выражения своего согласия на сделку отказывается от заключения договора купли-продажи, необоснованно затягивает процесс или бездействует?

Идеального решения для первой обозначенной проблемы законодательство не содержит — с одной стороны, продавец предпринял все необходимые действия для соблюдения преимущественного права на покупку участка государственным (муниципальным) органом, с другой, и орган власти надлежащим образом выразил свое согласие и фактически не виноват в задержках со стороны организации связи. Исследователи предлагают в такой ситуации продавцу «... доказать, что субъект РФ должен в течение 30 дней не просто направить уведомление о намерении приобрести земельный участок, но и убедиться в получении данного уведомления продавцом в срок» [5]. С подобным подходом следует согласиться, опираясь по аналогии на требования, установленные для продавца в части уведомления органа власти — продавец же обязан не просто отправить извещение, но и убедиться, что оно получено адресатом. Кроме того, ФЗ об обороте с/х земель содержит четкую формулировку относительно уведомления продавца органом власти в установленный срок: «... в случае, если субъект РФ или муниципальное образование откажется от покупки либо **не уведомит в письменной форме продавца** о намерении приобрести продаваемый земельный участок в течение тридцати дней со дня поступления извещения...», на основании этой формулировки вполне можно сделать вывод о том, что орган публичной власти должен позаботиться о том, чтобы продавец получил информацию об отказе или согласии на сделку в установленный срок, а задержки во всех случаях должны рассматриваться как неуведомление.

Относительно второй обозначенной проблемы отметим, что никаких законных механизмов понуждения органа власти к заключению договора купли-продажи после соблюдения описанных выше процедур уведомления в настоящее время нет. Уведомление о согласии на покупку рассматривать как акцепт оферты в понимании этих терминов гражданским законодательством нельзя — к форме договора купли-продажи недвижимости есть четкие требования, это всегда письменный договор в форме одного документа, подписанного сторонами. Аналогично и предварительным договором извещения и уведомления не являются. А значит, после выражения письменного согласия на сделку стороны должны подготовить проект основного договора купли-продажи земельного участка (или предварительный договор), который и свяжет их взаимными правами и обязанностями. До тех пор, пока этого не случится, стороны вправе в любой момент отказаться от продажи объекта, причем нет законных оснований для понуждения любой из сторон к заключению указанных договоров.

Однако можно предположить, что у продавца в сложившейся ситуации есть перспективы в судебном разбирательстве. Исследователи отмечают, что возможна подача иска о признании бездействия органа исполнительной власти субъекта РФ (муниципального органа) незаконным: «... нарушенные права продавца заключаются в том, что, во-первых, уведомление субъекта РФ о намерении приобрести земельный участок и одновременно уклонение от заключения субъектом РФ договора купли-продажи фактически лишают его права продажи земельного участка третьим лицам под страхом ничтожности сделки. Более того, своим бездействием субъект РФ создает препятствия для продажи и получения денежных средств продавцом за продаваемый земельный уча-

сток» [5]. Предполагается, что суд при отсутствии нарушений процедуры извещения со стороны продавца должен будет вынести решение об устранении нарушенных прав и препятствий для осуществления продавцом права продажи. Однако найти подходящую судебную практику нам, увы, не удалось.

Таким образом, подытожив изложенные выше правовые проблемы, связанные с реализацией процедуры купли-продажи с/х земли, подчеркнем, что имеющаяся в настоящее время правовая регламентация рассматриваемых правоотношений несовершенна и в некоторых аспектах недостаточна для того, чтобы утверждать, что государство готово к полноценному гражданскому обороту земель сельхозназначения.

Литература:

1. Земельное право России: Учебник / Под ред. А. П. Анисимова. 2-е изд., перераб., М.: Юрайт, 2012, 415 стр.;
2. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ (в ред. от 06.06.2019) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Российская газета, N 137, 27.07.2002;
3. Закон Волгоградской области от 17.07.2003 N 855-ОД «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Волгоградской области» (принят Волгоградской областной Думой 03.07.2003) // Волгоградская правда, N 130, 23.07.2003;
4. Румянцев, Ф. П. Особенности договора купли-продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения // Журнал российского права. 2013. N 8; Елисеева И. А. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения: проблемы законодательства и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 10. с. 91–95;
5. Паршин, А. Преимущественное право покупки у субъекта РФ в отношении земель сельскохозяйственного назначения // Правовые вопросы недвижимости, 2006, N 1.

Контроль за оборотом прекурсоров: теоретико-правовой и гражданско-правовой анализ современного состояния с международным аспектом

Драгоруб Александр Иванович, студент магистратуры;

Воронин Иван Константинович, кандидат юридических наук, преподаватель
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Анализируются теоретико-правовые особенности и современное состояние нормативного регулирования, предпосылки возникновения условий предупреждения и пресечения незаконного оборота прекурсоров, а также делается акцент на международно-правовых нормах в сфере контроля за оборотом веществ, часто используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ. Выявлены приоритетные направления совершенствования международного нормативного правового регулирования оборота прекурсоров.

Ключевые слова: прекурсоры, контроль за оборотом прекурсоров, незаконный оборот, наркотические средства, сильнодействующие вещества, химические вещества.

Введение

Теоретической основой для включения России в систему международного контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств — веществ, часто используемых при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ является участие её в работе специальных рабочих органах международных организаций.

Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [1], ратифицированной СССР 09.10.1990 [2], а затем Россией 25.10.1999 [3] предусматривает представление Комиссии по наркотическим средствам ежегодного доклада Международного комитета по контролю над наркотиками (The International Narcotics Control Board — INCB) (далее —

МККН) о выполнении статьи 12 данной Конвенции, а Комиссия периодически проводит обзор адекватности и соответствия Таблиц I и II Конвенции.

Годовой доклад содержит анализ положения в области контроля над наркотиками во всем мире, призванный информировать правительства о сложившихся и возможных ситуациях, которые могут поставить под угрозу достижение целей международных договоров о контроле над наркотиками. МККН обращает внимание правительств на пробелы и недостатки в национальных системах контроля и соблюдении договоров; он также вносит законодательские предложения и рекомендации в целях улучшения положения, как на национальном, так и на международном уровне. Годовой доклад готовится на основе информации, предоставляемой правительствами МККН, учреждениям системы Организации Объединенных Наций, а также другим организациям. Наряду с этим используются сведения, поступающие по линии других международных организаций, например Интерпола и Всемирной таможенной организации, а также от региональных организаций.

Основная часть

С 2011 г. выявление глобальных тенденций и возникающих угроз в сфере контроля над химическими веществами — прекурсорами осуществляется, с использованием сведений с официальных ежегодных докладов МККН на тему: «Прекурсоры и химические вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических и психотропных веществ». Мы рассмотрим доклады за период с 2013—2018 гг. [4—9]

Как и в предыдущие годы МККН отмечает существенные расхождения между тем представлением, которое дают имеющиеся сведения о прекурсорах и их источниках, и реальным положением дел, характеризующим широкой доступностью незаконно изготовленных наркотиков на рынке.

Одной из самых эффективных мер проверки законности сделок и обнаружения и предотвращения утечек прекурсоров является введенная в марте 2006 г. в действие система PEN Online (Pre-Export Notification) МККН.

Онлайн-система предварительного уведомления об экспорте (PEN Online) позволяет легко обмениваться информацией между государствами-членами о поставках (экспорте и импорте) химических веществ, необходимых для производства незаконных наркотических средств, таких как героин, кокаин и амфетамины, и обеспечивать возможность оповещения о прекращении подозрительных поставок до того, как они, достигнут незаконного производства наркотиков. Система обеспечивает полный электронный ответ для подтверждения получения и уведомления экспортирующей страны о разрешении на экспорт. Электронная копия отправляется в МККН по умолчанию без каких-либо исключений. Таким образом, обмен информацией через систему PEN Online позволяет оценить объемы законной торговли на уровне стран и компаний. Эта информация помогает компетентным национальным органам и МККН выяснять и подтверждать законность

конкретных поставок прекурсоров, а также позволяет эффективно и своевременно задерживать или приостанавливать подозрительные поставки.

По состоянию на 1 ноября 2018 г. доступ к системе PEN Online был разрешен 162 зарегистрировавшимся странам и территориям (для сравнения в 2012 г. их было только 136) [4,9]. МККН в докладах рекомендует оставшимся 35 правительствам зарегистрироваться в этой системе. В среднем через эту систему ежемесячно направляется свыше 4912 предварительных уведомлений об экспорте прекурсоров (2012 г. — 1800, 2015—2600). [4,6]

Реализуемые две международные инициативы МККН — проект «Сплоченность» (с акцентом на химические вещества, используемые при нелегальном производстве героина и кокаина, функционирует с 2006 года) и проект «Призма» (с акцентом на химические вещества, которые могут использоваться при незаконном производстве препаратов амфетаминового ряда, функционирует с 2003 года) служат в качестве международных коммуникационных платформ для: отслеживания ситуации по законной торговле химическими веществами и запуска целевых ограниченных по срокам операций с четко установленными сроками по сбору данных. Участники проекта «Призма» и проекта «Сплоченность» продолжают получать информацию о подозрительных поставках, утечках и попытках организации утечек, а также о новых прекурсорах.

МККН оказывает помощь правительствам в их многосторонних усилиях, направленных на прекращение поставок новых психоактивных веществ и злоупотребления ими, в рамках его нового проекта по координации и обмену информацией о незаконном обороте новых психоактивных веществ, в рамках еще одного проекта известного как «IONICS» (ИОН) [10]. В рамках специальных операций, проводимых под руководством Целевой группы по новым психоактивным веществам, ведется сбор информации и оперативных данных в отношении подозрительных поставок, незаконного оборота и производства новых психоактивных веществ и осуществляется обмен такой информацией с помощью глобальной сети координационных центров, которая объединяет свыше 100 правительств и международных учреждений.

В ходе пятьдесят пятой сессии Комиссии по наркотическим средствам в марте 2012 г. Совет совместно с членами целевых групп по проекту «Призма» и проекту «Сплоченность» ввел в действие Систему сообщений о случаях, связанных с прекурсорами (далее PICS). Данная платформа защищенной связи предназначена для быстрого распространения среди национальных регуляторных и правоохранительных органов заинтересованных стран информации об изъятиях, утечках или попытках организовать утечку прекурсоров, поставках прекурсоров, задержанных в ходе транзита, а также ликвидации подпольных лабораторий и изъятии оборудования. Упрощение процесса обмена оперативными данными позволяет без промедления возбуждать действенные двусторонние и региональные расследования. Со времени введения в действие системы PICS через неё были направлены сообщения о случаях, связанных при-

мерно с 200 различными веществами (веществами, включенными в Таблицу I и Таблицу II Конвенции 1988 года, и химическими веществами, не включенными в списки). В настоящее время к наиболее часто упоминаемым веществам относятся эфедрин и псевдоэфедрин (60 процентов), за которыми следуют ангидрид уксусной кислоты (12 процентов) и АФААН — альфа-фенилацетоацетонитрил (7 процентов). На химические вещества, не находящиеся под международным контролем, в том числе вещества, вошедшие в ограниченный перечень не включенных в списки веществ, подлежащих особому международному надзору, приходится 44 процента всех упоминаемых веществ.

По состоянию на 1 ноября 2018 г. было зарегистрировано 480 пользователей PICS (на 01.11.2012 г.-237), представляющих правительства 109 стран (на 01.11.2012 г.-58), а также 250 международных и региональных организаций (на 01.11.2012 г.-8). Система PICS использовалась для распространения информации о 2300 случаях (на 01.11.2012 г.-400), отношении к которым имели 60 стран и территорий (на 01.11.2012 г.-74), причем 30 процентов происшествий касалось химических веществ, не подлежащих международному контролю, в том числе входящих в ограниченный перечень веществ, подлежащих особому международному надзору [4,9].

В настоящее время в передаваемых сообщениях все чаще указываются ценные практические сведения, в том числе о маршрутах перевозки (страны происхождения, транзита и назначения), причастных компаниях, а также документах и названиях, использовавшихся для ложной идентификации химического вещества, которые могут служить хорошей отправной точкой для возбуждения расследований в соответствующих странах.

Доля изъятых веществ, включенных в Таблицу I Конвенции 1988 г., зачастую невелика по сравнению с масштабами международной торговли этими веществами, о которых сообщают правительства. Например, ангидрид уксусной кислоты и перманганат калия изымаются в объемах, составляющих менее 1 % от объемов международной торговли, о которых сообщают правительства. Изъятия некоторых других веществ составляют более значительную долю мирового торгового оборота; изъятия эфедрина в нерасфасованном виде и в форме фармацевтических препаратов составляют, согласно поступающим сообщениям, примерно 15 % от общего объема мировой торговли этим веществом. Законная торговля 3,4-МДФ-2-П практически не ведется, и поэтому объемы изъятий этого вещества намного превосходят масштабы законной торговли им.

Вещества, включенные в Таблицу II, настолько широко используются в законном промышленном производстве, что на долю изъятий приходится лишь незначительная часть от общего объема международной торговли этими веществами.

Данные по веществам не приводятся в тех случаях, когда правительства представляли информацию по фармацевтическим препаратам в единицах, а не в стандартных мерах.

В соответствии с положениями статьи 12 Конвенции 1988 года и соответствующими резолюциями Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального Совета и Комиссии по наркотическим средствам правительствам надлежит принимать и осуществлять национальные меры контроля для эффективного мониторинга перемещения химических веществ — прекурсоров. Кроме того, правительствам надлежит совершенствовать действующие меры контроля над прекурсорами в случае выявления слабых мест.

Так, например, с 1 ноября 2015 г. в Китае вступила в силу девятая поправка к уголовному кодексу, согласно которой было введено два новых состава преступления, связанных с прекурсорами: незаконное изготовление химических веществ — прекурсоров и их незаконная транспортировка. Той же поправкой было увеличено максимальное наказание за преступления, связанные с прекурсорами, и добавлено положение о конфискации имущества и наказании за вступление в преступный сговор с целью незаконного изготовления наркотиков [6].

В июне 2016 г. сенат Канады одобрил проект поправки к закону о контролируемых лекарственных средствах и психоактивных веществах, согласно которой под контроль были взяты шесть химических веществ, часто служащих основными промежуточными продуктами при изготовлении фентанила и их соли были внесены МККН в ограниченный перечень не включенных в списки веществ, подлежащих особому международному надзору, еще в 2007 г. [6].

В соответствии со вступившим в силу 21 сентября 2016 года делегированным регламентом Европейской комиссии (ЕС) 2016/1443, вносящим изменения в регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) № 273/2004 и регламент Совета (ЕС) № 111/2005, в перечень включенных в списки веществ (категория I) было добавлено два аналога прекурсоров метамfetамина — хлорэфедрин и хлорпсевдоэфедрин (и их оптические изомеры). Внесенные изменения устанавливают над этими веществами более жесткий контроль в соответствии с согласованными мерами контроля и мониторинга, действующими на территории Европейского союза [7].

В Аргентине в соответствии с Законом от 20 октября 2016 года № 27283 был создан Федеральный совет по химическим веществам — прекурсорам, действующий в качестве консультативного органа при Национальном реестре химических веществ — прекурсоров (НРХВП), выполняющем функции компетентного органа. Среди прочего, Совет уполномочен анализировать любые вопросы, касающиеся веществ, перечисленных в статьях 24 и 44 Закона № 23737, оценивать подлежащие контролю химические вещества — прекурсоры; обеспечивать актуальность национальной карты производства, торговли и сбыта химических веществ — прекурсоров; а также предлагать новые меры политики и совершенствовать механизмы контроля в отношении производства, торговли и сбыта химических веществ — прекурсоров. В ноябре 2016 года в Аргентине были приняты поправки в уголовный закон, предусматри-

вающие уголовную ответственность за преднамеренную утечку химических веществ — прекурсоров [8].

Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН) в сотрудничестве с Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в качестве вклада в подготовку специальной сессии Генеральной Ассамблеи по мировой проблеме наркотиков, которая состоялась в 2016 г., провел в Бангкоке в апреле 2015 г. международную конференцию «Химические вещества — прекурсоры и новые психоактивные вещества» [6]. Участники конференции приняли итоговый документ, посвященный решению актуальных глобальных задач в области контроля над прекурсорами, новых психоактивных веществ и соответствующего международного сотрудничества. На этой конференции МККН также представил документ, содержащий практические указания для правительств по осуществлению «Руководящих принципов подготовки добровольного кодекса поведения химической промышленности», подготовленных Комитетом в 2009 г. В настоящих докладах особое внимание уделяется также государственно-частным партнерствам и деятельности МККН в этой области, что отражает твердую уверенность Комитета и многих правительств в достоинствах и возможностях этой концепции, которая может стать одним из ключевых элементов решения текущих и будущих проблем в области контроля над прекурсорами.

Положительный опыт такого взаимодействия накоплен в Германии, и, без сомнения, он бы мог быть использован в отечественной практике. Германская химическая промышленность и химическая торговля, Федеральное ведомство криминальной полиции, полицейские управления федеральных земель и Ведомство таможенной криминальной полиции тесно сотрудничают друг с другом для предотвращения утечки химикатов для запрещенного производства наркотиков. Для этой цели Федеральному ведомству криминальной полиции:

- сообщается обо всех подозрительных заказах, включая неосуществленные поставки, а также прочие подозрительные случаи и моменты;
- сообщается о прочих обстоятельствах, которые могут иметь значение для проверки подозрения;
- по требованию предоставляется доступ ко всем соответствующим документам, местам, производственным установкам, местам осуществления эксплуатационной деятельности предприятий, структурам управления и бюро, а также к товару для взятия пробы.

Вызывающими подозрения критериями являются, например:

- заказ поставки авиатранспортом, причем транспортные расходы превышают стоимость товара;
- предложение заплатить более высокую цену (до 100 %) за немедленную поставку;
- оплата наличными даже при покупке тоннами;
- получение товара (даже тоннами) на собственной автомашине;

— личная явка заказчиков или их уполномоченных к поставщику;

— пожелание упаковать товар в необычные для торговли или нейтральные сосуды (без этикеток);

— получение только маленькими партиями, даже если заявляется промышленная потребность использования прекурсоров;

— заказ необычных количеств;

— заказ (покупка) через лиц или фирмы, у которых не просматривается какая-либо необходимость в данном химикате;

— заявка целей применения, для которых химикат не подходит;

— доставка по необычным транзитным маршрутам.

Союз химической промышленности, Союз химической торговли, Объединение фирм, занятых в оптовой и внешней торговле содержащими наркотические вещества химикатами и химикатами вообще, Федеральный союз германской экспортной торговли, а также Союз германской оптовой и внешней торговли товарами для ухода за больными и лабораторий, а также Криминальная полиция и Ведомство таможенной криминальной полиции регулярно проводят встречи для согласования своих действий в данной области.

В последние несколько лет онлайн-торговля, включая онлайн-площадки для торговли химическими веществами, предлагающие своим клиентам справочники и базы данных химических веществ и их изготовителей со всего мира, стали важным подспорьем для покупателей химических веществ в поиске эффективных способов получения доступа к удаленным рынкам.

Еще в 2000 году правительства признали, что реклама и продажа химических веществ — прекурсоров (и контролируемых фармацевтических средств), по-прежнему осуществляющиеся в большинстве стран через Интернет для использования в незаконных целях, представляют собой международную деятельность, которая должна пресекаться.

В своей резолюции 54/8, озаглавленной «Укрепление международного сотрудничества и нормативной и институциональной основы в целях контроля над химическими веществами — прекурсорами, используемыми при незаконном изготовлении синтетических наркотиков», Комиссия по наркотическим средствам предложила государствам-членам принять соответствующие меры для укрепления международного сотрудничества и обмена информацией о новых выявленных маршрутах и методах деятельности преступных организаций, которые непосредственно связаны с утечкой или контрабандой химических веществ — прекурсоров, в том числе об использовании Интернета в незаконных целях, и продолжать уведомление МККН о наличии такой информации.

Комиссия призвала государства-члены, МККН, УНП ООН и соответствующие международные организации собирать данные, анализировать факты и обмениваться информацией об осуществляемой через Интернет преступной деятельности, связанной с прекурсорами. Она также призвала их продолжать усиливать законода-

тельные, правоохранные и уголовно-правовые меры реагирования на основе национального законодательства и укреплять международное сотрудничество с целью пресечения такой незаконной деятельности

Известно о конкретных нормативно-правовых положениях и/или руководящих принципах, применяемых в некоторых странах, в частности в Китае и Соединенных Штатах, которые касаются использования Интернета для организации продажи контролируемых прекурсоров на национальном и международном уровнях. Например, в Китае нормативные положения требуют, чтобы все юридические лица, занимающиеся продажей прекурсоров через Интернет, были зарегистрированы компетентными национальными органами. В Соединенных Штатах поставщики интернет-услуг, оказывающие содействие в организации сделок с включенными в списки химическими веществами между покупателями, продавцами или перевозчиками из зарубежных стран, могут также считаться посредниками или торговцами и подлежать контролю [8].

В связи с этим правительствам предлагается сотрудничать с соответствующими отраслями и друг с другом в целях недопущения неправомерного использования Интернета для организации утечки химических веществ в незаконные каналы. Компании, предоставляющие интернет-услуги, могут адаптировать концепцию добровольных государственно-частных партнерств в целях сбора и анализа соответствующей информации о подозрительной деятельности, осуществляемой через Интернет, и обмена ею. Наконец, следует провести дополнительное исследование в отношении степени применимости мер контроля, в частности тех, которые требуются в соответствии с пунктом 8 статьи 12 Конвенции 1988 года, к юридическим лицам, действующим в качестве посредников при поставке контролируемых прекурсоров через Интернет.

Озвучим основные тенденции и рекомендации в области законного и незаконного оборота прекурсоров, находящихся под международным контролем, а также информации о не внесенных в международные списки химических веществах, которые могут использоваться при незаконном изготовлении наркотиков.

По рекомендации Комитета в марте 2017 г. Комиссия по наркотическим средствам в решениях 60/12 и 60/13 единогласно постановила включить два прекурсора фентанила и ряда его аналогов — АНФП и НФП — в Таблицу I Конвенции 1988 года. В результате принятия этих решений число веществ, подлежащих контролю согласно Конвенции, достигло 26.

Отмечает, что некоторые правительства уже включили АНФП и НФП в свои национальные списки контролируемых веществ. Кроме того, в ответ на нынешние проблемы ряд правительств внесли поправки в свое законодательство о прекурсорах. Комитет отметил, что в течение отчетного периода ряд стран, таких как Аргентина, Бангладеш, Боливия (Многонациональное Государство), Грузия, Соединенные Штаты Америки и Швейцария, приняли различные меры по укреплению своих национальных систем контроля над прекурсорами и что 28 государств — членов

Европейского союза дополнительно усилили контроль за не внесенными в списки «дизайнерскими» прекурсорами.

МККН также отметил наличие все больших расхождений между официальной информацией об изъятиях прекурсоров, представляемой правительствами посредством различных механизмов, включая форму D, доклады представителей стран и выступления на совещаниях вспомогательных органов Комиссии по наркотическим средствам, и данными, содержащимися в ответах на вопросы к ежегодным докладам и в отдельных сообщениях об изъятиях. Важно сокращать такие расхождения и обеспечивать, чтобы правительства были в состоянии формировать, собирать и обобщать национальные данные об изъятиях прекурсоров и представлять МККН по возможности самые полные данные. На основе имеющихся данных можно выделить следующие основные тенденции в области незаконного оборота прекурсоров.

В отношении синтетических наркотиков, то прекурсоры и химические вещества — заменители по-прежнему представляли проблему для созданных систем контроля над прекурсорами. В ходе международных операций, проведенных в рамках проекта «Призма», впервые были получены фактические данные об использовании АФААН в незаконном изготовлении амфетамина, обнаруженного в поддельных таблетках каптагона в странах Ближнего Востока. Впервые за пределами Европы в рамках этих операций были произведены изъятия, не включенных в списки «дизайнерских» прекурсоров амфетамина и метамфетамина семейства метилглицидной кислоты.

Имеются также данные, свидетельствующие о наличии значительного незаконного производства определенных химических веществ, которые не подлежат международному контролю, но контролируются в некоторых странах на национальном уровне, в частности метиламина, являющегося основным химическим веществом, используемым в незаконном изготовлении стимуляторов амфетаминового ряда, прекурсора эфедрина и новых психоактивных веществ. Изъятия прекурсоров новых психоактивных веществ также указывают на появление незаконного производства таких веществ, в частности синтетических катионов и веществ, которые недавно были включены в списки Конвенции о психотропных веществах 1971 года [11].

Национальным компетентным органам необходимо провести анализ своих внутренних механизмов контроля, в частности процедур предоставления разрешения на регистрацию или отказа в регистрации лиц, связанных с производством и торговлей химическими веществами, систем и требований в отношении декларирования конечного использования, а также любых соответствующих пороговых значений, которые могут быть использованы наркоторговцами.

Также стало очевидным, что с целью получения важных оперативных данных необходимо лучше интегрировать мониторинг законной торговли с последующей деятельностью правоохранительных органов, в частности путем расследования случаев отказа в разрешении на поставку через систему PEN Online, прежде чем они станут уголовными делами.

Заключение

Совместная работа государств в течение 2013–2018 свидетельствует о том, что готовность к сотрудничеству, выходящему за пределы географических и институциональных границ, и деятельность в духе Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (т. е. предотвращение незаконного изготовления наркотиков посредством контроля за утечкой химических веществ) являются важными элементами для достижения успеха в области международного контроля над наркотиками, включая их оборот и изготовление. Система PICS и международные инициативы, реализуемые в рамках таких проектов как «Призма» и «Сплоченность», обеспечивают основу для такого сотрудничества на глобальном уровне, позволяя определить способы действий и установить взаимосвязи между событиями, которые при иных обстоятельствах считались бы отдельными случаями. Они также предотвращают тиражирование наркоторговцами схем организации утечек за счет целенаправленных действий в отношении их наиболее слабых звеньев.

Уже МККН выступает в поддержку двуединого подхода, ориентированного на применение превентивных мер (в частности, налаживание добровольного сотрудничества с промышленностью) и правоохранных мер (расследование случаев изъятий и остановленных поставок химических веществ, которые, как известно или предполагается, используются в незаконных целях). Такой двуединый подход применим как к находящимся под международным контролем прекурсоров, так и к не включенным в таблицы химических веществам.

Проблема не включенных в списки химических веществ ненова. Однако только в последние 8–10 лет удалось совершить качественный скачок в этой сфере. Незаконная деятельность по изготовлению наркотиков стала

настолько более изощренной, диверсифицированной и масштабной, что никто не мог предусмотреть ничего подобного 30 лет назад — в период подготовки проекта Конвенции 1988 г. Это особенно справедливо в отношении изготовления синтетических наркотиков.

Предотвращение попадания не внесенных в списки химических веществ в подпольные лаборатории является весьма трудной задачей для правительств. В большей части трудности носят правовой характер, в меньшей — недостаточном сотрудничестве. В связи с изложенным вариант решения проблемы распространения, не включенных в списки «дизайнерских» прекурсоров, в том числе ряда близкородственных химических веществ на международном уровне — это обеспечить правительствам всех стран мира формирование общих критериев и правовой базы для совместного решения проблем.

Усилия следует сосредоточить на разработке общей правовой основы, которая бы позволила органам власти стран всего мира пресекать поставки таких химических веществ для незаконных изготовителей наркотиков, избегая при этом какого бы то ни было излишнего бремени регулирования. В связи с этим государства-члены могут определить пути и средства для включения элементов более упреждающего характера в таблицы Конвенции 1988 года для решения проблем, связанных с рядом родственных химических веществ, и оказания поддержки в деле привлечения к уголовной ответственности за преступления. Следует также предусмотреть возможность выделения в отдельную категорию химических веществ — прекурсоров, которые в настоящее время не имеют признанного законного применения. В отношении этой категории положения, касающиеся мер принуждения, таких как требование об обеспечении изъятий (пункт 9(b) статьи 12 Конвенции 1988 г.), должны быть отделены от нормативного требования о мониторинге законной торговли, с требованием имплементации этой нормы в законодательство стран-участниц конвенции.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Заключена в г. Вене 20.12.1988 г.) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. — М., 1994, с. 133–157.
2. О ратификации Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Постановление ВС СССР от 09.10.1990 № 1711–1 // Ведомости СНД и ВС СССР. — 1990, № 42, ст. 842.
3. О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного протокола и второго дополнительного протокола к ней / Федеральный закон № 190-ФЗ от 25.10.1999 // Собрание законодательства РФ, 25.10.1999, N 43, ст. 5129.
4. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН, INCB) за 2013 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/PRECURSORS/TECHNICAL_REPORTS/2013/Report/E_ebook_with_annexes.pdf. (дата обращения 26.02.2018 г.).
5. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН, INCB) за 2014 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/PRECURSORS/TECHNICAL_REPORTS/2014/Report/E_ebook_with_annexes.pdf (дата обращения 26.02.2018 г.).
6. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН, INCB) за 2015 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/PRECURSORS/TECHNICAL_REPORTS/2015/Report/E_ebook_with_annexes.pdf (дата обращения 26.02.2018 г.).

7. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН, INCB) за 2016 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/PRECURSORS/TECHNICAL_REPORTS/2016/Report/E_ebook_with_annexes.pdf (дата обращения 26.02.2018 г.).
8. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН, INCB) за 2017 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/PRECURSORS/TECHNICAL_REPORTS/2017/Report/E_ebook_with_annexes.pdf (дата обращения 26.02.2018 г.).
9. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН, INCB) за 2018 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/PRECURSORS/TECHNICAL_REPORTS/2018/Report/E_ebook_with_annexes.pdf (дата обращения 26.02.2018 г.).
10. Проект Ион [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/incb/en/project_ion.html (дата обращения 26.02.2018 г.).
11. Конвенция о психотропных веществах (Заключена в г. Вене 21.02.1971 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.incb.org/documents/Psychotropics/conventions/convention_1971_ru.pdf (дата обращения 26.02.2018 г.).

Социально-правовые гарантии при увольнении сотрудников уголовно-исполнительной системы, проблемы и пути решения

Дробот Наталья Алексеевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Проценко Сергей Витальевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье дается характеристика нормативно-правовых и локальных актов регламентирующих гарантии социальной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а так же перечня социальных гарантий, на которые могут рассчитывать сотрудники при прекращении службы.

Ключевые слова: гарантии социальной защиты, прекращение службы в органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, выплаты, пособия, компенсация.

Одной из приоритетных задач реформирования уголовно-исполнительной системы России согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [4], является обеспечение должного уровня социальной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Реализация мер по соблюдению социальных гарантий, предусмотренных для сотрудников системы действующим законодательством должно осуществляться с учетом необходимости интеграции России в Европейское правовое пространство, соблюдения международных стандартов, а также обеспечения престижа службы в органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Основным нормативно-правовым актом, призванным решить поставленные перед уголовно-исполнительной системой задачи в сфере обеспечения социальных гарантий сотрудников, был и остается Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон «О социальных гарантиях») [2], в соответствии с которым, было принято несколько подзаконных актов, касающихся выплат на санаторно-курортное лечение, подъемного по-

собия и суточных при переезде на новое место службы в другой населенный пункт, выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением обязанностей, жилищного обеспечения и других.

При этом следует признать, что кадровая ситуация в органах уголовно-исполнительной системы России складывается далеко не лучшим образом. Это в большинстве своем можно объяснить и недостаточной нормативно-правовой обеспеченностью регулирования служебных правоотношений, и слабой социально-правовой защищенностью в том числе, и в значительной степени возросшими физическими и морально-психологическими нагрузками на личный состав.

О неудовлетворительности современного состояния кадрового состава уголовно-исполнительной системы России говорит число уволенных сотрудников, которое значительно выше, чем принятых на службу. Для выхода из сложившейся напряженной кадровой ситуации в системе необходимо обновление нормативно-правовой базы, регулирующей служебные отношения.

Так, в свете реформирования уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации был принят и уже вступил в законную силу (01.08.2018) Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении из-

менений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее — Закон «О службе в уголовно-исполнительной системе России») [3], которым урегулированы правовые, организационные, социальные и финансово-экономические основы прохождения, а так же прекращения службы в уголовно-исполнительной системе. Следует отметить, что нормы касающиеся гарантий социальной защиты сотрудников системы вышеназванного Закона практически дублируют положения Закона «О социальных гарантиях».

Гарантиям социальной защиты сотрудника системы посвящена глава 9 Закона «О службе в уголовно-исполнительной системе России». Условно их можно разделить на законодательно установленные государством социальные гарантии, направленные на повышение и укрепление социального статуса сотрудники при прохождении службы и направленные на обеспечение социальной защищенности сотрудников при прекращении ими службы в органах уголовно-исполнительной системы России.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы обеспечиваются следующими социальными гарантиями:

- льготное исчисление выслуги лет для назначения пенсии (1 месяц службы за 1,5 месяца), право на пенсию за выслугу лет наступает независимо от возраста уже после 14 лет службы в уголовно-исполнительной системе;
- выдача форменного обмундирования;
- возможность получения (безвозмездно) высшего образования впервые в образовательных организациях ФСИН России, обучения в адъюнктуре, докторантуре;
- бесплатное медицинское обслуживание в ведомственных медицинских учреждениях;
- очередной ежегодный отпуск — от 30 календарных дней;
- ежегодно при уходе сотрудника в очередной отпуск оказывается материальная помощь в размере одного оклада денежного содержания;
- денежное довольствие, которое состоит из оклада денежного содержания (должностной оклад плюс оклад по специальному званию), а также различных премий и надбавок.

Увольнение со службы сотрудников уголовно-исполнительной системы в Законе «О службе в уголовно-исполнительной системе России» именуется как прекращение службы, и представляет собой правовой институт, который включает в себя основания, порядок и условия прекращения службы для сотрудников уголовно-исполнительной системы в России. Основания, порядок и условия прекращения службы регламентированы главой 12 Закона «О службе в уголовно-исполнительной системе России» [3].

При определении основания для увольнения сотрудника учитываются его возраст, состояние здоровья, работоспособность, выслуга лет для назначения пенсии, отношение к службе, а также льготы, гарантии и компенсации, предоставляемые в зависимости от оснований увольнения в соответствии с Законом «О службе в уголовно-исполнительной системе России» и иными нормативно-право-

выми актами Российской Федерации. Если имеются основания для применения двух и более формулировок увольнения положительно аттестуемого сотрудника, с его согласия указывается та из них, которая дает право на получение наибольших гарантий и компенсаций.

Так на какие социальные гарантии (выплаты, пособия, иное) имеет право сотрудник уволившись из уголовно-исполнительной системы? Здесь следует отметить, что служба в органах уголовно-исполнительной системы имеет массу особенностей и своих специфических моментов. При уходе на пенсию, по выслуге лет, по болезни и иным основаниям законодательством установлено обеспечение увольняющегося единовременным пособием и иными выплатами. Чем больше составляет срок службы в органах уголовно-исполнительной системы, тем больший размер денежных выплат полагается при расчете.

Увольняющемуся из системы выплачивают:

- остаток (полный расчет) по заработной плате и по всем видам довольствия;
- компенсацию за неиспользованные дни отпуска.

Кроме этого, в зависимости от основания, по которому сотрудник уходит из службы, а также от стажа службы положены иные выплаты.

Так, в соответствии с п. 7 ст. 3 Закона «О социальных гарантиях», сотрудникам, общая продолжительность службы в учреждениях и органах которых составляет 20 лет и более, при увольнении со службы в учреждениях и органах выплачивается единовременное пособие в размере семи окладов денежного содержания, а сотрудникам, общая продолжительность службы в учреждениях и органах которых составляет менее 20 лет, при увольнении со службы в учреждениях и органах выплачивается единовременное пособие в размере двух окладов денежного содержания исходя из должностного оклада и оклада по специальному званию, установленных сотруднику на день увольнения со службы [2].

Кроме того, согласно пп. 5 и 6 ст. 70 Закона «О службе в уголовно-исполнительной системе России», гражданину, уволенному со службы в уголовно-исполнительной системе по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1, пп. 8, 11 или 12 ч. 2 либо п. 1 ч. 3 ст. 84 указанного Закона, стаж службы в уголовно-исполнительной системе засчитывается в непрерывный стаж службы для исчисления надбавки за выслугу лет и предоставления социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации.

Гражданину, проходившему службу в уголовно-исполнительной системе в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях, других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях, при поступлении на работу в указанных районах и местностях после увольнения со службы по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1, пп. 8, 11 или 12 ч. 2 либо п. 1 ч. 3 ст. 84 вышеуказанного Закона независимо от продолжительности перерыва между днем увольнения со службы и днем приема на работу стаж службы в указанных районах и местностях засчитывается

в общий стаж работы для получения надбавок к заработной плате и других социальных гарантий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

В силу ст. 69 Закона «О службе в уголовно-исполнительной системе России», обеспечение жилыми помещениями, медицинское и санаторно-курортное обеспечение сотрудника, гражданина, уволенного со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении, предоставление им иных социальных гарантий осуществляются на условиях и в порядке, которые установлены Законом «О социальных гарантиях» и иными федеральными законами [3].

Решение жилищных вопросов очередников, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту службы, осуществляется по следующим направлениям: выдача государственных жилищных сертификатов (далее — ГЖС), а так же предоставление сотрудникам и гражданам единовременной социальной выплаты (далее — ЕСВ).

Порядок выдачи ГЖС в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации установлен приказом ФСИН России от 02.03.2018 № 181 «Об установлении Порядка и сроков формирования списков граждан — участников основного мероприятия «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», изъявивших желание получить государственные жилищные сертификаты, а также оформления и выдачи государственных жилищных сертификатов в уголовно-исполнительной системе» [6].

Предоставление сотрудникам и гражданам ЕСВ предусмотрено Законом «О социальных гарантиях сотрудникам», и предоставляется сотрудникам и гражданам в соответствии с Правилами предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам, проходящим службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органах Российской Федерации (утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 24.04.2013 № 369) [5].

При этом следует иметь в виду, что право на получение ГЖС имеют сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, во-первых, признанные в установленном порядке нуждающимися в жилых помещениях, а во-вторых, содержащиеся за счет средств федерального бюджета и увольняемые со службы по достижении ими предельного возраста пребывания на службе, или по состоянию

здоровья, или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность службы которых в календарном исчислении составляет 10 лет и более.

Принятие сотрудника на учет для получения ЕСВ осуществляется при наличии у сотрудника общей продолжительности службы в учреждениях и органах не менее 10 лет в календарном исчислении, определяемой в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Исследование в данном направлении показывает, что на практике, в организации работы по социально-правовой защите сотрудников системы существуют определенные недостатки, которые возможно решить путем внесения в определенные нормативные правовые и подзаконные акты изменений.

К примеру, с проблемой обеспечения жильем сталкивается с одной стороны немало молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы и с другой уже ушедших на пенсию.

Из системного толкования вышеназванных актов следует, что правом на получение как ГЖС, так и ЕСВ обладают только те сотрудники системы, которые отслужили 10 и более лет. Кроме того, при уходе на пенсию, даже при стаже службы в органах уголовно-исполнительной системы 20 лет и более, можно не получить ни ГЖС, ни ЕСВ, если сотрудник во время службы в первом случае, не был признан нуждающимся в жилье, а во втором случае, во время не встал на учет.

Решением указанной проблемы в отношении молодых сотрудников отслуживших 5 лет в органах системы может стать льготное ипотечное кредитование. В случае получения сотрудником при исполнении служебных обязанностей травмы или инвалидности, а так же в случае гибели сотрудника уже приобретшего жилье за счет средств льготного ипотечного кредита, гашение задолженности должно взять на себя государство за счет средств бюджета. Для сотрудников отслуживших 10 лет должна быть предусмотрена автоматическая постанова на учет для получения ЕСВ.

Для дальнейшего развития и совершенствования социальной сферы уголовно-исполнительной системы требуется устранить пробелы в действующем законодательстве регламентирующем гарантии социальной защиты, как действующих сотрудников, так и уволившихся. Кроме того, к решению социальных проблем следует привлечь и органы субъектов Федерации.

При таких изменениях в законодательстве возрастет стимул для поступления и дальнейшего прохождения службы в органах уголовно-исполнительной системы России, значительно повысится авторитет как самой службы, так и государства в обеспечении защиты лиц проходивших службу, тем самым достигнув наименьших кадровых потерь.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (ред. от 05.02.2014) // Российская газета. — 1993. — 25дек.; Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 6. — Ст. 548.

2. О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.12.2019 года).
3. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.12.2019 года).
4. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: распоряж. Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.12.2019 года).
5. О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации (вместе с «Правилами предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам, проходящим службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах Российской Федерации»): пост. Правительства РФ от 24.04.2013 № 369 (ред. от 15.11.2019) // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.12.2019 года).
6. Об установлении Порядка и сроков формирования списков граждан — участников основного мероприятия «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством: приказ ФСИН России от 02.03.2018 № 181 // URL: <http://www.fsin.rf> (дата обращения 10.12.2019 года).

Страховое регулирование в России и за рубежом

Душкина Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Страхование стало важным элементом, охватывающим, практически, все сферы человеческой жизни, а также спутником предпринимательской деятельности.

Вопросы статуса страхования и государственного участия рассматриваются на протяжении всего периода становления рыночной экономики в России и во многом, на сегодняшний день, остаются открытыми.

Действительно, рынок страхования в России сравнительно молодой, то же можно сказать и о его регулировании. Однако модели регулирования совершенствуются: изменяется структура, нормативная база, систематизируется опыт зарубежной практики. В то же время снижает эффективность функционирования страхового рынка ряд факторов.

Одним из этих факторов является неоднозначность сущности правового регулирования и полное разнообразие методов. Наиболее полной нам представляется систематизация методов, предложенная Е. В. Андреевой и О. И. Русаковой, которые выделяют: законотворчество в области страхования, контроль за соблюдением участниками рынка страхового законодательства, регулирование финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков, мероприятия налогового контроля, а также применение санкций за нарушение установленных норм и требований [1, с. 160]. Что касается основного регулирующего органа финансовых рынков (в том числе страхового) — Банка России, то он в своей деятельности разра-

чивает регулирование и надзор, который как правовая категория является базовым элементом страхового регулирования. Страховое регулирование представляет собой нормативно-правовую базу, регламентирующую страховую деятельность, которую, в свою очередь, принято различать на общую и специальную.

Надзор же включает в себя: лицензирование, контроль над соблюдением законодательства, обеспечение платежеспособности, проверки деятельности участников страхового дела, операции с иностранными инвестициями, соблюдение антимонопольных норм. Таким образом, страховое регулирование и надзор представляют собой единую систему, обеспечивающую стабильность страхового рынка [2, ст.30].

Обратимся к мировой практике регулирования страхования, насчитывающей несколько столетий.

До образования Европейского союза регулирование страхования на территории Европы представляло собой множество локально-национальных моделей: морскую модель (Великобритания, Ирландия, Нидерланды), альпийскую модель (Германия, Австрия, Швейцария), средиземноморскую модель (Испания, Греция). Все они имели ряд особенностей, разный уровень развития и степень государственного участия. Традиционно, принято разделять эти модели, на два полярных направления, привычных правовой среде: англо-саксонская и континентальная модели. Англо-сак-

сонская модель знаменита своим либерализмом [3, с. 51]. Первые договоры страхования были заключены еще в 1426 году, государственное регулирование придерживалось принципа «открытость и отчетность», и только лишь в 1960-х годах скандалы по поводу мошенничества в области страхования заставили государство укрепить свою роль.

Континентальная же модель всегда отличалась жесткими надзорными методами, однако сегодня на территории Европейского союза наблюдается единство страхового пространства, несмотря на частичное сохранение национальных особенностей.

В зависимости от организации страхового регулирования органами власти, условно, выделяют три типа построения систем:

- центральная система (полномочия переданы федеральным органам);

- двухуровневая система (сочетание федеральных и региональных органов);

- регулирование передано региональными органами (традиционно, в качестве примера приводят США, где полностью отсутствует федеральное законодательство в области страхования, однако и при таких условиях существует федеральный регулятивный орган — Национальная ассоциация страховых комиссаров) [4, с. 113].

Российской Федерации присуще центральное регулирование, в тоже время нельзя не учитывать и экономико-территориальные особенности страны. Регионам России свойственна существенная экономическая дифференциация. При таких условиях эффективность централизованного управления ставится под сомнение и, следует обратить внимание на опыт стран, близких нам по социально-экономическим условиям, территориальной протяженностью.

К сожалению, это не единственная проблема рынка страхования в России. Отсутствие здоровой конкуренции также существенно тормозит его развитие. Ярким примером является сговор страховых компаний в 2014 году перед повышением тарифов ОСАГО. У контролирующих и надзорных органов отсутствовал эффективный инструмент для оперативных реакций на подобные ситуации. Именно отсутствие конкуренции порождает целый ряд не-

гативных факторов, таких как низкий уровень качества предоставляемых услуг, отсутствие заинтересованности в защите интересов страхователя, отсутствие развитой инфраструктуры страхования, низкий уровень компетенции сотрудников страховых компаний, с чем активно борется Банк России, путем различных программ, в том числе введением института кураторов [5]. В тоже время в целях повышения эффективности страхового регулирования предлагается осуществить ряд и других действий:

- переход к двухуровневой системе регулирования;

- для поддержания конкуренции расширить полномочия саморегулируемых объединений;

- в рамках инвестиционной политики стимулировать создание страховых организаций в регионах (на сегодняшний день, в регионах осуществляют деятельность филиалы, без юридической независимости, что не позволяет осуществлять политику в соответствии со спецификой региона);

- в целях стимулирования отдельных видов страхования необходимо корректировать налоговую политику (льготы, освобождение, пониженные ставки и т. д.) На практике в случае стихийных бедствий на территории России, процент застрахованного имущества составляет 10 %, остальные убытки по компенсациям, реконструкциям и восстановлению инфраструктуры несет государство [6, с. 3]. Необходимо распределение рисков.

Таким образом, страховое регулирование представляет собой сложную систему, требующую ясного и комплексного института, содержащего в себе разнообразные методы. Во многом сложное и не устойчивое положение страхования в России обуславливается слабым уровнем развития рыночной экономики и низкой платежеспособностью населения (низкий процент добровольного страхования). Рынок страхования будет «зеркалить» общие тенденции развития экономики в стране, отреагирует на общие методы экономического стимулирования. В тоже время, для выхода на более качественный уровень необходимы частные методы регулирования, учитывающие всю специфику и сложность такой важной части финансового рынка как страхование.

Литература:

1. Андреева, Е. В., Русакова О. И. Страхование и ее регулирование на современном страховом рынке. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2015.
2. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 28.11.2018) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2019)//СПС «Консультант плюс».
3. Каменская, Н. Ю. Реформа страхового надзора в Европейском Союзе//Страховое дело.2012.
4. Жегалова, Е. В. Развитие регулирования и надзора на мировом страховом рынке и условиях глобализации: зарубежный и российский опыт//Экономические науки.2015.
5. Положение Банка России от 22.12.2014 № 447-П «О кураторах страховых организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.05.2015 № 37236)//СПС «Консультант плюс».
6. Ахвледиани, Ю. Т. Стратегические направления развития российского страхового рынка//Страховое дело.2015.

Договор ренты в гражданском законодательстве: основные аспекты и особенности

Душкина Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Договор ренты знаком обществу еще со времен средневековья. Бедность и запрет на выдачу процентных займов послужили основой развития рентных отношений в Европе. Так, еще в 1804 году Гражданский Кодекс Франции предусматривал возможность заключения договора ренты с возмездной основой, которая заключалась в выплате денежной суммы или посредством передачи имущества, имеющего ценность [2, ст. 1968]. В Российской Федерации договор ренты как самостоятельный вид договора появился существенно позже — в Гражданском кодексе Российской Федерации [1]. Право Советского Союза рассматривало договор ренты в контексте договора купли-продажи с пожизненным содержанием. В более ранний период рентные обязательства нашли свое отражение в проекте Гражданского Уложения 1905 года (изложенные в соответствии с канонами римского права), однако данному проекту не суждено было стать нормативно-правовым актом, который бы сформировал институт рентных обязательств в России.

Статья 583 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет договор ренты как передачу имущества одной стороны (получателя ренты) в собственность другой стороне (плательщика ренты), при которой плательщик обязан в обмен на полученное имущество осуществлять регулярные платежи, выраженные в денежной или иной, предусмотренной договором, форме [1].

Таким образом, «ренту» можно рассматривать как некий доход с капитала, земельного участка или, в большинстве случаев, недвижимого имущества. При этом получателю ренты не требуются специальные знания, навыки, умения или какие-либо активные действия. Однако, при всех преимуществах данного вида договора, договор ренты не является распространенным среди гражданско-правовых отношений в России, но, как и триста лет назад, на вступление в рентные отношения граждан толкает бедность. Основная доля получателей ренты это малообеспеченные и не в полной мере дееспособные граждане, которые пытаются найти какие бы то ни было средства к существованию, которые также нередко введены в заблуждение или обмануты, иной раз бывали случаи, когда мошенники не ограничивались только обманом и пожилые люди подписывали «смертный приговор». Как следствие, защита прав и свобод, данной категории лиц на практике весьма затруднительна [3, с. 51—56]. Причин много: асоциальный образ жизни субъектов, отсутствие средств для оплаты юридической помощи, доверчивость, а также, к сожалению, и несовершенство законодательства [с. 109—113].

Итак, с целью повышения своего уровня жизни, граждане вступают в рентные отношения, в большинстве слу-

чаев, посредством двух форм договоров: пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением. Основное различие заключается в том, что только договор пожизненного содержания с иждивением предусматривает возможность осуществления платежей в натуральной форме. Различие заключается и в предмете: предметом договора пожизненного содержания с иждивением может выступать исключительно недвижимость.

Договор пожизненной ренты, как и договор пожизненного содержания с иждивением прекращается в момент смерти получателя ренты (последнего получателя ренты).

Также необходимо отметить и возможность получателя ренты вернуть имущество, в случае установления факта существенного нарушения условий договора со стороны плательщика ренты. Так, Апелляционным определением Самарского областного суда от 21.05.2018 по делу № 33-5920/2018 о расторжении ренты вынесено решение о расторжении договора ренты и возвращении в собственность квартиры получателю ренты, так как в рамках судебного разбирательства доказан факт уклонения плательщика ренты от обязательств, предусмотренных договором, а именно: не выплачивалось предусмотренное оспариваемым договором содержание, не предоставлялось в требуемом объеме питание, одежда, обувь, лекарственные препараты, не оказывался уход [7].

В тоже время, судебная практика за 2018 год полна примерами, когда судами не удовлетворялись иски о расторжении договора ренты по инициативе получателя рента. Так, Апелляционным определением Московского городского суда от 06.06.2018 по делу № 33—23899/2018, Определением Московского городского суда от 25.07.2018 № 4г-9182/2018 отказано в удовлетворении исков, в связи с тем, что представлена полная доказательная база надлежащего выполнения своих обязанностей плательщиками ренты. Из материалов дела усматривается, что ответчица ежемесячно направляла истице телеграммы, в которых предлагала согласовать необходимый объем и перечень содержания в натуре на текущий месяц; предлагала изменить условия договора по взаимному согласию; сообщала о датах доставки продуктов, а также уборки квартиры клининговой компанией; ежемесячно направляла денежные переводы; однако направленную ответчицей почтовую корреспонденцию истица получать отказывалась, предложенные услуги не принимала, денежные средства не получала. Таким образом, истица сама препятствовала надлежащему исполнению обязательств по договору ренты [8] [9].

По мнению С. Петрова, справедливо отмечено, что расторжение договора ренты по требованию получателя, явля-

ется одним из болезненных вопросов гражданского законодательства [5, с. 76–80]. Как показывает практика, часто вокруг пожилого человека сразу после заключения договора ренты неожиданно концентрируется множество «доброжелателей» — соседи, дальние родственники и т. д., которые активно настраивают его против плательщика ренты. В силу возраста, недоверчивости и внушаемости, многие пожилые люди идут на поводу и подают судебный иск о расторжении договора, указывая в качестве причин несоблюдение обязательств со стороны плательщика ренты. В данных ситуациях

суд должен руководствоваться принципами добросовестности и разумности, ведь договор ренты берет на себя и социальную функцию, зачастую, являясь единственным источником к существованию [6, с. 160–166].

Договор ренты принадлежит алеаторной природе. Дело случая определяет, кто «выиграет», а кто «проиграет» при совершении данной сделки, а задача законодательной и судебной систем сделать эту «игру» максимально четной и справедливой, потому что договор ренты будет спасением для пожилых людей еще очень много лет.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч.П) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. От 18.03.2019)//СПС «Консультант плюс».
2. Гражданский кодекс Франции. М.: Инфотропик Медиа, 2012. с. 4-592.
3. Котарева, О. В., Котарев С. Н. Осуществление и защита наследственных прав недееспособных граждан//Общество и право.2010.с. 51–56.
4. Котарев, С. Н. Недееспособность граждан по российскому гражданскому законодательству: проблема теории и практики// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.2009. № 8.С. 109–113.
5. Петров, С. Договор ренты: плюсы и минусы//Практический бухгалтерский учет. 2013 № 1. с. 76–80.
6. Котарев, С. Н. Специальные способы защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.2008. № 6.С. 160–166.
7. Апелляционное определение Самарского областного суда от 21.05.2018 по делу № 33–5920/2018// СПС «Консультант плюс».
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2018 по делу № 33–23899/2018// СПС «Консультант плюс».
9. Определение Московского городского суда от 25.07.2018 № 4г-9182/2018// СПС «Консультант плюс».

Ограничение прав граждан России на выезд за пределы РФ

Кинжибеков Виталий Владимирович, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Конституция РФ гласит, что права и законные интересы отдельных лиц в рамках закона и в том объеме, который нужен для защиты основ конституционного строя, физического и нравственного здоровья, прав и свобод людей, обеспечения обороноспособности и безопасности страны, могут быть ограничены. При этом, как отмечает Конституционный суд Российской Федерации, они должны быть необходимы и пропорциональны конституционно признанным целям, то есть государство должно использовать только необходимые и строго обусловленные этими целями меры [1]. Здесь законодатель указывает в первую очередь на конституционно значимые цели, направленные на достижение баланса между интересами отдельно взятой личности и государства в целом.

Право свободно перемещаться за пределы РФ это естественное право личности, которое в России закреплено на уровне Конституции. Законодательное закрепление порядка выезда за пределы РФ содержится в отраслевом за-

конодательстве, в частности, любые ограничения данного права, содержатся в ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» [2]. Так в соответствии с данным законом, право гражданина РФ на выезд за пределы страны может быть ограничено только по тем основаниям, которые предусмотрены статьей 15 вышеупомянутого закона.

Права гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации ограничены, если он:

1. Имеет доступ к сведениям, отнесенным к государственной тайне.
2. Призван на военную службу или направлен на прохождение альтернативной гражданской службы.
3. Является подозреваемым либо привлечен в качестве обвиняемого в соответствии с уголовным законом страны.
4. Осужден за совершение преступления
5. Уклоняется от исполнения обязательств, наложенных на него судом.

6. Сообщил о себе заведомо ложные сведения при оформлении документов для выезда из РФ

7. Проходит государственную службу в органах ФСБ.

Во всех случаях временного ограничения права на выезд из Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, или его территориальный орган выдает гражданину уведомление, в котором указываются основание и срок ограничения, дата и регистрационный номер решения об ограничении, полное наименование и юридический адрес организации, принявшей на себя ответственность за ограничение права данного гражданина на выезд из страны.

Рассмотрим отдельные основания ограничения права на выезд за пределы РФ. Имеет допуск к Государственной тайне, является носителем сведений особой важности или совершенно секретных. Запрет на выезд действует до срока указанного в трудовом договоре или в случае, если имеется заключение Межведомственной комиссии по защите Государственной тайны о том, что данные сведения, которые составляют государственную тайну и о которых гражданин был осведомлен на день подачи заявления о выезде из РФ, сохраняют соответствующую степень секретности, то указанный в трудовом договоре срок ограничения права выезда из РФ может быть продлен вышеупомянутой комиссией.

При этом срок ограничения права на выезд не должен превышать в общей сложности 10 лет, включая срок ограничения, установленный трудовым договором (контрактом) со дня последнего ознакомления лица со сведениями особой важности или совершенно секретными сведениями. Это положение направлено в первую очередь на обеспечение безопасности государства, поскольку чаще всего сведения, которые относятся к государственной тайне являются важными для государства и в случае их разглашения могут нанести вред. [3]

Следующим основанием является призыв на военную службу или направление на альтернативную гражданскую службу. Общим правилом периодом ограничения права является срок окончания данной службы. Однако стоит сказать, что часто военнослужащие являются одновременно носителями государственной тайны, то есть они также ограничены и по основанию допуска к государственной тайне и соответственно к ним могут применяться сроки, установленные в законе для данного основания.

В качестве следующего основания названо привлечение гражданина в качестве подозреваемого либо обвиняемого в совершении уголовного преступления, статус которого определяется на основании норм уголовно-процессуального законодательства РФ. Наличие данного статуса определяет необходимость в некоторой степени изоляции и, соответственно, ограничения свободы передвижения как внутри государства, так и за его пределы. Период ограничения конституционного права в данном случае соответствует сроку отбывания (исполнения) наказания. При этом срок ограничения права на выезд за пре-

делы территории РФ подлежит сокращению в том случае, если лицо освобождается от исполнения наказания. [4]

Причиной ограничения является также предоставление заведомо ложных сведений при оформлении документов, необходимых для выезда за пределы государства. Однако эта мера носит административный характер и преследует цели регламентации оформления документов, удостоверяющих личность. При этом ее также можно рассматривать как санкцию за предоставление сведений, не являющихся действительными. Срок ограничения на выезд в указанном случае предопределяется решением вопроса, возникшего в связи с недостоверностью содержащихся в документах сведений, но не может превышать одного месяца.

В качестве следующего основания ограничения права на выезд за пределы государства законодатель называет прохождение государственной службы (работы) в органах Федеральной службы безопасности РФ. Важно отметить, что ограничение устанавливается при наличии трудового договора или государственного контракта, однако и с этой стороны оно не является абсолютным. В том случае, если вышеуказанные лица имеют допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, нормативный срок ограничения рассматриваемого конституционного права может быть более продолжительным на основании первого основания.

Важно сказать, что эти основания:

- 1) Носят исчерпывающий характер
- 2) Не подлежат расширенному толкованию
- 3) Являются временными, то есть ограничены периодом, закрепленным в законе.

Стабильное развитие общества, возникновение новых общественных отношений порождает ситуации, когда государство должно применять различные ограничения прав индивидов. Все эти ограничения являются цивилизованными способами регулирования общественных отношений и несмотря на то, что они именуется «ограничениями» они нужны в первую очередь чтобы защитить права и интересы личности, а также суверенитет и безопасность государства. Однако стоит сказать. Что здесь не должно быть никаких злоупотреблений, поскольку грань между законными ограничениями и государственным произволом в собственных интересах очень тонкая. Таким образом, требуется постоянное совершенствование законодательства в сфере ограничений прав, поскольку оно должно четко регулировать основания и пределы подобных ограничений и не допускать никаких пробелов и широкополю толкования.

В условиях глобализации, повышения популярности либерализма одной из наиболее важных проблем является свобода. Россия — это страна, которая в том числе включена во все международные процессы и само собой в ней также меняется уровень жизни и взгляд граждан на нее. Поэтому сейчас очень остро стоит вопрос о понижении свободы личности. Свобода передвижения — это такая же естественная потребность человека, как и свобода труда, творчества и свобода в своем классическом

понимании. Важно чтобы законодательство в сфере ограничений отражала демократические ценности, поскольку человек чаще сталкивается с вопросом о данном праве именно в момент его ограничения.

Литература:

1. Постановления Конституционного суда «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // Постановление Конституционного суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // Вестник Конституционного суда РФ. 1996. № 4.
2. ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // ФЗ от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.
3. Терешенко, О. В. Основания ограничения права гражданина России на выезд из РФ // Вестник МФЮА. 2014. № 1.
4. Старкова Юлия Михайловна Конституционность ограничений права граждан Российской Федерации на свободный выезд за пределы государства // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6.

Презумпция доверия к полиции

Киреева Анастасия Андреевна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье автор описывает предложения о внесении поправок в Федеральный закон «О Полиции» касающихся прав и обязанностей сотрудника полиции.

Ключевые слова: сотрудник полиции, Российская Федерация, общественное мнение, презумпция доверия, Государственная Дума.

Одним из гарантов соблюдения законности в Российской Федерации являются правоохранительные органы, и, в частности, органы внутренних дел. Но, несмотря на это, правовая защищенность сотрудника внутренних дел имеет свои несовершенства, ввиду пробелов в законодательстве.

На протяжении долгого времени поступали предложения в законодательный орган РФ о внесении дополнений и поправок в действующие нормативные правовые акты, например, в Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», которые могли бы дополнить имеющиеся положения, касающиеся прав и обязанностей сотрудника полиции. К примеру, рабочая группа по безопасности Государственной Думы в 2017 году разработала ряд поправок, значительно расширяющих полномочия сотрудника полиции. Интересным нововведением законодателя являлось закрепление следующей нормы: «Государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей».

При этом в указанном законопроекте не разъяснялось, что именно законодатель понимает под формулировкой «презумпция доверия». В нем указано, государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей. Презумпция же представляет собой предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное [6]. А под доверием понимается положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого че-

ловека. Так, при соединении вышеуказанных определений и положение из законопроекта, следует, что государство будет считать действия сотрудника полиции законными и обоснованными, до тех пор, пока не будет доказано обратное. Однако данное положение является коллизией ч. 2 ст. 49 Конституции РФ, закрепляющей так называемую «презумпцию невиновности» — обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность [1]. Как соотносить данные презумпции в законопроекте не указывалось.

На основании статистических данных, проанализированных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), следует, что общественность в ряде случаев поддерживает лиц, совершивших правонарушение, а не сотрудников полиции, которые выполняют свои служебные обязанности в соответствии с нормативно-правовыми актами, а также считают возможным не подчиняться требованиям сотрудников полиции, а наоборот, оказывать им сопротивление. Все это свидетельствует о высоком уровне правового нигилизма и недоверия к правоохранительным органам. Это связано, в первую очередь, с превышением полномочий сотрудников полиции и несанкционированное ограничение прав и свобод граждан. С учетом вышеизложенного следует уделить внимание предложению об исключении из Федерального закона «О полиции» положения о том, что «полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан» [3]. В законопроекте предполагалось изложить

п. 1 ст. 9 в таком виде: «полиция опирается на поддержку граждан и принимает меры по укреплению общественного доверия»; а из п. 6 ст. 9 — «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции» — исключить слово «основных».

Следовательно, если общественное мнение не является основным критерием оценки деятельности полиции, а в частности действия сотрудников полиции, то является ли необходимым реализация данного мониторинга?

В главе 5 Федерального закона «О полиции» сотрудникам полиции предоставляются широкие полномочия поддержки сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей и предоставление ему права для решения правоохранительных задач применять специальные средства, оружие и физическую силу [5]. Но не раз возникали проблемы при реализации данных положений при несении службы сотрудниками полиции.

В связи с этим, в рассматриваемом законопроекте было предложено узаконить положение о том, что сотрудник полиции не подлежит преследованию за действия, совершенные при выполнении обязанностей, которые возложены на полицию. Но если обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 в котором разъяснено о том, что сотрудники правоохранительных органов не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы [2,4]. В связи с этим, предложенное нововведение аналогично действующему законодательству Российской Федерации.

В законопроекте также предлагалось введение повышенных гарантий сотрудникам полиции от преследования, если при выполнении служебных обязанностей они действовали при соблюдении требований законодательства и ведомственных приказов. То есть, в законопроекте указано, что сотрудники полиции не должны нести ответственность за свои действия, если они следуют нор-

мативно-правовому регулированию. Данное положение обуславливается защищенностью сотрудников полиции и повышением статуса службы.

Считаем правильным мнение И. Н. Зубова, высказанного им на заседании комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, согласно которого нужно ввести такой правовой механизм, который позволит оспаривать действия сотрудников правоохранительных органов только в судебном или ином порядке. Когда такой механизм заработает, то каждый гражданин должен будет исполнять требования сотрудника полиции. При этом, в случаях, когда действия полицейского будут признаны неправомерными, он будет привлечен к повышенной ответственности.

Но проанализировав действия сотрудников полиции, следует признать, что на практике сотрудники внутренних дел часто оказываются в такой ситуации, при которой они, так или иначе, нарушают предписания законодательства. Именно поэтому законодательное закрепление такого правового механизма могло бы обеспечить повышенные требования к законности и обоснованности действий самого сотрудника полиции.

Интересно отметить, что рассматриваемый законопроект вызвал огромный резонанс в обществе, петиция в Госдуму против презумпции доверия к полиции, набрала более 200 тысячи подписей и как результат: законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы.

Безусловно, отечественное законодательство и наше современное общество к резкому расширению полномочий сотрудника полиции еще не готово по объективным и субъективным причинам, в том числе это чревато всплеском преступлений коррупционной направленности. Однако закрепление принципа презумпции доверия полиции на нормативном уровне в отечественном законодательстве представляется интересным и перспективным, так как это позволит повысить оперативность и эффективность действий сотрудников полиции при исполнении своих обязанностей по защите граждан и общества от преступных посягательств и укрепить законность в деятельности правоохранительных органов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Консультант Плюс. URL: (дата обращения: 04.01.2020). Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) URL: <http://consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 04.01.2020).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 04.01.2020).
4. Рыжаков, А. П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О полиции». — «Московская финансово-промышленная академия», 2011. // Гарант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 04.01.2020).

5. Цуканов, Н. Н. О критериях правовой презумпции // Законотворческая техника в современной России: состояние, проблемы, совершенствование. — Н. Новгород: Научная книга, 2001. — с. 159–164.
6. Работа полиции: оценки россиян // Всероссийский центр изучения общественного мнения. _URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9418> (дата обращения: 04.01.2020).

Проблемные вопросы сроков при производстве по делам об административных правонарушениях

Кнышов Евгений Валерьевич, слушатель
Академия управления МВД России (г. Москва)

Имеющиеся проблемные вопросы административной деятельности зачастую заключаются в том, что Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — Кодекс) определены конкретные сроки совершения процессуальных действий, которые не подлежат приостановлению и в большинстве случаев также не подлежат продлению.

В силу подзаконности правового акта данные проблемные вопросы не решены и Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 года № 736 (далее по тексту — Инструкция), пунктом 58 которой установлено, что сроки разрешения заявлений (сообщений) об административных правонарушениях определяется руководителем (начальником) территориального органа МВД России с учетом требований части 3 статьи 8 и статьи 12 Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Закон), а также сроков давности привлечения к административной ответственности, установленных статьей 4.5 Кодекса.

Приведу ряд примеров.

Так, при поступлении в территориальный орган МВД России заявления о совершении правонарушения, например, предусмотренного статьей 5.35 или статьей 20.22 Кодекса, начальником органа назначается проверка, срок проведения которой согласно требованиям Закона и Инструкции в исключительных случаях может быть продлен еще до 30 дней. В большинстве случаев каких-либо проблем со сбором необходимых доказательств не возникает. Вместе с этим, не исключены случаи когда совершившее правонарушение лицо сознательно скрывается либо находится за пределами обслуживаемой территориальным органом территории, не принимая при этом мер к сокрытию.

Составить в указанном случае протокол об административном правонарушении в порядке пункта 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Постановление Пленума) не представляется возможным ввиду невозможности надлежащего уведомления гражданина о времени и месте его составления. В связи этим продление срока проверки в порядке статьи 12 Закона и не установление при этом фигуранта может повлечь за собой истечение сроков давности привлечения к административной ответственности¹. В данном случае согласно требований Кодекса и Инструкции может быть принято только одно процессуальное решение — об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении ввиду истечения сроков давности, что исключает исполнение общепринятого принципа неотвратимости наказания за совершение правонарушения, а также приводит к несоблюдению публичных общественных интересов.

Далее, Ст. 28.5 Кодекса установлено, что протокол об административном правонарушении составляется немедленно после выявления совершения административного правонарушения. В случае, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела протокол об административном правонарушении составляется в течение двух суток после выявления совершения административного правонарушения, а в случае проведения административного расследования — по окончании расследования. При этом согласно требованиям статьи 28.7 Кодекса административное расследование проводится в строго определенных законодателем случаях, перечень которых является исчерпывающим.

Казалось бы, что все ясно и понятно, но в практической деятельности сотрудники полиции сталкиваются с тем, что при установлении в действиях конкретных лиц состава административного правонарушения в установленные Кодексом и Инструкцией сроки по разного рода причинам со-

¹ В силу части 5 статьи 4.5 Кодекса течение названного срока приостанавливается только в единственном случае, которым является удовлетворение ходатайства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, о рассмотрении дела по месту его жительства, когда время пересылки дела не включается в срок давности

ставить протокол об административном правонарушении не представляется возможным. В данных случаях Кодексом и Инструкцией продление срока составления протокола об административном правонарушении не предусмотрено. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе материалов проверки — какое принять процессуальное решение, чтобы впоследствии не допустить нарушения процессуальных норм. Да, согласно пункта 4 Постановления Пленума данный срок не является пресекательным и потому допущенное нарушение не относится к разряду существенных и не влияет на рассмотрение дела. Но ведь по сути своей это как было нарушением процессуальной правовой нормы и так им и осталось, в связи с чем рассмотрение дела фактически начинается с констатации факта процессуального нарушения, что, несомненно, является неприемлемым.

Далее. Частью 3 статьи 28.8 Кодекса установлено, что недостатки протокола об административном правонарушении и других материалов дела устраняются в срок не более трех суток со дня их поступления от органов и должностных лиц, рассматривавших данное дело, и направляются обратно в их адрес в течение суток после устранения недостатков. При этом Кодексом также не предусмотрено продление данных сроков в случае невозможности устранения недостатков в указанный срок, вместе с тем при доработке дел об административных правонарушениях может возникнуть необходимость в проведении процессуальных действий с участием лиц, указанных в статьях 25.1–25.10 Кодекса, что с учетом специфики территории обслуживания и иных объективных обстоятельств может занять более продолжительное время, чем определено законодателем.

Кроме приведенных выше примеров в Кодексе не учтена возможность того, что лицо, совершившее административное правонарушение, по которому производство административного расследования согласно требований статьи 28.7 Кодекса не осуществляется, может быть вовсе не установлено.

Каких-либо прямых правовых процедур Кодексом в данном случае не предусмотрено, в связи с чем в целях установления виновного лица приходится на основании системного толкования положений статьи 1.2 и пункта 2 статьи 26.1 Кодекса принимать сыскные меры и осуществлять процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, что, однако, является обязательным признаком осуществления административного расследования, которое по сути своей осуществляется в отраслях законодательства, не указанных в части 1 статьи 28.7 Кодекса, что является прямым нарушением данной процессуальной нормы.

Помогает разобраться в ситуации абз.6 подпункта А пункта 3 Постановления Пленума, который по смыслу допускает указанную выше возможность, но не устраняет допущенных нарушений. По сути своей судам предписано смотреть «сквозь пальцы» на данные нарушения и направлять такие дела на рассмотрение мировому судье. Вместе с этим Пленум не ответил на вопросы относительно допустимости полученных таким образом доказательств.

Дальнейшим анализом норм Кодекса и правоприменительной практики использования предоставленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях полномочий по документированию административных правонарушений, связанных с причинением побоев и (или) совершения иных насильственных действий выявлена проблематика, связанная с реализацией обязанности полиции на проведение административных расследований по статье 6.1.1 Кодекса.

Так, частью 1 статьи 28.7 Кодекса установлено, что при выявлении данных правонарушений проводится административное расследование. Частью 5 данной статьи определено, что срок расследования не может превышать один месяц, также установлено, что данный срок может быть продлен на срок не более одного месяца, дальнейшее продление срока административного расследования не предусмотрено. При этом согласно статье 4.5 Кодекса срок давности привлечения к ответственности за причинение побоев составляет два года со дня совершения правонарушения.

Частью 6 статьи 28.7 Кодекса установлено, что по окончании административного расследования составляется протокол об административном правонарушении либо выносится постановление о прекращении дела об административном правонарушении.

При этом законодателем не установлена процедура, предусматривающая приостановление производства расследования в связи с обстоятельствами, в силу которых местонахождение конкретного лица, в отношении которого ведется производство по делу, не установлено, либо оно известно, но реальная возможность обеспечения его участия в деле отсутствует. В связи с этим при наличии по конкретному делу указанных выше обстоятельств и с учетом положений части 6 статьи 28.7 Кодекса по окончании установленного срока расследования и наличия объективной невозможности составления протокола об административном правонарушении в установленные сроки расследования в обязательном порядке надлежит прекращать дело об административном правонарушении либо, поскольку согласно требований Кодекса данный срок пресекательным не является либо вовсе не принимать никакого процессуального решения оставляя дело без движения на неопределенный срок, что в обоих случаях является нарушением требований закона.

При принятии решения о прекращении дела об административном правонарушении последующее привлечение виновного к административной ответственности возможно только при отмене согласно положений Главы 30 Кодекса решения о прекращении, которое может быть принято только по результатам рассмотрения соответствующей жалобы потерпевшего либо протеста надзирающего прокурора (при условии поступления таковых).

Изложенное является правовым пробелом, который существенно затрудняет осуществление профилактической работы в жилом секторе и в случае возникновения соответствующих обстоятельств может привести к непри-

влечению лиц, повторно совершивших указанные выше правонарушения, к уголовной ответственности по статье 116.1 УК РФ.

На основании изложенного, видится необходимым внесение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях изменений и дополнений, согласно которых:

1. Будет предусмотрено приостановление течения срока давности привлечения к административной ответственности в случае умышленного уклонения совершившего административное правонарушение лица от явки к уполномоченному должностному лицу для составления протокола об административном правонарушении либо в случае, если данное лицо скрылось;

2. Установленный срок составления протокола об административном правонарушении будет ограничен сроком давности привлечения к административной ответственности;

3. Установленный срок доработки протокола об административном правонарушении и иных материалов дела после их возвращения в порядке п.4 ч.1 ст.29.4 Кодекса будет увеличен либо будет установлена возможность продления установленного в настоящее время срока;

4. Будет установлена возможность приостановления производства административного расследования по фактам нанесения побоев с одновременным приостановлением в данном случае течения срока давности привлечения к административной ответственности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
2. Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
4. Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденная приказом МВД России от 29.08.2014 г. № 736 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
5. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Часть вторая (том 2) (под общ. ред. Л. В. Чистяковой) («ГроссМедиа», «РОСБУХ», 2019);
6. Бахрах, Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. БЗО Административное право: Учебник для вузов. — 3-е изд., пересмотр, и доп. — М.: Норма, 2017. — 816 с.
7. Дугенец, А. С., Масленников М. Я. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации. М.: ВНИИ МВД России, 2011.
8. Кисин, В. Р. Этапы реализации административной ответственности и проблемы их правового регулирования / В. Р. Кисин, Ю. И. Попугаев // Административное право и процесс. 2015. N 8.

Банкротство крестьянского (фермерского) хозяйства

Константинов Дмитрий Геннадьевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (г. Москва)

Определённый интерес представляют нормы о несостоятельности фермерского хозяйства. Как указано в ст. 217 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ «О банкротстве») [1], основанием для признания крестьянского (фермерского) хозяйства (далее — КФХ) банкротом является его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. К несостоятельности КФХ

применимы общие правила ФЗ «О банкротстве», в числе которых:

— правила об определении состава и размера денежных обязательств, требований о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательных платежей (ст. 4);

— правила об ответственности должника и иных лиц в деле о банкротстве (ст. 10);

— правила о правах кредиторов, полномочиях собрания кредиторов (ст. ст. 11, 12) и т. п. [2].

Специальной нормой выступает положение ст. 218 ФЗ «О банкротстве» о том, что заявление индивидуального предпринимателя — главы КФХ о признании его банкротом может быть подано в арбитражный суд при наличии согласия в письменной форме всех членов КФХ. Разумеется, если фермерское хозяйство состоит из одного физического лица, достаточно подать заявление в обычном порядке, так как согласовывать его не с кем.

Положения ст. 221 ФЗ «О банкротстве» определяют состав конкурсной массы КФХ, куда входят все те виды имущества, которые составляют имущество крестьянского (фермерского) хозяйства. Помимо этого, упомянуто право аренды принадлежащего КФХ земельного участка и иные принадлежащие ему и имеющие денежную оценку имущественные права (перечень которых не определён в законе, потому что он может быть чрезвычайно широким) [3].

В судебной практике отмечается, что исходя из смысла ст. 221 ФЗ «О банкротстве», которая носит специальный характер по отношению к нормам Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», одним из критериев невключения имущества в конкурсную массу является приобретение его не на доходы КФХ. Критерием, необходимым для отнесения того или иного имущества к имуществу КФХ, является в том числе и его производственное (целевое) назначение [4].

Таким образом, юридическим фактом, влекущим раздел имущества, принадлежащего КФХ на праве общей собственности, является прекращение его деятельности по одному из оснований, определённых в законе.

При выходе одного из членов КФХ из его состава раздел земельного участка и средств производства не производится. Смысл этого ограничения состоит в том, чтобы оградить фермерское хозяйство от недобросовестного поведения отдельных граждан и обеспечить его нормальное функционирование и стабильное участие в гражданском обороте. Таким образом, указанная норма направлена на справедливое и добросовестное распределение результата деятельности хозяйства и вложенных в эту деятельность средств, сил, навыков его членов, а также на недопущение неосновательного обогащения оставшихся (оставшегося) членов хозяйства за счёт вышедшего (вышедших) и наоборот.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 03.07.2019) // СЗ РФ. 2002. № 43.
2. Ажиев, А. И. Порядок и основания прекращения крестьянских (фермерских) хозяйств // Вестник СевКавГТИ. 2017. Т. 1. № 2 (29). с. 73–76.
3. Поздняков, А. А. Правовое регулирование банкротства (несостоятельности) крестьянских (фермерских) хозяйств в России // В сборнике: основные направления и формы развития потребительской кооперации в странах Европы и Азии: опыт, проблемы, перспективы Материалы международной научно-практической конференции в рамках ежегодных Чаяновских чтений. 2016. с. 518–522.
4. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2016 по делу № А79–1183/2014 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.

При этом выход одного из членов КФХ из его состава возможен только после подачи письменного заявления. Так, суд, отказывая в удовлетворении требований главы КФХ к физическому лицу о признании его утратившим право членства в КФХ, а также о признании его утратившим право на обращение за денежной компенсацией и раздел имущества КФХ, указал, что по смыслу ст. 9 во взаимосвязи с п. 4 ст. 14 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ и ст. 252 ГК РФ выход из членов КФХ возможен после подачи письменного заявления. При этом возникает необходимость урегулирования имущественных взаимоотношений между фермерским хозяйством и гражданином, прекращающим своё членство в нём. [5]

Прямым логическим следствием данной нормы является запрет на отчуждение КФХ части принадлежащего ему участка. Запрет этот безусловен: он не зависит от того, насколько велика площадь земельного участка (в некоторых случаях это ограничение может быть несправедливым, учитывая тот факт, что минимальной площади земли, которая может находиться в собственности КФХ, законодатель не определил).

Хотя закон не указывает, что именно входит в категорию «средства производства», очевидно, что здесь имеет место обычная экономическая классификация понятий, когда выделяются основные средства производства и оборотные средства. Первые переносят свою стоимость на производимую продукцию постепенно, частями, вторые — полностью в течение одного цикла производства.

Лицо, вышедшее из состава фермерского хозяйства, имеет право на получение денежной компенсации, соразмерной его доле в праве общей собственности. Определение величины компенсации зависит от того, каковы доли членов КФХ.

Важно отметить, что законодатель не предусматривает возможности отступления от презумпции равенства долей в случае отсутствия соглашения лиц, образующих КФХ, давая тем самым понять, что его деятельность как субъекта предпринимательства в силу самой природы товарно-денежных отношений должна соответствовать более жёстким и определённым требованиям: если сами лица, входящие в КФХ, не предусмотрели более справедливой пропорции долей, суд не имеет оснований вмешиваться в их внутренние имущественные отношения.

5. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2015 № 20АП-3167/2015 по делу № А62–4223/2014 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.

Правовые механизмы обеспечения устойчивого развития на региональном уровне

Корабельникова Анна Владимировна, студент магистратуры;

Пугина Ольга Андреевна, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются механизмы и инструменты по достижению устойчивого развития на уровне отдельных регионов. В современных условиях нестабильности и неопределенности обостряется проблема сбалансированности различных сфер общественной жизни для обеспечения достойных условий жизни граждан, самостоятельности и конкурентоспособности регионов. Право выступает в качестве инструмента, обеспечивающего гармоничное и эффективное развитие государства в целом и регионов в частности.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, региональная политика, стабильность, стратегические цели государства, стратегическое планирование, устойчивое развитие.*

Для правовой науки и других отраслевых областей знания важно понимание предпосылок становления и составляющих концепции устойчивого развития для её эффективной реализации, как на уровне государств, так и на уровне отдельно взятых регионов. Становление концепции связано с глобальными проблемами в экологической сфере, нестабильностью экономики, социальными проблемами.

В современных кризисных условиях концепция устойчивого развития является основным инструментом смягчения, предупреждения и устранения отрицательных последствий конфликта между различными сферами, гармонизации общественных отношений. Обеспечение устойчивости предполагает создание условий для оптимального развития социально-экономических и экологических отношений. Признание мировым сообществом концепции рассматривается в качестве одного из значимых результатов международного сотрудничества по существующим глобальным проблемам [1].

Устойчивое развитие региона — это процесс, ведущий к повышению уровня и качества жизни на основе рационального использования всего потенциала региона, включая географические особенности, а также свойства экономики, инфраструктуры, промышленности региона [6].

Определяющим фактором для обеспечения нормальных условий жизни населения, роста покупательной способности и повышения уровня жизни в целом является успешная экономическая политика. Ситуация в социальной сфере выступает мерой достигнутого уровня экономического развития. Поэтому развитие территории подразумевает процесс, при котором экономика обеспечивает социальные изменения в соответствии с целями, выработанными местным сообществом, не нанося при этом вреда окружающей среде.

В условиях разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти, вопросы управления качеством жизни населения в регионах решаются

с учетом интересов государства, бизнеса и населения, устанавливая между ними систему партнерских отношений [2].

Сбалансированное социально-экономическое развитие российских регионов является основной задачей, стоящей перед органами государственной власти. Ее решение осложняется отсутствием устойчивости, связанным с негативным воздействием на природную окружающую среду. Проблема устойчивого развития субъектов РФ и муниципальных образований затрагивает ряд управленческих механизмов. В первую очередь это касается разработки и осуществления программ социально-экономического развития регионов. Отсутствие стабильной динамики осложняет процесс планирования и прогнозирования развития, особенно на долгосрочную перспективу [3].

Региональная политическая система является элементом национальной стратегии социально-экономического развития государства. Ввиду различных природных, географических, социально-экономических, демографических и других условий на территории Российской Федерации, унифицированный подход к регионам невозможен. Поэтому региональная политика направлена на развитие конкретной территории с учетом местных особенностей.

Региональное развитие должно быть направлено на достижение стратегической цели по обеспечению устойчивости региона с достижением высокого уровня и качества жизни населения [4].

Региональные органы власти обладают достаточно широким спектром средств, использование которых в практике регионального управления может значительно повысить устойчивость региональных систем. Среди таких механизмов приоритетное место занимают стратегическое планирование социально-экономического развития регионов, государственно-частное партнерство [5].

План стратегического регионального развития содержит цели и пути их достижения, анализ возможностей региона, обоснованные способы использования ре-

сурсов и потенциала субъекта. Такой план представляет собой ориентир по взаимодействию властных структур региона и местного сообщества, направленному на решение существующих проблем и обеспечения устойчивости конкретной территории.

Понятие и механизмы государственно-частного партнерства достаточно давно укоренились в мировой практике привлечения частных компаний для долговременного финансирования и управления общественной инфраструктурой, включая широкий круг объектов — транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство территории, переработка мусора и т. п.

В самом общем смысле партнерство означает использование различных ресурсов частного сектора для удовлетворения общественных потребностей. При этом привлекаемые из частного сектора ресурсы могут быть как финансовыми, так и нематериальными — модели управления или компетенции и навыки менеджеров [7].

Обеспечить эффективное партнерство бизнеса и власти возможно посредством создания комфортных условий для развития предпринимательской среды. Этому

способствуют: формирование необходимой инфраструктуры; оказание финансовой поддержки (предоставление налоговых и иных льгот, финансирование проектов, содействие в получении средств); обеспечение консультационной помощи; привлечение инвестиций на территорию; содействие в поиске рынков сбыта и налаживании производственно-технологических связей [5].

Заключение. Говоря о региональной политике в области устойчивого развития, важно отметить, что она представляет собой элемент национальной стратегии развития государства, целью которой является обеспечение высокого уровня и качества жизни населения. Сбалансированное развитие регионов — одна из ключевых задач, стоящих перед органами государственной власти.

Устойчивое развитие региона обеспечивается, прежде всего, равновесием между факторами социально-экономического и природно-экологического развития. Региональные органы власти обладают инструментами достижения устойчивости и сбалансированного развития субъекта, такими как стратегическое планирование и часто-государственное партнерство.

Литература:

1. Выпханова, Г. В. Понятие и правовое обеспечение концепции устойчивого развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovoe-obespechenie-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Герасикова, Е. Н. Региональные аспекты управления качеством жизни населения в России // Universum: экономика и юриспруденция. 2019. № 1 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-upravleniya-kachestvom-zhizni-naseleniya-v-rossii> (дата обращения: 19.12.2019).
3. Калмыкова, Л. Б. Оценка устойчивого социально-экономического развития региона с использованием коэффициентов эластичности // Статистика и экономика. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ustoychivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona-s-ispolzovaniem-koeffitsientov-elastichnosti> (дата обращения: 19.12.2019).
4. Неудахина, Ю. Г. Обеспечение устойчивого развития как стратегическая цель региональной политики // УЭК. 2011. № 27 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ustoychivogo-razvitiya-kak-strategicheskaya-tsель-regionalnoy-politiki> (дата обращения: 12.12.2019).
5. Петров, А. М. Обеспечение устойчивого развития социально-экономической системы региона в современных условиях // Региональное развитие. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ustoychivogo-razvitiya-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemy-regiona-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 11.12.2019).
6. Устойчивое развитие: как победить бедность и сохранить природные ресурсы URL: <https://postnauka.ru/faq/72761> (дата обращения: 11.12.2019).
7. Хуснутдинова, С. Р., Рубцов В. А. Управление развитием территории на пути к устойчивому развитию // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2009. Т. 4. № 1 (11). с. 35–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12975178> (дата обращения: 18.12.2019).

Концепция правовой системы в советском государстве

Левгеева Татьяна Борисовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассмотрены некоторые направления трансформации российской правовой системы в период СССР

Октябрьская революция 1917 г. предвещала новую веху в развитии российской правовой системы. Вместе с государственным аппаратом была ликвидирована старая правовая система, начала формироваться правовая система нового типа.

Но существует такой нюанс, если превентивные нормы права можно отменить или заменить иным законодательным актом государственной власти, то касательно сознания и идеологии изменения происходят значительно медленней.

Важным этапом в формировании советской правовой системы явилось принятие 10 июля 1918 г. V съездом Советов первой Конституции РСФСР. Конституция установила политическую основу страны — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; диктатуру пролетариата в форме Республики Советов (ст. 1, 9); а также в ней зафиксирован федеративный принцип государственного устройства РСФСР (ст. 11), и в свою очередь здесь нашла отражение экономическая основа советского политического и государственного строя (ст.3).

Так, еще до Октябрьской революции В. И. Ленин писал в работе «Государство и революция», что «парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы» [1, с. 48]. Советы принципиально противопоставлялись буржуазным парламентам.

Одним из первых декретов молодой Советской республики, образованной в результате вооруженного восстания 25 октября 1917 г. (по старому стилю), стал известный Декрет СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде». Он упразднил старую правовую систему и институты царской судебной юстиции.

Другие, в скором времени принятые, Декреты о суде расширили компетенцию местных судов, воссоздали следственные комиссии, создали кассационный суд, рассматривавший жалобы на решения и приговоры окружных судов.

С 1925 года, бушевавшие репрессивные положения начали усиливаться, а демократические тенденции ослабляться. Данное время удивляет своей парадоксальностью именно в развитии правовой системы, так как этот период характеризуется большевистской диктатурой, ленинским вождизмом, но одновременно шел поиск чего-то нового.

Советской правовой системе присуща одна черта, заслуживающая особое внимание при изучении российской правовой системы, содержание которой состоит в том, что не законы, а подзаконные нормативные акты регулировали существенную часть отношений советского общества. Они принимались органами исполнительной власти и нередко носили закрытый характер. Отсюда, вытекает необходимость признания наличия в советской правовой системе

«невидимого права», которое, как отмечает С. С. Алексеев: «никогда, в отличие от революционных времен, не преподносилось как официальная юридическая реальность, но которое служило воле вождей и партийного аппарата делу коммунизма» [2, с. 176].

5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР единогласно утвердил проект новой Конституции СССР [3, с.20], по своему формальному содержанию являлась одной из самых прогрессивных и демократичных конституций мира. Она вовсе не совпадала с реальной юридической и политической практикой.

Для такой правовой системы, по словам А. П. Семитко, «главными средствами являются запреты, обiazывания, санкции» [4, с. 174].

Середина 50-х годов XX века ознаменовалась как начало демократизации советской правовой системы после смерти «вождя всех народов», не только в формальном, но и в фактическом смысле. Трансформации подверглась прежде всего правовая политика, которая проявлялась в том, что были уменьшены прямые репрессии в отношении граждан, а власть отказалась от практики внесудебного преследования. Следует отметить, что принцип законности, под которым уже подразумевалось неукоснительное соблюдение нормативных правовых актов не только всеми гражданами, но и должностными лицами, превращается в ядро официальной правовой идеологии.

Существует достаточно много дефиниций советской правовой системы. Но большинство ученых определяют правовую систему СССР как значительный элемент нечто социального, экономического, в том числе и общественного; как «орудие» при помощи которого можно влиять на производство и вытекающие из них отношения участников и результаты их деятельности.

Приведенные мною тезисы правовой системы данного периода наводят на следующие мысли: во-первых, прослеживается подчиненная роль права, его «служение», во-вторых, тезис является своеобразной специфической характеристикой сверхгосударственного понимания правового регулирования, где юридическое связывается непосредственно с социальным.

Сущность правовой системы России данного периода состоит в основном, принадлежавшей тому времени идеологии, марксизму-ленинизму, с чем и связываются разработка и реализация различных политических, экономических, социальных программ.

Подход, реализовавшийся в его рамках, слишком поверхностно-популистичен, а поэтому выводы из него

весьма плоски и утилитарны. Этот подход можно представить как закономерную и необходимую преамбулу к серьезному анализу явления, достаточно глубокого, чтобы дать обнаружить себя тривиальными политическими методами и причинно-следственными объяснениями.

От одного исторического периода к другому российская правовая система постоянно совершенствовалась,

где-то небольшими преобразованиями, а порою претерпевала значительной реформации. И, делая вывод, трудно заметить, что все время правовая система испытывает мощное влияние политической системы государства, но не является производной от нее. Она самостоятельна, что выражается в ее активности, потому, в свою очередь, воздействует на саму политическую систему.

Литература:

1. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М., 1999. 344 с.;
2. Алексеев, С. С. Философия права. М., 1998. 391 с.;
3. Конституция СССР: [утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик 05.12.1936 г.]// Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. М., 1936;
4. Семитко, А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. 313 с.

Цессия и «гонорар успеха» при оказании юридических услуг

Лысаченко Елена Николаевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье рассматривается уступка права требования (цессия), применяемая в гражданских правоотношениях при оказании услуг правового характера.

Ключевые слова: оказание юридических услуг, цессия, «инкассо-цессия», уступка права требования, вознаграждение, гонорар успеха.

Для оказания правовой помощи физическим, а зачастую, и юридическим лицам, в соответствии с главой 39 ГК РФ, используется договор возмездного оказания услуг. Именуется он по-разному: соглашение об оказании правовой помощи (ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»), договор об оказании юридических услуг, договор о представительстве интересов в суде, договор юридического обслуживания, юридического сопровождения и т. п.

Указанный договор, вне зависимости от наименования, преследует цель оказания правовых услуг лицу, нуждающемуся в них, исполнителем, за оговоренную в договоре плату.

Несомненна заинтересованность клиента в разрешении спора в его пользу, а также заинтересованность поверенного (исполнителя) в получении вознаграждения и его размере. Вследствие чего, встает вопрос о допустимости зависимости размера и обязанности оплаты услуг представителя от решения суда, которое будет принято в процессе разрешения спора [10].

Под гонораром успеха для юристов (адвокатов, представителей) подразумевается условие договора на оказание юридических услуг, в соответствии с которым размер вознаграждения юриста (адвоката, представителя) находится в зависимости от решения суда по данному делу.

Необходимо отметить, что запрет на «гонорар успеха» законодателем не предусмотрен действующим гражданским законодательством — ни глава 39 ГК РФ, ни общие

положения о договоре в ГК РФ не содержат условия о подобном запрете.

Если обратиться к истории, то в трудах ученых-правоведов еще до революции возникали дискуссии по поводу правомерности использования такого способа вознаграждения адвокатов и так называемых «присяжных поверенных». Одним из них является К. К. Арсеньев, который писал: «Вознаграждение за труд определяется не только усилиями и временем, которых он стоил, но и результатами, к которым он привел, сообразно с ценностью тех интересов, охранению которых он содействовал. Размер его определяется свободным соглашением в соответствии с важностью дела для тяжущегося, приписывающего выигрыш дела, по крайней мере, отчасти — таланту и усердию своего защитника» [8].

Также К. К. Арсеньев в своих «Заметках о русской адвокатуре», говорил о том, что споры о процентном вознаграждении адвокатов сводятся к вопросу о размере этого вознаграждения в зависимости от исхода и от важности дела. «Тяжущийся, проигравший дело, весьма часто не в состоянии уплатить своему поверенному даже самой небольшой суммы, или, по крайней мере, такая уплата была бы для него крайне затруднительна и неприятна; тяжущийся, выигравший дело, охотно готов уделить сравнительно большую часть выигрыша тому, с помощью которого он получил его» [8].

Невзирая на отсутствие нормы в действующем законодательстве, содержащей запрет «гонорара успеха» еще

в 1999 году начала формироваться судебная практика о признании незаконным условия в договоре об оказании юридических услуг о зависимости суммы вознаграждения поверенному от исхода дела, что вытекало из Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 г. N 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг». Согласно абз. 3 п. 2 указанного Информационного письма, не подлежит удовлетворению требование исполнителя о выплате вознаграждения, если данное требование истец обосновывает условием договора, ставящем размер оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем [6].

Кроме того, Конституционный суд РФ в 2007 г. также указал о незаконности практики установления «гонорара успеха» в Постановлении от 23.01.2007 г. N 1-П, которым разрешено дело о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации [7].

Соответствие Конституции РФ данных норм закона оспаривалось в жалобах ООО «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева. Им было отказано во взыскании сумм, которые им причитались по договорам возмездного оказания услуг за оказанные услуги по представлению интересов Ответчиков суда, а именно той части вознаграждения, сумма которого была установлена договором возмездного оказания услуг в процентном соотношении от суммы, которая подлежала выплате в случае принятия судом решения в пользу заказчика. Суды при вынесении решений исходили из того, что не подлежит удовлетворению требование исполнителя по договору возмездного оказания услуг о выплате вознаграждения, если оно обосновывается условием договора, ставящим размер и обязанность оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем.

Согласно абз. 4 п. 3.3. указанного Постановления Конституционного суда РФ, в силу конституционных принципов и норм, в частности принципов свободы договора, доступности правосудия, независимости и самостоятельности судебной власти, состязательности и равноправия сторон, предполагается, что стороны в договоре об оказании правовых услуг, будучи вправе в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования свободно определять наиболее оптимальные условия оплаты оказанных услуг, в том числе самостоятельно устанавливать порядок и сроки внесения платежей (уплата аванса, предварительные платежи, рассрочка платежа, предоставление кредита, почасовая оплата, исчисление размера вознаграждения в процентах от цены иска и т. д.), не могут, однако, обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения: в системе действующего правового регулирования, в том числе положений гражданского законодательства, судебное решение не может выступать ни объектом чьих-либо гражданских прав (статья 128 ГК Российской Федерации), ни

предметом какого-либо гражданско-правового договора (статья 432 ГК Российской Федерации) [7].

В правовой доктрине и в юридической науке вновь развернулась дискуссия относительно запрета «гонорара успеха» в соглашении между поверенным и доверителем.

Наличие в системе правового регулирования такого запрета вынуждает участников гражданского оборота изыскивать иные инструменты для оформления своих договоренностей (обходить запрет «гонорара успеха» при помощи различных способов). Соответственно, в практике судебного представительства появились новые правовые конструкции по оплате судебного представительства, такие как инкассо-цессия, судебное финансирование, условие о дополнительном вознаграждении и т. п.

Таким образом, если клиент хочет поставить размер вознаграждения юристов в зависимость от результата по делу, то он может это сделать, используя не договор оказания услуг, а договор цессии. Например, уступая юристам часть прав требования к ответчику и ставя размер вознаграждения в зависимость от взысканной суммы [11].

Верховный суд РФ определением от 24 декабря 2018 г. по делу N 306-ЭС18-16762 фактически воскресил «гонорар успеха» используя договор цессии [14]. В данном деле участники долевого строительства уступили юридической компании право требования неустойки к застройщику, определив размер платы за уступаемое право в размере 75 % от взысканной по решению суда суммы. Таким образом, вознаграждение юристов должно составить 25 % от взысканной суммы, то есть фактически размер вознаграждения поставлен в зависимость от решения суда.

Как говорится в указанном Определении Верховного Суда РФ, условие содержащееся в договоре оказания юридических услуг об определении стоимости уступаемого права в размере 75 % от взысканной по решению суда суммы было обусловлено тем, что при взыскании неустойки в судебном порядке, суд может определить ее в другом размере, часть которого должна быть впоследствии выплачена цеденту.

П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 N 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» гласит, что в соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны вправе заключить договор, согласно которому первоначальный кредитор (цедент) обязуется уступить новому кредитору (цессионарию) требование к должнику (в том числе денежное), а новый кредитор (цессионарий) принимает на себя обязанность передать первоначальному кредитору (цеденту) часть того, что будет исполнено должником по уступаемому требованию.

Таким образом, условие договора уступки об инкассо-цессии (так называемой цессии для целей взыскания), с помощью которой требование уступается новому кредитору с условием уплаты части взысканных денежных средств, не противоречит требованиям действующего законодательства, а также выражает волеизъявление сторон

договора на избрание такого способа оплаты уступаемого права требования.

Кроме того, согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 54, отсутствие в договоре уступки условия о цене передаваемого требования само по себе не является основанием для признания его недействительным или незаключенным. Более того, следует признать, что, несмотря на отсутствие твердой договорной цены, стороны согласовали порядок ее определения и расчета.

Верховный суд РФ указал на то, что суд округа не должен был квалифицировать оспариваемые пункты договора уступки права требования как условия о «гонораре успеха», а также не было оснований для выводов о противоречии их закону и о недобросовестности цессионария ввиду его стремления получить максимальную материальную выгоду [11].

Кроме того, Верховный Суд РФ в своем определении от 11 февраля 2019 г. № 306-ЭС18–16390 разобрался с вопросом при заключении договора уступки требования с адвалорным условием об оплате [13].

Так, договором цессии было установлено условие об оплате, в соответствии с которым цессионарий передает cedentu 60 % от взысканной с должника в итоге денежной суммы. Окружные судьи посчитали договор не-

действительным. Ведь данное условие фактически ставит оплату в прямую зависимость от результатов взыскания денежных средств (т.н. «гонорар успеха»).

Как уже было сказано выше, приемлемость данного подхода на практике до сих пор неоднозначна. Но Верховные судьи расставили все по своим местам: сторонами заключен договор инкассо-цессии (т. е. цессии для целей взыскания). Это означает, что и вышеупомянутого «гонорара успеха» в рассматриваемой ситуации не возникает, а условие об оплате цессии части взысканных денежных средств полностью соответствует действующему законодательству [12].

В настоящее время законодатель, стремясь урегулировать указанные противоречия, разработал революционную норму в Федеральном законе от 02.12.2019 г. N 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 8 статьи 25 дополнен пунктом 4.1), которая сняла отдельные ограничения по «гонорару успеха». Данное положение вступает в юридическую силу 1 марта 2020 года. Соответственно этому новому нормативному положению будет складываться правоприменительная, в том числе судебная практика и содержание соглашений между судебным представителем и клиентом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.03.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 02.12.2019 г. N 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 N 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 сентября 1999 г. N 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг». Система ГАРАНТ:
7. <http://base.garant.ru/12117083/#ixzz6A4BJ2Xj1>
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева». Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12151675/>
9. К. К. Арсеньев. Заметки о русской адвокатуре. URL: http://dugward.ru/library/arsenyev/arsenyev_zametki_o_russkoy.html
10. Боннер, А., Ярков В., Тай Ю., Верещагин А., Чернышов Г., Ковалев С., Зайцев Р., Тамаев Р., Елаев А., Петрищев В., Кузнецов А., Тараданов Р. Новая жизнь гонорара успеха? // Закон. 2015. N 3. с. 17–34.
11. Городников, К. И., Воробьева Д. С. «Гонорар успеха» в российской правовой системе // научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. LX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1(60). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/1\(60\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/1(60).pdf)
12. А. Лебедев. Возрождение гонорара успеха для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2019/03/25/vozrozhdenie_gonorara_uspeha_dlya_yuristov

13. Бухгалтерия.ру. «Цессия и гонорар успеха»: совместить несовместимое. URL: <https://www.buhgalteria.ru/news/tsessiya-i-gonorar-uspekha-sovmestit-nesovmestimoe.html>
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.02.2019 по делу N 306-ЭС18–16390, А65–31592/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-15042019-po-delu-n-306-es18-20653-a57-252482017/>
15. Определение ВС РФ от 24 декабря 2018 г. по делу N 306-ЭС18–16762. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122018-po-delu-n-306-es18-16762-a65-315932017/>

Зарубежный опыт ресоциализации осужденных

Молчанова Татьяна Юрьевна, старший преподаватель;

Мильшина Валерия Геннадьевна, курсант

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения зарубежного опыта реализации международных стандартов содержания заключенных с целью обеспечения их успешной реинтеграции в общество после освобождения. В статье рассматриваются этапы, цели и необходимые условия ресоциализации осужденных, положительный опыт зарубежных стран по социальной работе с осужденными.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, реинтеграция, социальная адаптация, правопослушное поведение, реабилитационные меры, зарубежный опыт.

Принцип возможности и необходимости ресоциализации правонарушителей содержится в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы 2015 г.): цели приговора могут быть достигнуты только в том случае, «если срок заключения используется ... для обеспечения реинтеграции (ресоциализации) таких лиц в общество после их освобождения с тем, чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни» [1].

Ресоциализация осужденных — процесс целенаправленного возвращения в социум и приобретение ими нужных способностей и умений для жизни в обществе в качестве полезного и законопослушного гражданина, в ходе которого решаются различные проблемы осужденных психологического, организационно-технического, бытового, коммуникативно-культурного и нормативно-правового характера (восстановление статуса личности). Важным компонентом ресоциализации осужденных является восстановление в правах, что предусмотрено ключевыми положениями Конвенции ООН по правам человека: право на жизнь, достойное существование, получение образование, труд и пр. [2].

Ресоциализация осужденных в зарубежных странах осуществляется пенитенциарными учреждениями, службами надзора и пробации, различными религиозными и общественными организациями и объединениями. Пенитенциарные учреждения в своей деятельности руководствуются международными нормативными правовыми документами, определяющими основные права и свободы граждан, а также требованиями, непосредственно затрагивающими правила обращения с осужденными [3]. К числу таких международных документов относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международный пакт о гражд-

данских и политических правах 1966 г.; Конвенция против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы 2015 г.) и др.

Ресоциализация — это длительный и многокомпонентный процесс, предполагающий применение комплекса реабилитационных мер на разных этапах работы с осужденными:

— пенитенциарная адаптация осужденных — нейтрализация негативных последствий пребывания в тюрьме; анализ и устранение условий, факторов и причин, вызвавших противоправные действия; формирование правопослушной модели поведения; подготовка к освобождению;

— социальная адаптация осужденных, вышедших на свободу — помощь в трудоустройстве, решении бытовых вопросов, восстановлению социальных связей, оформлении документов и т. д.;

— психологическая поддержка осужденных во время и после отбывания срока — преодоление социальной дискриминации, изменение отношения осужденного к самому себе; формирование стойкого стремления к перестройке собственной личности, готовности к выходу на свободу, готовности приносить пользу обществу;

— медицинская ресоциализация — сохранение и восстановление физического, духовного, социального и психологического здоровья осужденного.

Главные цели ресоциализации следующие:

— изменение вектора поведения личности — переориентация асоциальной направленности, смена стереотипа «правонарушителя»;

— адаптация осужденного к будущей жизни на свободе посредством восстановления или приобретения утраченных социальных связей;

— интеграция осужденного в общество в новом социальном статусе путем формирования новой системы установок, норм и ценностей, навыков социального поведения;

— формирование способности саморегуляции поведения с социально одобряемых позиций;

— формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение образовательного и культурного уровня осужденных;

— профилактика рецидивной преступности.

Для достижения целей ресоциализации необходимо:

— создать в исправительном учреждении специальную социально ориентированную среду, отвечающую требованиям подготовки осужденных к предстоящей самостоятельной жизни на свободе;

— воспринимать осужденного как активного субъекта процесса ресоциализации;

— ориентировать осужденного на саморазвитие в ходе социальной интеграции;

— учитывать индивидуальные психологические и психофизиологические особенности осужденного, его коммуникативные способности, наличие сохранившихся позитивных социальных связей;

— моделировать социальное содержание будущей жизни осужденного вне исправительного учреждения.

Зарубежные страны имеют положительный опыт ресоциализации осужденных. В Великобритании наряду с государственными социальными структурами широко развита сеть неправительственных, общественных структур или полугосударственных образований, которые финансируются и контролируются государством. В их функции входит разработка конкретных социальных программ, их реализация, оказание социальной помощи, привлечение к социальной работе необходимых специалистов на общественных началах и оказание помощи осужденным. Со-

циальную работу с заключенными в пенитенциарных учреждениях осуществляют как штатные сотрудники, так и добровольцы. В каждом учреждении для правонарушителей работает не менее двух социальных работников [6].

В Германии социальные работники занимаются проблемами осужденных на протяжении всего срока отбывания наказания, оказывают социальную поддержку и после освобождения. Поэтому в исправительных учреждениях Германии созданы целые социальные службы, в состав которых входят специалисты по социальной работе, психологи, педагоги, духовные работники. При этом количество социальных работников в два с лишним раза превосходит такие категории, как учителя, врачи, психологи [4].

Следует отметить важную роль общественных объединений, частных организаций и лиц, попечительских советов (Германия), а также священнослужителей в ресоциализации осужденных (служба тюремных капелланов в США, Великобритании, Германии, Финляндии, Норвегии, в странах восточной Европы).

Целенаправленная политика исправления правонарушителей и реинтеграции их в общество в зарубежных странах делает социальную работу с осужденными достаточно эффективной. Во-первых, в системе исполнения уголовных наказаний Англии, Германии, США и многих других стран заняты сотрудники различных категорий: социальные работники, педагоги, психологи, священнослужители, медицинские работники. Во-вторых, там созданы психологические службы для изучения личности осужденного, истории ее криминального развития, мотивов и факторов ее криминального поведения, выяснения психологических особенностей для успешного перевоспитания осужденных [5]. Полученные данные используются для осуществления дифференцированного подхода к ресоциализации осужденных, позволяют выбрать наиболее эффективные формы и методы работы.

Таким образом, при решении вопросов социальной адаптации осужденных в России следует учитывать перспективный опыт зарубежных стран.

Литература:

1. Адоевская, О. А. О возможности и пределах учета международного опыта ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-i-predelah-ucheta-mezhdunarodnogo-opyta-resotsializatsii-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 09.12.2019).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/
3. Куркина, И. Н. Зарубежный опыт решения проблем ресоциализации осужденных // Вестник Владимирского юридического института. 2011. — № 2. с. 190–194.
4. Латышева, Л. А. Социальная работа в исправительном учреждении как основа ресоциализации осужденных // Пенитенциарная наука. 2014. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rabota-v-ispravitelnom-uchrezhdenii-kak-osnova-resotsializatsii-osuzhdennyh> (дата обращения: 09.12.2019).
5. Марков, В. П. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных к лишению свободы в зарубежной практике // Вестник СамГУ. 2013. № 8/1 (109). с. 31–36. URL: http://vestnik.ssu.samara.ru/tgt/2013_8_1_109_5.
6. Намазова, Ф. Ф. Европейский опыт ресоциализации осужденных // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». № 10(26), 2018. URL: <http://Alley-science.ru>

Уголовная ответственность за хищение электронных денежных средств

Насиров Исмаил Атакиши оглы, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует проблематику уголовно-правовых норм об ответственности за хищение электронных денежных средств.

Ключевые слова: хищение, кража, электронные денежные средства.

В настоящий момент продолжает фиксироваться общий рост преступных посягательств в форме хищения чужого имущества. Всеобщая информатизация общественных отношений, приводящая ко все большему распространению преступлений в киберпространстве, требует дополнительной разработки качественно новых средств борьбы с такой модифицированной преступностью.

Информатизация отношений между государственными структурами, организациями и физическими лицами очень ярко выражена в сфере торговых отношений. На современном этапе развития отечественной правовой системы даже мелкие бытовые товарно-денежные отношения граждан перешли в сферу информационных технологий, что не могло не стать причиной ответной реакции преступных элементов и появления новых механизмов и способов совершения преступлений.

В связи с этим, относительно новым детерминантом такой негативизации показателей статистики правоохранительных органов является появление и растущее число хищений чужого имущества посредством информационно-телекоммуникационных средств, хищений направленных на изъятие чужих денежных средств с банковских счетов, с банковских карт и хищение так называемых электронных денег.

Если появление и развитие банкинга уже не является чем-то новым для правовой системы и правоотношения в сфере банковских операций уже подвергнуты достаточно детальной и четкой правовой регламентации со стороны международного сообщества и на уровне национального законодательства, то такой институт, как электронные денежные средства и другие электронные способы платежей — это относительно новое явление для отечественного законодателя и в данный момент мы являемся свидетелями только зарождающейся нормативной правовой базы, направленной на урегулирование торговых отношений посредством электронных денег.

Области экономического и правового регулирования, в которых применяются электронные деньги, можно обозначить посредством анализа формирующейся судебной практики. К примеру, одним из самых первых решений, в котором Верховный Суд Российской Федерации затронул вопрос правовой регламентации применения при расчетах электронных денежных средств, является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых

в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». Следующим значимым актом высшего суда стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Последнее стало, по сути, обновлением позиций высшей судебной инстанции с учетом происходящих в обществе информационно-технологических скачков и закономерного развития новых форм хищений.

Остроту возникающим на практике гражданско-правовым и уголовно-правовым проблемам придавало отсутствие четкого статуса и легального определения понятия «электронные денежные средства». В настоящее время законодателем сделаны попытки по внесению ясности в вопрос отграничения безналичных денежных средств и электронных денег. Сложность заключается также в следующем: оборот безналичных денежных средств осуществляется посредством субъектов банкинга, а именно: банков и иных кредитных организаций, что, в свою очередь, гарантирует контроль со стороны специально уполномоченных государственных и государственно-частных структур за деятельностью таких банковских организаций при помощи института лицензирования и прочих механизмов контроля и надзора.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» как электронные денежные средства законодатель определяет денежные средства, предварительно предоставленные одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, которое учитывает информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), с целью исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. Вместе с тем, законодатель не относит к электронным денежным средствам денежные средства, которые получены организациями, которые осуществляют профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банков-

ского счета согласно законодательству, регулирующему деятельность названных организаций [1].

Основываясь на анализе легального определения понятия «электронные денежные средства», судебной практике, в частности, на позициях Верховного Суда Российской Федерации, отраженных в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» и Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и других, можно прийти к выводу, что отечественный правоприменитель понимает электронные денежные средства как субъективные юридические права обязательственного характера, направленные на денежные средства в обязательстве денежного характера.

Одновременно с этим, следует обратить внимание, что, будучи субъективными юридическими правами обязательственного характера, электронные денежные средства не могут существовать в форме определённой денежной суммы в виде так называемой «электронной наличности» [2].

По результатам изучения проблематики определения в системе законодательства Российской Федерации правового статуса электронных денег, мы приходим ко следующим выводам:

1. Электронные денежные средства в системе отечественного права являются субъективными правами обязательственного характера к конкретной кредитной организации на определённую сумму денежных знаков в денежном обязательстве, которое возникло в соответствии с договором между лицом и оператором электронных денежных средств.

2. Электронные денежные средства следует отличать от безналичных денег:

— по основанию возникновения обязательства денежного характера;

— по специфике возникновения, распоряжения и прекращения прав требования в денежных обязательствах.

3. Электронные денежные средства обретают статус денег в Российской Федерации в связи с внедрением в правовую систему норм, которые обеспечивают выполнение ими ключевого экономического функционала денег:

— функции соизмерения стоимости;

— функции платежа;

— функции накопления.

4. Выполнение функций денег электронными денежными средствами осуществляется с некоторыми ограничениями в сравнении с наличными и безналичными деньгами.

Относительно развития инструментов уголовно-правового реагирования на распространяющиеся преступные посягательства на безналичные денежные средства и электронные деньги следует отметить.

С 4 мая 2018 года вступил в юридическую силу Федеральный закон № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уго-

ловный кодекс Российской Федерации» (далее — Федеральный закон). Изменения были направлены на усовершенствование уголовно-правовых мер защиты финансовых интересов физических и юридических лиц посредством создания дополнительных механизмов более качественной и эффективной превенции преступных посягательств на денежные средства, которые размещены на банковских вкладах и в виде электронных денежных средств.

Данным Федеральным законом ряд существенных изменений внесен в отдельные статьи Главы 21 (Преступления против собственности) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ).

В частности, введенными новеллами часть 3 статьи 158 УК РФ и статья 159.6 УК РФ были дополнены новыми квалифицирующими признаками, которые предусматривали повышенную уголовную ответственность за совершение хищений денежных средств с банковских счетов и электронных денежных средств [3].

В следствие такой корректировки действующего уголовного закона преступные действия в виде хищений с банковских счетов и электронных денежных средств, в частности, кража в отношении такого имущества, посредством введения, удаления, модификации либо блокирования компьютерной информации теперь отнесены к категории тяжких преступлений в независимости от размера похищенного. За данные преступные посягательства максимальное наказание предусмотрено в виде лишения свободы сроком до 6 лет [4].

Установив более строгие наказания в сравнении с существовавшими ранее уголовно-правовыми санкциями, законодатель повысил практическую эффективность противодействия исследуемой категории хищений. Это связано с тем фактом, что в настоящее время уголовная ответственность наступает не только за покушение на хищение с банковских счетов и электронных денежных средств, но и за приготовительные действия.

В силу нормы части 2 статьи 30 УК РФ наступление уголовной ответственности возможно за тяжкое и особо тяжкое преступление.

Особую значимость внесенных изменений с точки зрения практики уголовного права заключается в том, что правоохранительные органы получили возможность осуществить все доступные оперативно-розыскные мероприятия по уголовным делам о преступных посягательствах в форме хищений денежных средств с банковских счетов и электронных денежных средств. Осуществление всего спектра оперативных мероприятий дает возможность более объективно и всесторонне оценить действия предполагаемого преступника и сформировать более качественную доказательственную базу.

В свою очередь, такое расширение уголовно-правового инструментария правоохранительных органов помимо незамедлительной реакции на преступные посягательства, также способствует более своевременной превенции таких деяний и раскрытию совершенных преступлений с изобличением всех причастных лиц.

Следует также отметить, что внесенные изменения представляют собой проявление прогрессивного правового подхода к нормам уголовного права, а именно, повышенная уголовно-правовая защита объектов преступного посягательства вне зависимости от стоимости предмета хищения.

Другим важным новшеством уголовного закона стало шестикратное понижение пороговых значений размера хищений, которые признавались крупным и особо крупным размером в целях статей 159.3 и 159.6 УК РФ. Снижение произошло от с одного миллиона пятисот тысяч рублей и шести миллионов рублей до двухсот пятидесяти тысяч рублей и одного миллиона соответственно. Таким образом, эти значения стали аналогичны тем, что определены уголовным законом для целей статьи 158 УК РФ.

Такой правовой подход законодатель выбрал по ряду причин:

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Шевчук, М. В. Электронные денежные средства в системе объектов гражданских прав // Банковское право. 2013. № 3. С 25–33.
3. Федеральный закон от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».

Зарубежный опыт содержания иностранных осужденных в учреждениях УИС: гуманитарные аспекты

Подстрахова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Рассматриваются гуманитарные аспекты исполнения наказаний в отношении иностранных граждан в тюрьмах Европы. Исследуется феномен языкового барьера как причина большинства коммуникативных, социально-культурных и психологических трудностей отбывания иностранными гражданами наказаний в учреждениях УИС европейских стран.

Ключевые слова: уголовное наказание, учреждения уголовно-исполнительной системы, лишение свободы, иностранный гражданин, языковой барьер.

Процессы глобализации во всех сферах жизни современного общества затронули область борьбы с преступностью и создали новые вызовы для правоохранительных систем всех стран, в том числе — для систем исполнения наказаний. Свобода передвижения людей и процессы трудовой миграции делают особенно актуальными вопросы содержания в учреждениях УИС осужденных иностранных граждан, совершивших преступления на территории чужой страны. Существует большое количество международных документов, принятых ООН

1. Во-первых, учтена специфика способа совершения хищений, в процессе применения которого происходит сопряжение признака анонимности с преступным посягательством на денежные средства, которые находятся на банковском счете и на электронные денежные средства.

2. Во-вторых, применение механизмов удаленного доступа к банковскому счету посредством специальных технических средств дает возможность лицу сохранить анонимность, что, в свою очередь, усложняет правоохранительным органам процесс его выявления.

3. В-третьих, вне зависимости от способа, которым противоправно завладели имуществом, размер реального ущерба от таких преступных посягательств может существенно превышать суммы похищенных денежных средств, которые находятся у потерпевшего лица в форме наличных денег.

и рядом европейских международных организаций, регламентирующих правила обращения с осужденными преступниками-иностранцами [1;2]. Однако эти документы, которые периодически обновляются и отражают вновь возникающие реалии в сфере исполнения наказаний, носят преимущественно рекомендательный характер для стран-участниц международных организаций и потому редко полностью выполняются.

В данной статье делается попытка изучения ряда гуманитарных, в частности, культурно-языковых проблем со-

держания иностранных граждан, совершивших правонарушения в странах, гражданами которых они не являются. Материалом исследования послужили последние отчеты британского Фонда содействия тюремным реформам [3] и монографические исследования авторитетных пенитенциаристов, занимающихся вопросами содержания иностранных граждан в тюрьмах Европы и США [4; 5; 6].

Термин «иностранец заключенный» применим к людям, которые не имеют паспорта и гражданства страны, где ими совершено административные или уголовные правонарушения. Это понятие не распространяется на лиц, которые ищут политическое убежище. Существует несколько категорий лиц, относящихся к иностранным осужденным: люди, специально прибывшие в чужую страну для совершения преступления; люди, проживающие длительный срок на территории страны, или даже рожденные там, но не получившие гражданства; лица, пользующиеся статусом беженцев из зон военных конфликтов и находящиеся на территории чужой страны на неопределенный срок; люди, официально прибывшие в страну на короткий срок для работы или учебы, и совершившие в этот период преступления.

ООН рекомендует национальным системам исполнения наказаний придерживаться следующих положений:

1. Всем странам-членам ООН проводить экспертизу национальных уголовно-исполнительных законодательств и исключать возможную дискриминацию иностранных задержанных и осужденных граждан в культурно-языковых и религиозных правах, а также в праве на адвокатскую защиту и консульскую помощь.

2. Разработать меры скорейшего возвращения лиц, совершивших ненасильственные незначительные преступления или административные нарушения, в страну постоянного проживания.

3. Не допускать совместного содержания лиц, которые обвиняются только в нарушении миграционных правил, с теми, кто обвиняется в совершении уголовных преступлений [1;2].

В качестве примера можно более подробно рассмотреть положение дел в Великобритании, где в первой половине 2019 г. зафиксировано наибольшее общее количество заключенных в тюрьмах среди европейских стран. В целом в Великобритании число заключенных в 2019 г. составляло 238 человек на 100.000 населения, что в 3 раза больше, чем в Испании и Италии и почти в 2 раза больше, чем в Германии [3]. В результате, тюремная система Соединенного Королевства сталкивается с такими проблемами, как переполненность тюрем (из 120 тюрем Англии и Уэльса в 86 превышен лимит размещения осужденных). В период с 2008 г. по 2018 г. существенно сократилась доля альтернативных наказаний по месту жительства (с 190.000 до 91.000), а количество приговоров о краткосрочном тюремном заключении соответственно возросло [3]. Как утверждает П. Доусон (Peter Dawson), директор фонда «Prison Reform Trust», тюремная система Великобритании сталкивается с большими кадровыми проблемами: в минувшем году 54 % сотрудников

увольнились из УИС, не прослужив в ней двух лет, а сама профессия сотрудника тюремной службы становится все более рискованной: за последние пять лет количество нападений осужденных на сотрудников тюрем увеличилось более, чем в пять раз [3].

На фоне этой общей картины содержание иностранных осужденных характеризуется своей спецификой. По состоянию на март 2019 г., в тюрьмах Соединенного Королевства было 9.079 заключенных-иностранцев, которые являлись гражданами 161 страны, прежде всего Албании, Польши, Румынии, Литвы, Сомали, Пакистана и Португалии. За исключением двух тюрем «НМР Maidstone» и «НМР Hunter», где содержатся только иностранные граждане, остальные тюрьмы размещают иностранцев вместе с британскими гражданами. Как и в целом в Великобритании, иностранные граждане в основном приговариваются к краткосрочному, до 1 года, тюремному заключению за совершение ненасильственных преступлений (81 %), причем, даже после отбывания тюремного срока многие осужденные остаются на территории учреждения из-за бюрократических процедур возвращения уже бывшего заключенного на родину [3].

В своем многолетнем сопоставительном исследовании условий содержания иностранных заключенных в европейских тюрьмах известный исследователь Л. Слейд (Lucy Slade) утверждает, что гуманитарные проблемы, прежде всего языковой барьер, является основной причиной трудностей исполнения наказания и адаптации заключенного к тюремной среде [4]. Непонимание и нарушение правил внутреннего распорядка, конфликты с другими осужденными, невозможность или ограничение участия в программах социальной реабилитации, получения медицинской, психологической и юридической помощи — лишь неполный перечень проблем, напрямую связанных с языковым барьером. Обращение к услугам переводчика в условиях тюрьмы невозможно, тюремный персонал сам не владеет родным языком заключенных-иностранцев, а вынужденное обращение к другим осужденным-билингвам имеет свои негативные стороны. Главное — ни персоналу, ни осужденным иностранцам не гарантируется адекватность устного перевода и понимания участников коммуникации. Особые сложности возникают при необходимости письменного обращения к миграционным властям. Языковые трудности часто сопровождаются культурными, конфессиональными и психологическими трудностями для осужденных. В результате, заключенные-иностранцы оказываются в изоляции, что, в свою очередь, может привести к росту агрессивного и внешне немотивированного поведения [5].

Таким образом, гуманитарные вопросы исполнения наказаний в учреждениях УИС иностранными гражданами требуют пристального изучения и решения. В Европе активно внедряются следующие способы снятия культурно-языкового барьера: привлечение волонтеров-билингвов, оказывающих языковую и социально-психологическую поддержку осужденным; организация консульской поддержки; перевод на родной язык

осужденных правил внутреннего распорядка тюрьмы и других документов, регламентирующих их жизнь в период отбывания наказания; обеспечение заключенных так называемыми «картинными словарями», в которых наглядно поясняются наиболее важные в ситуациях повседневного общения понятия и предметы (объемы таких «словарей» составляют около 300–330 единиц) [4]. Во многих американских тюрьмах, особенно в южных штатах, регулярно организуются курсы иностранных языков для персонала [6].

Одной из серьезных проблем для правонарушителей-иностранцев является принудительная или добровольная депортация на родину, сопровождающаяся длительными бюрократическими процедурами, которые без доступа осужденных к мобильным средствам связи и Интернету, становятся еще более продолжительными. В случае отбывания осужденным длительного срока в иностранной тюрьме его социальные контакты на родине теряются, и тогда его пребывание в тюрьме продлевается на неопределенный срок. Великобритания имеет соглашения о депортации осужденных на родину с более, чем 100 стра-

нами, однако эти соглашения являются добровольными для всех сторон, и мнение самого осужденного должно учитываться.

Тем не менее, в Европе накоплен определенный положительный опыт по работе с иностранными гражданами. Так, в Норвегии в течение нескольких лет успешно осуществляется проект «Безопасный путь домой (Safe Way Home)», который финансируется государством. Суть проекта состоит в том, что в результате совместной деятельности миграционной полиции и волонтеров в 120 странах оказывается помощь лицам, отбывшим наказание в иностранных тюрьмах. Подобные проекты сейчас разрабатываются в Румынии и Марокко [4]. Другим примером может служить широкое использование в Нидерландах современных средств информационно-коммуникационных технологий для проведения в режиме видеоконференций сеансов общения осужденных с их семьями.

Имеющийся зарубежный положительный опыт представляет определенный интерес для российских органов исполнения наказаний.

Литература:

1. Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners Adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, 1955 and revised in 1977. — URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners.pdf (дата обращения: 21.11.2019).
2. Model Agreement on the Transfer of Foreign prisoners and Recommendations on the Treatment of Foreign Prisoners // 7th United Nations Congress of the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. — Milan, 1985. — URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Model_Agreement_on_the_Transfer_of_Foreign_prisoners_and_Recommendations_on_the_Treatment_of_Foreign_Prisoners.pdf
3. England and Wales Send More People to Prison Each Year than Anywhere Else in Western Europe // Prison Reform Trust, Press and Policy, 24/06/2019. — URL: <http://www.prisonreformtrust.org.uk/PressPolicy/News/vw/1/ItemID/688>. (дата обращения: 20.11.2019).
4. Slade, L. Foreign National Prisoners: Best Practice in Prison and Resettlement, 2015. — URL: https://www.wcmt.org.uk/sites/default/files/report-documents/Slade_%20L_%20Report_%202015_%20FINAL_0.pdf (дата обращения: 05.11.2019).
5. Bedard, L. E. Why You Need Bilingual Corrections Officers. URL: <http://www.correctionsone.com/treatment/articles/7112288-Why-you-need-bilingual-corrections-officers> (дата обращения: 18.01.1920).
6. O’Neil, L. The Rising Need for Bilingual Corrections Officers // Crime and Delinquency. February 7, 2014. United States Sentencing Commission. — URL: www.sentencingproject.org (дата обращения: 20.11.2019).

Уголовно-исполнительная система и проблемы обеспечения ее безопасности

Поляков Евгений Иванович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

На нормальное функционирование деятельности различных органов и учреждений уголовно-исполнительной системы оказывают влияние различные факторы, которые могут быть как внутренними, так и внешними. На режим и безопасность функционирования указанных органов может повлиять возникновение чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, обострение криминогенной и социальной обстановки в районе расположения того или иного органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, а также существенные недостатки в деятельности сами учреждений и органов. В настоящей статье предпринята попытка осветить основные проблемы обеспечения безопасности современной уголовно-исполнительной системы в России.

Ключевые слова: исправительное учреждение, безопасность, личная безопасность, обеспечение безопасности, внутренние и внешние угрозы безопасности, чрезвычайные обстоятельства, уголовно-исполнительная система.

The penal system and the problems of ensuring its security

The normal functioning of the activities of various bodies and institutions of the penal system is influenced by various factors, which can be either internal or external. The mode and safety of the functioning of these bodies can be affected by emergencies of a man-made and natural nature, aggravation of the criminal and social situation in the area of the location of a particular body or institution of the penal system, as well as significant shortcomings in the activities of the institutions and bodies themselves. This article attempts to illuminate the main problems of ensuring the security of the modern penal system in Russia.

Keywords: correctional institution, security, personal security, security, internal and external security threats, emergency, criminal justice system

Проблема безопасности появилась еще в глубокой древности и выражалась в особом общественном явлении, которое росло, укреплялось и расширялось по мере того, как для граждан возрастали опасности и угрозы со стороны внешних и внутренних врагов. Таким образом, обеспечение безопасности становится со временем одной из самых важных задач государства, общества и личности.

Как отмечает Демидов А.В., безопасность представляет собой одну из базовых потребностей и главную цель не только каждого человека в отдельности, но также и всего общества в целом. [3, с. 134]

Правоотношения, связанные с обеспечением безопасности возникают при наличии какой-либо опасности либо угрозы ее появления. При этом речь идет о таких угрозах, которые могут причинить вред объектам, находящимся под охраной. Угрозы безопасности действующей уголовно-исполнительной системы можно классифицировать на внешние угрозы и внутренние в зависимости от характера и места возникновения.

Под обеспечением безопасности действующей уголовно-исполнительной системы от различных внешних угроз принято понимать реализацию правовых норм, которые регулируют вопросы, связанные с защитой от разнообразных чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, всевозможных диверсий, эпидемий, нападений на органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, воздействий преступных сообществ, которые соей целью имеют дезорганизовать процесс исполнения уголовных наказаний и другие. В подобном случае безопасность уголовно-исполнительной системы осуществляется при помощи реализации норм различных отраслей отечественного права.

Как верно подчеркивает А.Г. Упоров, порядок возмещения вреда, причиненного при защите от различных внешних угроз, регулируется нормами гражданского права. Нормы административного права, в свою очередь, регулируют деятельность администрации органов и уч-

реждений, исполняющих уголовные наказания в России. Что касается норм уголовного права, то они направлены, главным образом, на обеспечение безопасности действующей уголовно-исполнительной системы при помощи установления уголовной ответственности за совершение преступлений против подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, против личности самих работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, а также за отдельные действия, которые на какое-то время могут дезорганизовать деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. [6, с. 17]

При решении вопросов обеспечения внешней безопасности уголовно-исполнительной системы необходимо принимать во внимание, что данная система собой представляет специфический государственный механизм, в котором отражаются все происходящие в обществе процессы.

Итак, мы рассмотрели внешнюю безопасность уголовно-исполнительной системы. Что касается внутренней безопасности данной системы, то необходимо помнить, что она состоит в обеспечении защиты от угроз и опасностей, которые возникают в самих органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Правовое регулирование процесса обеспечения внутренней безопасности уголовно-исполнительной системы России осуществляется, главным образом, нормами уголовно-исполнительного и уголовного законодательства Российской Федерации.

Правовое регулирование процесса обеспечения внутренней безопасности уголовно-исполнительной системы России направлено на:

- предупреждение и устранение опасностей, которые были вызваны чрезвычайными обстоятельствами, возникшими на территории исправительных учреждений (например, произошедшим захватом заложников, групповыми неповиновениями или массовыми беспорядками и т. п.);
- нарушений работниками уголовно-исполнительной системы законности при исполнении наказаний;

— нарушений осужденными гражданами порядка и условий отбывания наказаний, которые были установлены в соответствующем органе или учреждении;

— пресечение противоправной деятельности лидеров преступных группировок осужденных. [6, с. 18]

Как подчеркивает А. И. Одинцов, в процессе исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы возникают общественные отношения различного плана, включая административно-правовые отношения, которые являются для государственного управления принято считать базовыми отношениями. В литературе встречается точка зрения (которую выражает, в частности, А. И. Одинцов), в соответствии с которой исполнение уголовных наказаний не следует смешивать с управлением. [5, с. 14]

Авторы, разделяющие данную позицию, считают, что административно-правовые отношения в деятельности исправительных органов и учреждений имеют место только при организации функционирования исправительных учреждений, а также в процессе прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

По мнению А. Г. Упорова, уголовно-исполнительная система современной России представляет собой структурный элемент исполнительной власти. В связи с этой особенностью для уголовно-исполнительной системы характерны специфические функции, которые реализуются в форме и посредством государственного управления. В связи с этим, качественно своеобразным является только содержание уголовно-исполнительных отношений, а формально анализируемые отношения реализуются в рамках государственного управления. В практике деятельности уголовно-исполнительной системы наглядно отражен факт, что закон не может быть реализован вне деятельности властных структур, применяющих его. [6, с. 17]

В связи с этим режим в исправительных учреждениях, который предусмотрен статьей 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, [1] можно рассматривать в качестве административно-правового режима, включающего в себя следующие основные составляющие:

— во-первых, назначение режима исправительного учреждения, функции и требования данного режима;

— во-вторых, распределение полномочий между сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;

— в-третьих, система учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, а также особенности их взаимодействия и порядок функционирования указанных органов и учреждений;

— в-четвертых, специальные полномочия сотрудников учреждения, на территории которого действует режим ис-

полнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, в части нормативного регулирования, осуществления надзора и контроля за мероприятиями и мерами, составляющими данный режим;

— в-пятых, определение специального статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы, являющихся непосредственными исполнителями рассматриваемого режима, издание соответствующих нормативных правовых актов;

— в-шестых, особенности и порядок финансирования режимных учреждений.

По мнению Л. В. Ложкиной и А. В. Чугунова, для того, чтобы устранить факторы, отрицательным образом воздействующие на обеспечение безопасности в исправительных органах и учреждениях, на современном этапе следует принять комплекс мер, направленных на совершенствование уголовно-исполнительной политики. Помимо этого, необходимо также принять комплекс организационно-практических мер, направленных на укрепление режима исполнения и отбывания наказания в данных учреждениях и органах как основного механизма в деятельности по обеспечению безопасности. [4, с. 167]

Таким образом, проведенное исследование безопасности как объекта управления в уголовно-исполнительной системе позволило сделать следующие выводы.

Под обеспечением безопасности действующей уголовно-исполнительной системы от различных внешних угроз принято понимать реализацию правовых норм, которые регулируют вопросы, связанные с защитой от разнообразных чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, всевозможных диверсий, эпидемий, нападений на органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, воздействий преступных сообществ, которые соей целью имеют дезорганизовать процесс исполнения уголовных наказаний и другие. В подобном случае безопасность уголовно-исполнительной системы осуществляется при помощи реализации норм различных отраслей отечественного права.

Для того, чтобы устранить факторы, отрицательным образом воздействующие на обеспечение безопасности в исправительных органах и учреждениях, на современном этапе следует принять комплекс мер, направленных на совершенствование уголовно-исполнительной политики. Помимо этого, необходимо также принять комплекс организационно-практических мер, направленных на укрепление режима исполнения и отбывания наказания в данных учреждениях и органах как основного механизма в деятельности по обеспечению безопасности

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
2. Гагулькин, С. С., Пестряков А. В., Свиненков С. А. Проблемы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Молодой ученый. — 2018. — № 19. — с. 277–279.

3. Демидов, А.В. Сущность понятия «национальная безопасность», механизм его реализации (теоретико-правовой аспект) / А.В. Демидов // Экономические стратегии. 2013. — Т. 15. — № 6 (114). — с. 134–138.
4. Ложкина, Л.В., Чугунов А.В. Безопасность в исправительных учреждениях и факторы, негативно влияющие на ее состояние // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. — № 3. — с. 161–167.
5. Одинцов, А.И. Правовые и организационные основы информационного обеспечения управления в Федеральной службе исполнения наказаний. Рязань, 2008. — 226 с.
6. Упоров, А.Г. Безопасность как объект управления в уголовно — исполнительной системе / А.Г. Упоров // Уголовно-исполнительное право. 2015. — № 4 (22). — с. 17–25.

Понятие и правовая основа несостоятельности физических лиц: ретроспектива и современные реалии

Редикова Инна Витальевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Ключевые слова: ГК РФ, банкротство, несостоятельность, процедура банкротства, Объединенное кредитное бюро.

Несостоятельность (банкротство) — это признанная Арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей (ст. 2 Закона о банкротстве). Иными словами, факт банкротства представляет собой наличие всех элементов юридического состава данного института, необходимых для наступления юридических последствий в виде признания лица несостоятельным арбитражным судом.

Данное определение применимо как к физическим, так и к юридическим лицам, поэтому в данной статье необходимо отразить специфику банкротства физического лица, что удобнее всего сделать в сравнении с юридическим лицом, как субъектом процедур банкротства.

Дело в том, что процедуры банкротства применительно к юридическим лицам первичной целью имеют соразмерное удовлетворение требований кредиторов, в то время как по отношению к гражданам и индивидуальным предпринимателям такие процедуры носят в первую очередь социально-реабилитационный характер. Это обусловлено тем, что физические лица отвечают по долгам собственным имуществом (ст. 24 ГК РФ), что не характерно для участников юридических лиц, которые если и отвечают по долгам юридического лица, то лишь солидарно (п. 1 ст. 87 ГК РФ) или субсидиарно (п. 1 ст. 75, п. 4 ст. 86.1, п. 2 ст. 106 ГК РФ, п. 6 ст. 113, п. 2 ст. 123.3, п. 3 ст. 128.8, п. 3 ст. 123.21, п. 4 ст. 123.22, п. 2 ст. 123.23 ГК РФ), в строго предусмотренных законом случаях. Это значит, что физические лица в процедуре банкротства больше нуждаются в защите со стороны закона, а потому и цели банкротства физических лиц ориентированы на

поддержание добросовестного гражданина (лица, выступающего в гражданском обороте в собственном качестве) или ИП (лица, имеющего специальный статус профессионального участника рынка).

Интересным фактом является то, что в дореволюционном праве основным субъектом процедуры банкротства были именно физические лица. Впоследствии нормы о несостоятельности стали применяться и к юридическим лицам.

Возрождение института банкротства в российской правовой действительности связано с принятием Закона РСФСР «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 10 ноября 1992 года № 3929-1, который устанавливал возможность банкротства для юридических лиц, при этом совершенно не регламентируя банкротство граждан, будь то индивидуальные предприниматели или граждане, не занимающиеся предпринимательской деятельностью. Даже в определении понятия «должник», которое давалось в преамбуле обозначенного Закона, понималось «предприятие, которое не выполняет или в ближайшее время не сможет выполнить свои обязательства перед кредиторами» [6].

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также ГК РФ 1994 года, ГК 1994 года) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 30.11.1994) статьей 25 устанавливал банкротство индивидуального предпринимателя, без указания на возможность потребительского банкротства (банкротства лица, не являющегося предпринимателем). Самого порядка признания лица банкротом ни тогда, ни сейчас в ГК РФ не было и нет. Однако если сейчас это обусловлено наличием специального законодательства о банкротстве, то тогда институт банкротства нуждался в его детальной регламентации посредством дополнения ГК или принятия другого закона, устанавливающего соответствующие процедуры.

Федеральным законом от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон 1998 года) (глава IX) было предусмотрено применение банкротства не только к юридическим лицам, но и ко всем категориям физических лиц: к индивидуальным предпринимателям, крестьянским (фермерским) хозяйствам, а также к гражданам, не являющимся таковыми. И Закон 1998 года вполне мог бы обеспечить правовое регулирование всех категорий физических лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов процедуры банкротства, однако очень быстро обозначилась проблема. В заключительных положениях пункта 2 статьи 185 устанавливалось, что нормы о банкротстве граждан, не являющихся ИП, могут быть введены в действие с момента вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации. Как выяснилось ранее, ст. 25 ГК РФ 1994 года устанавливала возможность банкротства только индивидуальных предпринимателей (на данный момент внесены изменения в п. 1 ст. 25 ГК РФ, в которой в качестве субъектов несостоятельности (банкротов) теперь названы граждане (подразумевается, что субъектами банкротства может быть как лицо, имеющее статус ИП, так и лицо, не имеющее такой статус)).

Спустя четыре года указанная сфера законодательства вновь была обновлена Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который и действует сейчас с многочисленными поправками. На момент же принятия в него, по сути, были перенесены положения его предшественника 1998 года. При этом сохранялась прежняя проблема: положения о банкротстве гражданина вступали в силу после изменений соответствующих федеральных законов (ч. 2 ст. 231 Закона № 127). Но такие изменения не вносились.

Помимо данной проблемы, М. В. Телюкина так же считала значительным изъяном данного закона то, что к отношениям, связанным с несостоятельностью граждан, применялись правила, установленные гл. I—VIII Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ (хотя в Законе 1998 года аналогичная норма также имела). В своей работе автор рассуждает, что применение одних и тех же норм законодательства к субъектам с различным гражданско-правовым статусом невозможно, поскольку, во-первых, к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям как профессиональным участникам гражданского оборота «обычно предъявляются более строгие требования» [4, с. 118]. И, во-вторых, как справедливо замечает профессор Телюкина, ввиду отсутствия специальных процедур банкротства для физических лиц, «никто...не мог ответить на вопрос о порядке ликвидации должника-физического лица, признанного банкротом» [4, с. 119]. Поэтому применение норм о несостоятельности юридических лиц к физическим лицам не всегда представлялось технически осуществимым.

Между тем, необходимость в тщательной регламентации конкретно банкротства физических лиц оставалась.

Итак, институт несостоятельности (банкротства) физических лиц-непредпринимателей является новым для совре-

менного российского законодательства ввиду недавней его легализации в рамках внесения поправок Федеральным законом № 154-ФЗ от 29.06.2015 г. в Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)». Принципиальные новшества, направленные на детализацию и введение в действие норм, касающихся института банкротства должников-физических лиц, были внесены Федеральными законами от 29.12.2014 г. № 457-ФЗ и № 482-ФЗ в Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ.

Имеют место коренные изменения в правовой регламентации несостоятельности физических лиц. С 1 октября 2015 г. вступили в силу нормы § 1.1 гл. X «Реструктуризация долгов гражданина и реализация имущества гражданина» и ряд других новелл Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ.

Положения § 1.1 содержат нормы, применимые лишь к физическим лицам, то есть они являются специальными. Но наряду с ними пунктом 1 статьи 213.1 ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ устанавливается применение некоторых норм гл. I—III. 1 (общие положения, положения о мерах по предупреждению банкротства, о порядке разбирательства дел о банкротстве в суде, об оспаривании сделок должника), VII (о конкурсном производстве), VIII (о мировом соглашении), § 7 гл. IX (об особенностях банкротства застройщиков) и § 2 гл. XI (об особенностях банкротства отсутствующего должника) ФЗ «О несостоятельности» в той части, которая не урегулирована § 1.1 ФЗ «О несостоятельности».

В отношении должников-индивидуальных предпринимателей положения, предусмотренные § 1.1 гл. X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ, применяются с учетом норм п. п. 4, 5 ст. 213.1 Закона о несостоятельности, а также § 2 названной главы, независимо от того, связаны ли обязательства, с неудовлетворением которых связано возбуждение дела о банкротстве, с осуществлением предпринимательской деятельности или нет.

Должно быть, целесообразно разобраться в социально-экономических причинах такого реформирования законодательства и предпосылках установления института несостоятельности для физических лиц. В первую очередь, рост количества потребительских кредитов увеличивает и численность граждан, неспособных к своевременному и полному удовлетворению требований кредиторов. Такая тенденция стимулирует к поиску оптимального выхода, а именно применению процедуры банкротства.

Если принять во внимание статистические данные и аналитику, предлагаемые Объединенным кредитным бюро [5], то, безусловно, приводимые цифры не оставляют сомнений в необходимости подобного рода изменений в Законе о банкротстве.

Так, в первом квартале 2015 года отмечается «рекордное» повышение уровня просроченной задолженности. С начала этого года рост составил 1,96% и к концу квартала достиг значения 17,62%.

В другом исследовании (совместном для Объединенного Кредитного Бюро и проекта «Федресурс»), уже 2018

года, были проанализированы сведения о 56,7 млн. заемщиков с открытыми счетами, данные о которых имеются у Объединенного кредитного бюро, а также сообщения арбитражных управляющих о судебных решениях, представленные «Федресурсом».

На 1 января 2019 г. под действие ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» попадали около 748,2 тыс. россиян или 1,3% от общего числа заемщиков с открытыми счетами. По сравнению с прошлым годом количество потенциальных банкротов выросло на 6%.

Количество граждан и ИП, в отношении которых проведена процедура реструктуризации долгов или реализация имущества в 2018 г. выросло на 47% по сравнению с 2017 г.: с 29,8 до 44,0 тыс. человек, то есть почти в 1,5 раза.

Вероятно, можно сказать о том, что поправки к Закону о банкротстве в отношении физических лиц действуют и не были напрасными, поскольку позволяют должнику-физическому лицу освободиться от долгов (за исключением долгов личного характера, как, например, взыскание алиментов), а кредиторам — получить удовлетворение требований. Граждане пользуются новыми опциями, предоставляющими им легальную возможность выбраться из губительной «долговой ямы».

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС КонсультантПлюс.
3. Гуреев, В.А. Банкротство физических лиц. Часть I. Основные изменения в законодательстве о несостоятельности (постатейный комментарий) под ред. Гуреева В.А. М.: «Российская газета», 2015. Выпуск 19 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Телюкина, М. В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер-2004. 560 с.
5. Объединенное кредитное бюро // <https://bki-okb.ru>. URL: <https://bki-okb.ru/corp/analitika> (дата обращения: 05.04.2019).
6. Закон РФ от 19.11.1992 N 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 6.04.2019).

Исторические этапы развития криминологии в России

Редькина Екатерина Александровна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье автор рассматривает исторические этапы развития криминологии в России.

Ключевые слова: криминология, наука, этапы, история.

В современной России написано множество книг и научных статей по криминологии, может показаться, что наука активно развивается. Рассмотрев эту теорию мы можем понять, что это не так. Действительно в научной среде существует огромное множество книг, статей,

Между тем, в целях недопущения злоупотребления недобросовестными должниками процедурами банкротства для освобождения от долгов, Закон о несостоятельности предусматривает более серьезные последствия для повторного банкротства, о чем будет сказано в последней части данной работы.

Продолжая аргументацию тезиса о необходимости существования норм, устанавливающих и регламентирующих банкротство физических лиц, нельзя не обратить внимание и на то, что, во многих развитых странах, в частности, в Австралии, Канаде, США, Швеции, Германии, Франции, других странах, давно существуют нормы, устанавливающие правовое регулирование данного института [3]. Более того, процедуры банкротства часто используются указанными субъектами.

Из этого можно заключить, что в условиях современной экономики, учитывая рост потребительского кредитования, существование института банкротства физических лиц, в частности граждан, является необходимой «подушкой безопасности» как для должников, так и для кредиторов, способствующей не только разрешению «конflikта» между должником и кредитором, но и обеспечивающей стабильные рыночные отношения.

учебных и практических пособий, однако в большинстве случаев они не находят своего практического применения. Предлагаю рассмотреть развитие криминологии в России.

В дореволюционной России А.Н. Родищев впервые выявил показатели, характеризующие виды преступлений,

лиц, их совершивших, а также мотивы и причины совершения ими преступлений. А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский считали, что причиной преступности в России является общественный строй. В начале 20 века сформировалась база науки уголовного права, в которой возможно было уловить криминологические идеи.

После Октябрьской революции криминология продолжала развиваться. Криминология изучалась в рамках уголовного права. В рамках статистических данных был выделен раздел «моральной» статистики, в котором учитывалась информация о преступлениях и преступниках. В крупных городах находились кабинеты по изучению причин преступности, личность преступника и его психологические особенности.

В 1920-х годах вышли работы М. Н. Гернета «Моральная статистика» (1922 г.), «Преступный мир Москвы» (1924 г.), В. И. Куфаева «Юные правонарушители» (1924, 1925, 1929 гг.), Е. И. Тарновского «Основные черты современной преступности» (1925 г.), А. А. Герцензона «Изучение московской преступности» (1926 г.). Им опубликован первый советский курс уголовной статистики [1].

На основании изученных данных и проделанной работы как научными работниками так и практическими был создан материал, который мог бы стать трамплином для дальнейшего изучения криминологии.

В начале 30-х годов криминология подверглась критики, статья С. Я. Булатова «Возрождение Ломброзо в советской криминологии» (1929 г.) вызвала гнев, ученых в этой области обвинили в желание принести «буржуазные идеи» в советское общество. Единственная борьба с преступностью, это создание социалистического общества, при которой существование преступности не возможно. Отдел «моральной статистики» закрылся, все данные о преступности засекретились» До 50-х годов исследование в области криминологии имело закрытый характер и не находило отражение в практическом применении [2].

Во второй половине 50-х годов криминологические исследования стали приобретать открытый характер. А. А. Герцензон, В. Н. Кудрявцев и др. стали призывать к возобновлению криминологических исследований и возведение криминологии как науки. В 1963 г. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова ввел для юридического факультета курс криминологии, а с 1964 г. данный курс стал обязателен для всех юридических факультетов СССР. В этот период исследования криминологической науки развивалось. В. Н. Кудрявцев активно работал в области криминологического исследования, а именно описал причины проявления преступности, личность преступника в различных социальных группах и т. д. В последующем область криминологического исследования рассматривалось с психологической точки зрения, мотивы преступника, индивидуальные особенности преступника и т. д., эти разработки современная криминологическая наука использует и в настоящее время [3].

В конце 80-х годов были разработаны государственные программы для комплексной борьбы с преступностью, однако свое практическое применение получила в первой Федеральной программе РФ по усилению борьбы с преступностью в 1994–1995 гг. и Федеральных целевых программах по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг., 1999–2000 гг. [4]

С 2001 г. разработка криминологических программ прекратилось, что можно сравнить с 1930–1950 гг. 20 века. Если в 70-х — 80-х гг. прошлого века профилактика преступности занимает особое место, но с началом 21 века происходит спад.

В настоящее время мы можем наблюдать скачек в развитии криминологии, разработка программ направленных на борьбу с преступлениями в сфере терроризма, экстремизмом, наркотизмом и т. д., так же особое внимание уделяется коррупции.

На данном этапе в Российской Федерации развитие института криминологии имеет место быть больше в теоретическом аспекте, чем в практическом. На наш взгляд это несомненно связано с историей развития криминологии. Мы видим, что развитие науки было «скачками», не было плавного и логического развития. Так с 30х-50х годов 20 века криминология находилась в «ступоре», а с 70х-80х годов 20 века криминология активно использовалась в теоретической и практической деятельности.

С 2000–2008 гг. наука на практики практически не применялась, что и способствовало снижению темпов развития и применения криминологии как и в уголовной сфере на стадии следствия, так и в повседневной жизни самими гражданами [6].

Из всего вышесказанного необходимо сделать вывод о том, что фактор что развития криминологии зачастую зависит и от образованности органов применяющих её на практике, и её совершенствования на основе базы знаний полученной с практического опыта лиц применяющих её.

Изучение даже единичных случаев, и систематизация всех знаний приобретённых практическим путём упрощало бы работу данных органов.

На наш взгляд скорость и темпы развития криминологии уже в Российской Федерации напрямую зависят от желания сотрудников использовать их применять постоянно во избежание совершения преступления в отношении граждан, что способствовало бы уменьшению преступности и ускорению раскрытия уже совершённых преступлений.

Самым очевидным решением данного вопроса является возможность закрепления «криминологии» не только как науки, но и как юридически значимого акта, данные действия форсировали бы развитие данного института.

В настоящее время ученые уже работают над практическом применением знаний полученных за всю историю в области криминологических исследований и проводят новые исследования.

Литература:

1. Беляев, Н. А. Нет — преступлениям!. — М.: Лениздат, 2018. — 462 с.
2. Булатов, С. Я. Возрождение Ломброзо в советской криминологии. Революция права. — М.: 1929. — № 1, — с. 42–61.
3. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления. — М.: Госюриздат, 1960. — 244 с.
4. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение. — М.: Юридическая литература, 1978. — 191 с.
5. Кудрявцев, В. Н. Личность преступника. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 364 с.
6. Аванесов, Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. — М.: Юнити-Дана, 2017. — 676 с.

Проблемные аспекты оспаривания сделок должника в процедурах банкротства в специальном порядке

Солодилова Юлия Леонидовна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье проведен анализ проблемных аспектов оспаривания сделок должника в процедурах банкротства в специальном порядке. Методология исследования — анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического отечественного опыта.

Ключевые слова: сделки, должники, процедуры, банкротство, специальный порядок, конкурентное право.

В 2009 г. был принят ФЗ-73, в результате принятия которого были существенным образом усовершенствованы процедуры в отношении должников, признаваемых в судебном порядке банкротами. Существенные изменения затронули порядок признания сделок должника недействительными.

После принятия таких изменений в законодательстве стали возникать споры между правоприменителями и представителями экспертного общества. Случилось так, что на практике нормы законодательства о банкротстве стали конкурировать между собой. В действующей системе законодательства предусматривается только два основания, с учетом которых заключенные сделки могут быть признаны недействительными. В частности, ст. 61.2 ФЗ о процедуре банкротства предусматривает возможность отнесения сделки к категории подозрительных и признание ее в соответствии с этим критерием недействительной. Подозрительные сделки делятся на два основных типа — те, которые выделяются по признаку неравноценного предоставления и те, которые выделяются по цели причинения вреда для кредиторов. [1]

П. 2 ст. 61.2 ФЗ о процедуре банкротства предусматривает возможность признания сделки недействительной в том случае, если такая сделка была намеренно заключена с целью причинения вреда в отношении кредиторов. Признать такую сделку недействительной может арбитражный суд. Для оспаривания такой сделки необходимо соблюсти два условия. В частности, необходимо убедиться в том, что сделка была заключена не позже, чем за 3 года до инициирования процедуры банкротства. Также требу-

ется доказать причиненный вред по отношению к кредиторам. [2]

Возможность оспаривания сделки по этому основанию предусматривается как в отношении сделки, заключенной до инициирования процедуры банкротства, так и в течение неограниченного периода времени с момента принятия заявления о банкротстве. В России отправной точкой для отсчета считается дата принятия судом заявления о признании должника банкротом. Как отмечает в своем исследовании Г. Шершеневич, в практике часто встречаются случаи, при которых сделки признаются недействительными с акцентом на то, что их заключение носило в себе злой умысел со стороны должника, направленный для нанесения ущерба кредиторам.

Под вредом для кредиторов автор предлагает понимать либо уменьшение стоимости или размера имущества должника, либо наступление иных последствий, при которых кредиторы лишаются возможности частично или полностью удовлетворить свои требования. Чтобы признать сделку недействительной, необходимо доказать, что должник заключил сделку с целью причинения вреда имущественным правам, которыми обладают кредиторы. [3]

Контрагент, совершавший сделку, должен фактически знать о существовании такой цели. Как показывает практика, сложно доказать наличие такой цели у субъекта, поскольку это считается субъективным критерием. Наличие такой цели подразумевается и не требует доказывания в случае, если сделка была заключена должником при условии его соответствия признакам неплатежеспособности.

Если платежеспособность связана с прекращением (полным или частичным) обязанностей по уплате платежей, то недостаточность имущества является таким фактором, при котором денежные обязательства должника превалируют перед стоимостью имеющегося у должника имущества.

Чтобы признать в этом случае сделку недействительной, необходимо соблюсти одно условие — либо заявить об оспаривании сделки с учетом того, что она была совершена безвозмездно, либо такая сделка проведена с участием в ней заинтересованного лица. Заинтересованность может быть обеспечена, к примеру, за счет установления специальных правил для проведения сделки.

Ст. 19 ФЗ о процедуре банкротства предусматривает, что установление заинтересованности должно осуществляться с учетом того, какое положение заинтересованное лицо занимает по отношению к должнику, кредиторам и т. д. Заинтересованным признается лицо (физическое или юридическое), если оно относится к той же группе, что и должник, или если это лицо является аффилированным лицом должника. Как отмечает в своем исследовании М. Тихомиров, аффилированное лицо может быть связано с должником не столько имущественными отношениями, сколько находиться в управленческой зависимости.

Применительно к юридическому лицу заинтересованным может быть признан руководитель должника и члены совета директоров, главный бухгалтер. О. Сысоева в своем исследовании отмечает, что перечень заинтересованных лиц в рамках совершенствования законодательства о банкротстве должен быть расширен. [4]

Тем не менее в законе о банкротстве имеется отсылка к корпоративному законодательству, в законе нет четких указаний на то, должны ли выделяться какие-то дополнительные обстоятельства, чтобы была возможность признать заинтересованными иных лиц. В настоящее время в правоприменительной практике вопрос с установлением заинтересованности лиц решается с упором на то, что эти лица должны либо входить в ту же группу, что и должник, либо в деле должны быть установлены дополнительные обстоятельства.

Заинтересованными лицами в случае с предпринимателями и физическими лицами-банкротами признаются родственники по восходящей и нисходящей линии. Очевидно, что в рамках совершенствования законодательства о банкротстве перечень заинтересованных лиц должен быть расширен. В Постановлении Пленума ВАС от 30.04.09 г. № 32 указывается, сделка с участием заинтересованного лица признается таковой не только, если одной из сторон является заинтересованное лицо, но и, если такая сделка заключена с участием представителя заинтересованного лица. С учетом данной нормы уже назрела необходимость во внесении очередных изменений в законодательство о банкротстве.

В своем исследовании О. Зайцев высказывает мнение о том, что оспариванию должны подлежать такие сделки, из условий которых очевидно, что они могут причинить вред кредиторам, хотя фактически этого еще не произошло. Сделка может быть признана недействительной также при условии недобросовестности контрагента. И здесь возникает практическая проблема, связанная с необходимостью определения, действовал ли контрагент добросовестно. В системе законодательства понятия добросовестности не приводится. Н. Костюк в своем исследовании предлагает рассматривать это понятие с учетом наличия в нем субъективных и объективных элементов. Наличие всех перечисленных выше элементов является необходимым условием для того, чтобы признать сделку недействительной. О. Зайцев в своем исследовании указывает, что основание в виде причинения вреда имущественным правам кредиторов нужно рассматривать как общее по отношению к сделкам с неравноценным встречным исполнением и сделкам с предпочтением.

В рамках совершенствования законодательства предлагается расширить перечень заинтересованных лиц, установить перечень дополнительных обстоятельств для признания таких лиц заинтересованными, а также устранить коллизию, связанную с отсутствием понятия добросовестности контрагента.

Литература:

1. Федеральный закон N 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» // КонсультантПлюс [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
2. Постановление Правительства РФ N 855 от 27.12.2004 г. «Об утверждении временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // ГАРАНТ. РУ [Информационно-правовой портал]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/113239/>
3. Алферов, В. Н. Российская и зарубежная практика антикризисного и арбитражного управления в ликвидации кризисных процессов хозяйствующих субъектов // Вестник Института экономики и антикризисного управления (ИЭАУ). 2018. № 19 URL: <http://www.ieau.ru/nauka-v-ieau/vestnik-ieau/publikacii-zhurnala-vestnik-ieau/vestnik-ieau-2018.-n-19/>
4. Алферов, В. Н. Практика функционирования государственных органов по банкротству зарубежных стран и саморегулирования в арбитражном управлении // Вестник Института экономики и антикризисного управления (ИЭАУ). 2016. № 3. с. 2.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 2 (292) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 22.01.2020. Дата выхода в свет: 29.01.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.